common place

Владимир
Безгин

МУЖИЦКАЯ ПРАВДА

Обычное право и суд
русских крестьян

Москва
2017

УДК 9(02)"311"(1-4)
ББК Х3(2)5.3
Б 392

Б 392 Безгин В.Б. Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян — М.: Common place, 2017. — 334 с.
ISBN 978-999999-0-25-7

В этой книге традиционное право рассматривается как составная часть системы крестьянского самоуправления. Автор на основании широкого круга архивных источников и научных исследований реконструирует обычное право русской деревни второй половины XIX — начала XX века и показывает, какую роль играли правовые обычаи в жизни крестьянства. Даже если с точки зрения современной юриспруденции такая практика может показаться архаичной, опыт самоорганизации и самостоятельного решения вопросов в рамках локального сообщества сегодня, когда государство вмешивается во все и ни с чем не справляется, снова актуален.

ISBN 978-999999-0-25-7

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое
воспроизведение со ссылкой на источник

Оглавление

Введение 8

Неписаный закон народной жизни

Обычное право: истоки, историография, источники 12
Между обычаем и законом 39
Грех или преступление? 74

Правовые обычаи в повседневности села

Землепользование крестьян 86
Имущественные отношения 104
Договорные обязательства 124
Опека и усыновление 140

Преступления по обычному праву

Преступление против личности 154
Корыстные преступления 187
Прелюбодеяние и блуд 199
Половые преступления 212

Крестьянское правосудие

Сельские суды 242
Самосуд русских крестьян 258
Волостной суд 275

Заключение 304

Библиографический список 308

Введение

Моему внуку Максиму

Поиск путей преобразования Отечества сопровождается закономерным ростом интереса современного российского общества к своим историческим истокам. Очевидная неэффективность либеральной модели общественного устройства может быть преодолена посредством обращения и творческого использования традиций русского народа. Среди них сегодня наиболее востребованы как минимум две. Это развитие системы общественного самоуправления и практическое применение обычного права. Задача расширения самоуправленческой деятельности населения требует восстановления связей между официальным правом и его общественными истоками. Легализация государством правового обычая в качестве субсидиарного источника права поможет преодолеть формализм и концептуализм закона, возникающие в некоторых правовых ситуациях.

В настоящее время стало очевидно, что отход от этнокультурных ценностей и потеря национальных корней под действием всеобщей глобализации — это путь, ведущий к ослаблению суверенности и утрате национальной суверенности. Не дала желаемого результата попытка унификации российской системы права по западным лекалам. Путь реформирования правовой системы лежит через повышение ее эффективности, достижение которой невозможно без творческого использования всего многообразия национального правового наследия, в том числе и обычного права русского крестьянства.

Результаты новейших теоретических и прикладных исследований в отечественной этнологии права доказывают, что юридические обычаи как источник права отнюдь не изжили себя — они продолжают действовать как на обыденном уровне, так и играют существенную роль при формировании новой правовой системы и восстановлении апробированных форм управления, демократизации, децентрализации государственной и общественной жизни. Актуализируется правовой обычай также региональным и местным правотворчеством, ослаблением государственности, действиями федерального законодательства и режима законности, настроениями и ожиданиями сепаратизма.

Изучение народных правовых обычаев необходимо для более глубокого понимания событий современности. Темы правовых обычаев, правосознания, правовых норм и представлений в современной историографии рассматриваются как одни из самых перспективных сфер исследования. Сегодня для ученых, внимательно изучающих обычное право, достаточно очевидно, что оно представляло собой целостную правовую систему, включавшую право субъективное и объективное, материальное и процессуальное, и имело механизмы внутреннего и внешнего обеспечения.

Многие историки, а в основном правоведы, углубились в исследование обычного права этносов, населяющих территорию России, в том числе народов Севера и Кавказа. Однако имеется существенный пробел в изучении обычаев и обычного права русского народа, а точнее, русских крестьян.

Обычно-правовая система российского крестьянства выработала опыт организации правомерного поведения членов общества. Система крестьянского самоуправления позволяла сдерживать серьезные социальные противоречия и конфликты. Современная Россия перестала быть крестьянской по демографическому признаку, но осталась ею по духу. Глубоко усвоенные, ушедшие в подсознание традиционные представления о правде, справедливости и пользе стали неотъемлемой частью правосознания россиян.

В полиэтнической культуре многонационального российского общества всегда случаются коллизии, требующие разрешения не только с помощью государственных предписаний, но и посредством правовых обычаев. Обычай, содержащий в себе категории добра, милосердия и справедливости, должен поощряться государством, признаваться им юридически полезным и правомерным ради соразмерного и гармоничного общественного развития[1].

Концептуальный анализ правового опыта российского крестьянства позволит выяснить, какие исторические формы нормативного регулирования современное государство может без особого ущерба для своего суверенитета вернуть гражданскому обществу. Благодаря этому, государству, задыхающемуся под тяжестью своих законов, удастся разгрузить свой административный и судебный аппараты. На основе примирительного характера общественного правосудия, лишенного юридического формализма, возможно досудебное разрешение значительной части имущественных споров и большинства правонарушений. Использование исторического опыта народного правосудия в процессе современного законотворчества позволит с большей долей вероятности предвидеть судьбу тех или иных законодательных новелл, спрогнозировать эффективность принятых решений.

1 *Яшин А.Н.* Роль обычного права в утверждении идеи справедливости русского правосудия второй половины XIX века // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 383.

Неписаный закон народной жизни

Обычное право: истоки, историография, источники

Выяснение роли обычного права в жизни русской деревни следует предварить некоторыми замечаниями о самом предмете исследования. Древнейшие термины, означающие «право», относились к обычному праву: «правда», «норов», «обычай», «преданье». Такое же значение имели и термины «покон» и «закон», хотя впоследствии ими стали обозначать закон в собственном смысле. Летописец писал о древних славянах, что они «имея хуть обычаи своя, и законы отец своих и преданья, кождо свой норов», употребляя эти термины как равнозначные.

Обычное право возникло на основе правового обычая. Истоком обычая являлся прецедент, а точнее, множество прецедентов. Единожды возникнув, он затем применялся в аналогичных ситуациях и становился обычаем. В дальнейшем это стало предметом для подражания, а на повторяемости действий формировалось убеждение в необходимости[2]. Юридический обычай отличался от обычая простого тем, что включал в себя признаки правовых норм, норм, предоставлявших свободу действия одним лицам и ограничивавших свободу других лиц[3]. По утверждению теоретика права В.М. Хвостова, «под именем обычая разумеется юридическая норма, получившая обязательную силу вследствие долговременного применения ее на практике и привычки к ней народа. Таким

2 Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXIVa. С. 37.

3 *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. М., 1908. С. 97, 99.

образом, обязательность обычая покоится не на предписании государственной власти, а на привычке к нему населения»[4].

Обычай складывался постепенно и не имел личного происхождения. Наличность обычая проявлялась в том, что известные юридические действия совершались постоянно по единообразной норме. Под обычным правом В.И. Сергеевич понимал такие нормы, которые применялись к отдельным случаям, в силу согласных убеждений действующих лиц в необходимости подчиняться им[5]. Обычное право, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, есть некоторая совокупность общих норм исполнения, которая считалась обязательной, бытие этих норм проявлялось в ряде единообразных действий. Каждое новое поколение, прежде чем начинало действовать самостоятельно, наблюдало действия старших, их личная воля слагалась под влиянием установившихся уже способов действия[6]. Известный правовед конца XIX в. В.И. Сергеевич признавал обычай исходным источником правовых норм, трактуя его возникновение и функционирование в сугубо идеалистическом аспекте. По его мнению, вплоть до установления самодержавия в России понятия «закон» и «обычай» представлялись синонимами, и поэтому на обычае был основан весь правопорядок общественных отношений[7]. Крупный историк-правовед М.Ф. Владимирский-Буданов под понятием истории права понимал не только изложение норм, установлений в законе, но и существовавших помимо закона, т.е. обычного права. Он признавал обычай одним из источников права и отдавал должное существенности сохранившихся и в XIX в. обычно-правовых норм[8].

---

4 *Хвостов В.М.* Общая теория права [Электронный ресурс]: элементарный курс. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum958/item1428.html (дата обращения: 26.12.2009).

5 *Сергеевич В.И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 265.

6 *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 103.

7 *Сергеевич В.И.* Указ. соч. С. 24.

8 *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С. 3.

Сила, производящая обычай, по утверждению В.И. Сергеевича, есть народное сознание, которому соответствовало народное право. Первоначально согласные действия людей совершенно совпадали с их волей и прямо ей обуславливались. Но, по мере их накопления, они сами начинали оказывать давление на волю и определяли ее направление[9]. Близко к этому и суждение А.А. Риттиха, который считал, что обычное право есть система правовых норм, выработанных народной жизнью в соответствии с народным правосознанием и потребностями народного быта, пользующихся всеобщим признанием[10]. По мнению исследователя обычного права Н.С. Илларионова, оно сформировалось под влиянием бытовых условий повседневной жизни, заключало в себе общепризнанные юридические воззрения народа и осуществлялось фактически путем единообразного соблюдения в течение более или менее длительного времени[11].

Согласно происхождению обычное право обладало двойной обязательностью — внутренней и внешней, т.е. право измерялось не только личной совестью, но и сознанием права. Обязательный характер обычного права выражался в пословице: «Повальный обычай, что царский указ». Исполнение обычая было обязательным и не зависело от убеждения исполняющего его. «Против обычая не спорь». Для сообщения праву обязательной силы ему придавалось религиозное значение, т.е. происхождение обязательных норм возводилось к самому Божеству. Другой отличительной чертой обычного права являлся упорный консерватизм, ибо изменение его грозило разрушением самого права; отсюда «поступать по старине» значит «поступать по праву». «Что старее, то правее», — говорит пословица. Правовед дореволюционной эпохи Н.П. Загоскин считал, что это определялось особо ревностным отношением народа к своим обычаям. Он, в частности,

9 *Сергеевич В.И.* Указ. соч. С. 7, 9.

10 *Риттих А.А.* Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. С. 19.

11 *Илларионов Н.С.* Значение обычного права в народном суде. Харьков, 1893. С. 2.

замечал: «Обычаями народ дорожит и оберегает их от забвения. Он считает их соблюдение делом священным, угодным Божественной воле, и наоборот, измену установившемуся обычаю считает делом дурным, преступным»[12].

Однако соглашаться с полной консервативностью обычного права тоже не следует. Все-таки со временем условия жизни претерпевают изменения, иногда достаточно серьезные, и его существование на протяжении длительного времени говорит о том, что оно неплохо приспосабливалось к происходившим изменениям. Отдельные нормы не могли не меняться под воздействием новых условий, иначе обычное право теряло бы свою актуальность и неизбежно утратило бы свои практические функции, чего не произошло даже в XIX в. Как право, не выраженное в твердой (письменной) форме, оно имело даже большую возможность разнообразиться вместе с жизнью, нежели официальное[13]. Правовед Д.И. Мейер считал, что обычай есть «выражение юридического воззрения народа по существу своему»[14]. При этом он указывал, что «обычай так могущественен в юридическом быту, что, пожалуй, выведет из употребления закон, направленный против его применения»[15].

Принципиальное отличие обычая от закона было верно подмечено современным исследователем культуры средневековья А.Я. Гуревичем: «Нормы, зафиксированные в законе, становились неизменными, впредь надлежало следовать букве закона, ни в чем от него не отступая, закон приобретал независимое бытие, отвлекался от породивших его обстоятельств. Самое же существенное то, что запись права вела к своего рода “отчуждению” его от его творцов, которые впредь уже не могли ока-

12 *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Казань, 1899. Т. 1. С. 194.

13 *Бреус И.С.* Прошлое и настоящее обычного права: к вопросу о содержании термина // Олень всегда прав: исследования по юридической антропологии: сб. ст. М., 2003. С. 158.

14 *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. СПб., 1861. Т. I. С. 70—71.

15 Там же. С. 26.

зать на него своего воздействия и изменить его, толкование закона в дальнейшем становилось исключительной монополией судей, властей, но не общества, которое тем не менее должно было ему подчиняться. Между тем обычаи, не будучи записаны, сохраняли "пуповину", связывавшую их с обществом, с определенными его группами и слоями, и исподволь, неприметно для людей, при сохранении иллюзии неизменности, изменялись, приспособляясь к новым потребностям. Обычай ведь не хранится в памяти людей в неизменной форме, он творится ими, хотя они этого и не сознают и по-прежнему уверены в его "седой старине"»[16].

Изучение обычного права русского крестьянства в XIX в. дало свои результаты. Так, в частности, были сделаны выводы о том, что традиционная юстиция действует на основании обычного права и ставит своей целью не беспристрастное применение формальной законности, а поиск справедливости, понимаемой как наиболее целесообразное с точки зрения сохранения жизнеспособности данного социума решение конфликта. «Государственная и общинная юстиция, — пишет Л.Е. Лаптева, — не конкурируют, а дополняют друг друга: первая игнорирует существо конфликта, концентрируясь на формальных признаках возникших отношений, вторая является вполне универсальной и в принципе исходит из формального равенства всех подпадающих под ее действие субъектов»[17].

Термин «обычное право» был введен в научный оборот основателем естественно-правовой школы в России, социологом и историком права, профессором М.М. Ковалевским. Ему принадлежит заслуга рассмотрения на конкретных примерах этапов развития права, выявления значения обычая и основанного на нем обычного права в становлении нормативной системы ранних обществ. М.М. Ковалевский считал обычай частью национальной системы права.

16 *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. Право и обычай [Электронный ресурс]. URL: http://justlife.narod.ru/gurevich/gurevich08.htm (дата обращения: 26.12. 2009).

17 *Лаптева Л.Е.* Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. 1997. № 8. С. 107.

В XIX в. появились фундаментальные исследования сущности обычного права в рамках различных научных школ. Значительный вклад в изучение данного института был внесен представителями исторической школы права — Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухтой, которые рассматривали право в историческом развитии и неразрывной взаимосвязи с «народным духом». Идеи исторической школы получили разные оценки исследователей, но вместе с тем оказали большое влияние на дальнейшее изучение данного института и вызвали оживленную дискуссию в широких научных кругах, которая продолжается и сегодня.

Представитель государственной школы К.Д. Кавелин выдвинул собственную теорию происхождения русского права, которая подчинялась его общеисторической концепции. Правовед утверждал, что до конца XVIII в. в жизни русского народа преобладал патриархально-родовой быт, основанием которого и было обычное право. После принятия Соборного уложения 1649 г., «древняя русская жизнь исчерпала себя вполне, и с этих пор гражданские отношения стали определяться государством». Окончательно укрепил приоритет закона над обычаем Петр I[18].

Историк права Н.П. Загоскин расходился в оценке жизнеспособности русского обычного права с К.Д. Кавелиным, считая, что Петр I лишь нарушил народные юридические нормы, и они, слегка видоизменившись, продолжали свое существование до конца XIX в. Термин «обычай» исследователь русского права толковал как источник, определивший «значительную массу отношений и институтов не только частного гражданского права, но даже весьма обширный круг отношений и институтов, относящихся к различным сферам права, государственного, административного, уголовного и судебного процессов»[19].

Оппонентами исторической школы стали сторонники психологической теории во главе с Л.И. Петражицким[20]

18 *Кавелин К.Д. Со*брание сочинений. СПб., 1900. Т. 4. С. 50.

19 *Загоскин Н.П.* Указ. соч. С. 138.

20 *Петражицкий Л.М.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1.

и представители позитивистского направления юриспруденции (Г.Ф. Шершеневич[21]). На рубеже XIX—XX вв. появилось социологическое направление в юриспруденции, представители которого также не оставили без внимания институт обычного права (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов). Главный акцент в работах XIX в. делался на происхождении обычного права и его взаимосвязи с менталитетом общества, психологией и правосознанием личности. Основные положения этих работ анализируются и используются современными учеными.

***

Прочную основу собирание и изучение народных юридических обычаев получают лишь в начале 60-х гг. XIX в., вслед за крестьянской реформой 1861 г., придавшей юридическим обычаям живое практическое значение; с этого времени юристы начинают ими заниматься наравне с этнографами. Активная роль в изучении обычного права принадлежала российским научным обществам. Одним из первых сбор и обобщение правовых обычаев провело Русское географическое общество. Подготовленные этим обществом программы для собирания народных юридических обычаев в 1864 и 1877 гг. внесли неоценимый вклад в разработку отечественной юридической этнологии. В протоколах комиссии отмечалась необходимость изучения обычного права для «осторожного слияния» крестьянских юридических обычаев с государственным законодательством[22].

Материалы архива были систематизированы и описаны известным этнографом К.Д. Зелениным[23]. Изучением правовых устоев деревни плодотворно занималось

21 *Шершневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1.

22 Программа для собирания народных юридических обычаев. Издание комиссии собирания народных юридических обычаев, состоящей при отделении этнографии Императорского русского географического общества. СПб., 1889. С. V.

23 *Зеленин К.Д.* Описание рукописей ученого архива Императорского РГО. Пг., 1914—1916. Т. 1—3.

Этнографическое отделение Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Общество выпустило сборники по правовому быту крестьянства[24].

Весьма важным в рассматриваемом плане следует признать предпринятое в 1872 г. особой правительственной комиссией исследование положения волостных судов в 15 губерниях России, и притом не только как судебного учреждения вообще, но и как суда по народному обычаю. Комиссия дала массу материалов для обычного права[25]. Наиболее ценную часть этого издания, с точки зрения исследователя обычного права, представляет обширное собрание решений волостных судов. Материалы по обычному праву добывались из расспросов старожилов, из решений народных судов (волостных, станичных, сельских), из юридических сделок (письменных и словесных), из приговоров сельских и волостных сходов. При этом исследователей прежде всего интересовало народное понимание власти, государства, закона, справедливости.

Таким образом, в итоге большинство исследователей второй половины XIX — начала XX в. доказали факт существования специфических правовых отношений в народной среде. В историографии этого периода можно выделить ряд особенностей: в основном это публицистические статьи, имеющие определенную информационную ценность; объектом исторического исследования стали народные правовые отношения; были поставлены вопросы о происхождении и развитии крестьянских правовых воззрений и их соотношении с основными положениями официальных законов. Отличие в исследовательских подходах выразилось в том, что одни рассматривали обычное

24 Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования). М., 1889. Вып. 1. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Т. II.

25 Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по делам присутствий). СПб., 1873—1874. Т. 1—9.

право как явление самобытное, отличное от права государственного; другие видели в нем результат правовой обособленности крестьянства; третьи настаивали на связи между государственным и обычным правом.

Исследование и изучение обычного права получило свое продолжение после 1917 г. Советская юридическая и историческая мысль отводила обычаю ведущую роль в становлении писаного права на ранних этапах классового общества[26]. В «Общей теории государства и права» утверждалось мнение о том, что в процессе ликвидации феодальной раздробленности создавались единые кодексы национального права (в России — Соборное уложение 1649 г.), регулирующие в масштабе всей страны феодальные отношения[27]. Преобладающей формой права становился закон, который вытеснял обычное право. Так, С. Голунский отмечал, что «обычай становится нормой права в том случае, если его несоблюдение влечет за собой применение санкций со стороны государства»[28]. Но другие авторы считали, что, хотя создание централизованного государства подрывало партикуляризм права, многочисленные вопросы правовой жизни «по-прежнему решались на основе норм местного, обычного права»[29].

Органы крестьянского самоуправления в советской исторической литературе оценивались как полностью зависимые от власти. Так, исследователь советской эпохи И.Д. Шахназаров отмечал, что «в каждой волости был волостной суд, состоявший большей частью из богатых крестьян, из кулаков, — суд, целиком находившийся в руках царских властей и местных помещиков»[30]. Исто-

26 *Черниловский З.М.* Всеобщая история государства и права. М., 1970. С. 99, 125, 172—180; *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 38, 228.

27 Общая теория государства и права. Л., 1974. Т. 2. С. 61, 63, 68—69.

28 *Голунский С.* Обычай и право // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 52.

29 Марксистко-ленинская общая теория государства и права: исторические типы государства и права. М., 1971. С. 235—236.

30 *Шахназаров И.Д.* «Крестьянская реформа» 1861 года

рик П.А. Зайончковский на основе анализа полномочий мирового посредника писал об «отсутствии какого-бы то ни было крестьянского самоуправления в пореформенной России»[31].

Проблема развития правовых взглядов русских крестьян стала более активно интересовать ученых в 70-е гг. XX в. Большое внимание к изучению истории сельской общины в России привело и к первым попыткам исследования обычного права позднефеодальной и пореформенной деревни. Данный вопрос обсуждался на XVIII и XIX сессиях (1980, 1982 гг.) Всесоюзного симпозиума по аграрной истории. Первопроходцами в изучении данной проблемы стали М.М. Громыко, В.А. Александров и П.Н. Зырянов[32]. Этнограф М.М. Громыко в работе, посвященной сибирской деревне, рассмотрела повседневную жизнь крестьянской общины сквозь призму обычного права. Историк П.Н. Зырянов сделал попытку проследить изменения в обычном праве, появившиеся после реформы 1861 г. Он изучил влияние обычного права на общинное землевладение и роль обычаев в разделе и наследовании имущества. Автор утверждал, что обычное право к концу XIX в. стало препятствовать капиталистическому развитию деревни, правосознание крестьян в тот период уже было подготовлено к восприятию твердых оснований писаного права[33]. Иного мнения придерживался В.А. Александров. Он утверждал, что «условия существования сельской общины способствовали живучести “неписаной совокупности правовых норм”, по своей

и крестьянство после «освобождения». Л., 1935.

31 *Зайончковский П.Л.* Отмена крепостного права в России. М., 1960. С. 143, 146.

32 *Громыко М.М.* Община в обычном праве сибирских крестьян XVII — 70-х годов XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1971; *Александров В.А.* Отечественная наука XIX — начала XX века об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в пореформенной России. Воронеж, 1983; *Зырянов П.Н.* Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6.

33 *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 100, 101.

юридической сущности расходившихся с законодательными нормами»[34]. Изучая сельскую общину, автор отметил ее дуалистическую сущность как посредника между властью в лице феодала и крестьянами. Исследователь выдвинул тезис о приспособляемости общинного дуализма к конкретным природно-географическим и изменяющимся историческим условиям, о способности обычного права трансформироваться[35].

Рассматривая обычное право крепостной деревни, В.А. Александров отмечал, что «обычно-правовые нормы, регулирующие семейно-имущественные отношения в крестьянской среде, отвечали взглядам помещиков о необходимости сохранения тяглоспособности всех крестьянских семей». По его мнению, «только в начале XIX в. в крестьянскую среду, причем в ее наиболее зажиточную часть, связанную с отхожим предпринимательством, начали проникать, не без давления помещичьей администрации, законодательные принципы писаного гражданского права, прежде всего, в сфере завещания и наследования»[36].

1990-е гг. были отмечены новым всплеском исследовательского интереса к данной проблематике. В публикациях И.Н. Милоголовой были затронуты вопросы семейной собственности, положения крестьянки, распределения хозяйственных функций и их обусловленности нормами обычного права[37]. Правовая культура русской деревни, деятельность волостных судов получили свое освещение в работах историков Т.Н. Тарабановой и Л.И. Земцова[38].

34 *Александров В.А.* Сельская община в России. XVII — начало XIX века. М., 1976. С. 16, 17.

35 *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984.

36 Там же. С. 253.

37 *Милоголова И.Н.* Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 2. С. 18—30; Ее же. Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2. С. 93—102.

38 *Тарабанова Т.Н.* Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы: сб. ст. М., 1993. С. 38—52; *Земцов Л.И.* Волостные

В фундаментальном исследовании социальной истории России Б.Н. Миронов дал обстоятельный обзор состояния обычного права русской деревни[39]. Антропологический подход к изучению правовой ментальности российских крестьян второй половины XIX в. был применен в исследовании Т.В. Шатковской[40]. Проблема крестьянского правосознания подробно освещена в работах М.М. Громыко[41]. Она впервые показала, что морально-этические представления крестьян были естественной основой их правовой практики. Автор считает, что решающее влияние на формирование крестьянских правовых представлений оказали сельскохозяйственный труд и авторитет старших поколений.

Свой вклад в изучение проблемы внесли зарубежные историки, особенно работающие в области крестьяноведения. Следует выделить работу М. Левина «Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи»[42]. В ней автор не только обстоятельно проанализировал состояние в дореволюционной историографии проблемы обычного права, но и показал значение юридических обычаев крестьян в самых разных сферах жизни русской пореформенной деревни. Взаимодействию правовой идеологии и юридической практики крестьянских судов в начале XX в. посвящена статья Дж. Бербанк. По утверждению автора, деятельность волостных судов способствовала формированию самосознания крестьянства и развитию правовой

суды Центрального Черноземья в начале 70-х гг. XIX в. // Исторические записки. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 65—72.

39 *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2-х т. СПб., 2000. Т. 2.

40 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000.

41 *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000; *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986.

42 *Левин М.* Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. М., 1997. Вып. 2. С. 84—127.

культуры российской деревни[43]. Историк Г. Попкинс рассмотрел конкретные случаи из судебной практики волостных судов. Исследователь приводил случаи, когда правосудие основывалось на гражданских законах, тем не менее он сделал вывод о «триумфе» традиционных местных обычаев в повседневной практике волостных судов и даже судов более высокого уровня[44]. С позиций антропологического подхода изучает различные формы крестьянского самосуда американский исследователь С. Фрэнк. Самосуд он трактует как акцию крестьянской общины, направленную на пресечение действий, которые угрожали нарушить традиционные социальные отношения или нанести урон хозяйству деревни[45]. Из последних работ наших зарубежных коллег следует выделить статью Т. Шанина. В этой обобщающей работе автор выделяет особенности обычного права в русской деревне[46].

В теоретико-методологическом аспекте наиболее актуальной является проблема соотношения обычного права и законодательства. Отождествление закона и правового обычая ограничивает понимание права суммой изданных государственными органами актов. В 80-х гг. XX в. в теоретических исследованиях правовой обычай преимущественно рассматривался как изживающий себя источник права. В настоящее время обычай и связанные с ним явления стали объектом пристального внимания со стороны целого ряда научных направлений (этнология, социоло-

43 *Бербанк Д.* Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: антология. Самара: Самар. гос. ун-т, 2000. С. 243—265.

44 *Popkins G.* Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889—1917 // The Russian Review. 2000. № 59. P. 414.

45 *Фрэнк С.* Народная юстиция и культура русского крестьянства. 1870—1900 // История ментальностей и историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 233—238.

46 *Шанин Т.* Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальная практика. М., 2002. С. 267—274.

гия, юриспруденция)[47]. Плодотворно развитие такой научной отрасли, как антропология права, которая допускает существование в одном государстве нескольких правовых систем. Такая трактовка с позиций правового плюрализма позволяет изучать обычное право не как историческое явление, предправо, но как сосуществующее право. Недостаток прежних подходов заключался в том, что проблемы, связанные с функционированием регуляторов, не санкционируемых государством, оставались вне поля зрения исследователей. Однако историческая практика доказала, что игнорирование обычно-правовых норм и традиционных народных правовых воззрений, неприятие их в качестве непременного компонента правового развития общества приводят к серьезным несоответствиям юридической действительности и законодательства, понижению уровня правовой культуры и даже деградации общества.

Изучение правового обычая актуализирует, по мнению ряда авторов[48], вопрос о необходимости разграничения понятий «обычное право» и «правовой обычай». В данном контексте правовой обычай выступает как правило поведения, «соблюдаемое вследствие осознания его обществом как необходимого и обеспеченного общественной санкцией»[49], а обычное право — как совокупность указанных правил поведения, итог их действия, система права[50]. При этом обычное право предлагается рассматривать как совокупность не только правовых обычаев, но и иных явлений правовой действительности, всегда присутствующих в социальной

47 *Царегородская Е.В.* Научные интерпретации правового обычая и его роль в истории права. СПб., 2006; Кочетыгова Н.И. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Плеханов А.А.* Обычное право как социокультурный фактор общественного развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2006 и др.

48 *Грязнов Д.Г.* Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Савенко Г.В.* Изучение проблем обычного права в новейших публикациях отечественных юристов // Правоведение. 2004. № 3. С. 259—269.

49 *Грязнов Д.Г.* Указ. соч. С. 11.

50 *Грязнов Д.Г.* Указ. соч. С. 14; Савенко Г.В. Указ. соч. С. 261.

среде — религиозных норм, социальных норм, не являющихся обычаями и не санкционированных государством[51].

Современные исследователи, активно разрабатывая проблематику обычного права, акцентируют внимание на актуальности и прагматической направленности своих работ. Так, юрист А.Г. Алборова в диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что, «по сравнению с писаным правом, народные обычаи, несмотря на свою консервативность, в действительности оказывались более гибким регулятором общественных отношений, способным учесть множество разносторонних факторов и приспособиться к ним. Эта черта обычного права способствовала достижению социальной справедливости в процессе его применения в том виде, как это понималось крестьянами»[52].

Выяснению роли обычного права в волостном судопроизводстве посвящено исследование А.В. Кирилина. Автор справедливо указывает на то, что «обыденное правосознание значительной части наших сограждан содержит массу традиционных элементов, истоки которых берут свое начало в крестьянском менталитете. В качестве примера достаточно привести неприятие института частной собственности, негативное отношение к позитивному праву»[53].

Обеспечение эффективного эволюционирования российской правовой жизни, по мнению А.С. Коноваловой, детерминируется авторитетом российских государственных правовых институтов за счет реального отражения обычного права в законодательстве и правоприменении, а также определяющим характером личностных отношений в конкретной социальной системе[54].

---

51 *Ломакина И.Б.* Обычное право: историко-теоретический аспект: монография. СПб., 2005. С. 15, 18, 21.

52 *Алборова А.Г.* Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 14.

53 *Кирилин А.В.* Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 5.

54 *Коновалова А.С.* Обычное право в российской правовой жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 5.

Особо следует отметить монографию Т.В. Шатковской[55]. Впервые в историко-правовой науке появилось фундаментальное исследование, основанное на междисциплинарном подходе, в котором дан исчерпывающий анализ роли, значения и потенциала обычного права в российской правовой системе России второй половины XIX — начала XX в. Выяснение принципов и характеристик обычного права приводит автора к выводу об исторически сложившейся взаимосвязи принципов обычного права и основ законодательства, о том, что главным условием эффективности обычного права является соответствие его институтов специфике внутренних институциональных связей социума[56]. Анализ дихотомии закона и обычая в правовой жизни российских крестьян дал основание исследователю утверждать, что признание обычного права в качестве основы права не умаляет значение закона как источника права, а лишь возвращает позитивному праву его историческую почву[57].

Современное состояние отечественной науки характеризуется ростом исследовательского интереса к проблеме обычного права русского села. Хорошим подспорьем в изучении данного вопроса стал библиографический указатель по обычному праву, составленный А.А. Никишенковым[58]. Чаще к данной теме стали обращаться молодые ученые. Так, принципы обычного права русского крестьянства анализирует в своем диссертационном исследовании А.В. Курашов[59]. Состоянию сельского судопроизводства посвящена книга липецкого историка Л.И. Земцова[60].

---

55 *Шатковкая Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Ростов н/Д, 2009.

56 Там же. С. 28, 30.

57 Там же. С. 31, 34.

58 Обычное право народов России: библиографический указатель (1890—1998 гг.) / составитель и автор вступительной статьи А.А. Никишенков; под ред. Ю.И. Семенова. М., 1998.

59 *Курашов А.В.* Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX — начала XX века: по материалам центральных губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

60 *Земцов Л.И.* Крестьянский самосуд: правовые основы и де-

Содержание правовых традиций русских установлено в посмертно опубликованном исследовании этнографа С.В. Кузнецова[61]. Проблема правового обычая в жизни русского села затронута в ряде исследований правоведов. Выяснению роли обычного права в волостном судопроизводстве посвящена работа А.В. Кирилина[62].

Не утратила своей актуальности и тема крестьянского самосуда, свидетельство тому — ряд современных публикаций по этой проблеме. Исследователь из Кургана С.Г. Федоров изучил феномен самочинных расправ крестьян над конокрадами[63], в качестве наказания за снохачество[64]. Автор приходит к выводу, что если в борьбе с конокрадством самосуд в российской деревне был явлением обыденным, то самосуд за снохачество являлся мерой экстраординарной.

Исходя из тезиса об архаике и примитивности социально-правового развития страны, рассматривает самосуд А.М. Смирнов. В научных статьях[65] и монографии[66]

ятельность волостных судов в пореформенной России (60—80-е гг. XX в.). Воронеж, 2007.

61 *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX — начало XX в.). М., 2008.

62 См.: *Кирилин А.В.* Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

63 *Федоров С.Г.* Конокрадство и самосуд в системе обычного права провинциальной России второй половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (41). Ч. II. С. 197—199.

64 *Федоров С.Г.* Снохачество и самосуд в обычном праве российской и сибирской деревень во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). Ч. I. С. 185—188.

65 *Смирнов А.М.* Самосуд как социально-культурный феномен крестьянской общины в эпоху Российской империи // История государства и права. 2013. № 10. С. 10—13 ; Его же. Самосуд над ведьмами и колдунами в России // История государства и права. 2015. № 7. С. 6—9.

66 *Смирнов А.М.* Самосуд в России. М.: Юрлитинформ, 2013.

он, на наш взгляд, упрощенно трактует самосуд как исключительно преступное деяние. Такой поверхностный взгляд на уникальное явление правовой жизни крестьян вызвал обоснованную критику со стороны специалистов[67]. Напротив, примером глубокого и всестороннего анализа этого явления стала статья Т.В. Шатковской[68]. Автор интерпретирует понятие «самосуд» как проявление народной культуры. Исследователь приходит к обоснованному выводу о том, что «посредством сельского самосуда осуществлялись... укрепление сельской солидарности, выход коллективной агрессии... формализация и блокирование насильственных форм поведения, силовое обеспечение «мирского» авторитета... улучшение стратегий выхода из аномальной ситуации»[69].

Устойчивый интерес проявляют исследователи и к деятельности волостных судов. За последние годы этой теме посвящено значительное число публикаций, выполненных на материалах регионов[70]. Вопросы рефор-

67 См.: *Васев И.Н.* Самосуд в крестьянском правовом быту // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3(91). С. 31.

68 *Шатковская Т.В.* Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 35—39.

69 *Шатковская Т.В.* Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 39.

70 См.: *Баринов А.А.* Система органов волостной юстиции на территории республики Мордовия в конце XIX — начале XX века (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) // Российский научный мир. 2013. № 1. С. 24—36; *Мартышкин В.М.* Деятельность института волостного судопроизводства в пореформенной России: к 150-летию судебных уставов 1864 г. // Евразийская адвокатура. 2014. № 3 (10). С. 33—37; *Менщиков И.С.* Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (68). Ч. I. С. 119—124; *Сорокин А.А.* Волостной суд в системе судопроизводства Российской империи в конце XIX — начале XX вв. // Социогуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 121—125; *Соснина М.А.* Система волостных судов в пореформенной России (на примере Архангельской губернии) // Историко-правовые про-

мирования волостного судопроизводства рассмотрены в статьях А.А. Сорокина[71], О.С. Степановой[72], Ю.В. Щедриной[73]. О тенденции сближения волостной и мировой юстиции размышляет в своей работе С.В. Лонская[74]. По ее весьма спорному утверждению, «на протяжении пятидесяти лет сосуществования в Российской империи волостной и мировой юстиции в конце XIX — начале XX в. шел процесс неуклонного движения к единой системе местных судов»[75]. Основываясь на изучении деятельности правительственных комиссий начала XX в., В.В. Баринов считает, что «преобразование организационно-правовых основ деятельности волостного суда происходило на фоне разрешения вопроса о дальнейшем существовании местной юстиции в целом и необходимости возрождения низшего звена судебной системы Российской империи — мирового суда»[76]. Оценка закона

блемы: новый ракурс. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 9; *Шишкарева Т.Н.* Деятельность волостных судов в 1861—1889 гг. в Курской губернии // Перспективы науки. 2014. № 1 (52). С. 26—30. и др.

71 *Сорокин А.А.* Реформа волостного суда в 1890-е годы (по материалам комиссии Н.В. Муравьева) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 68—74.

72 *Степанова О.С.* Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 2. С. 58—70.

73 *Щедрина Ю.В.* Дискуссия о судьбе волостного суда в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4 (32); Ее же. Правовое регулирование статуса волостных судей в проектах редакционных комиссии (1902—1904 гг.) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2014. № 1.

74 *Лонская С.В.* Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 7—14.

75 Там же. С. 14.

76 *Баринов В.В.* Деятельность правительственных комиссий по реформированию волостного судопроизводства в начале XX века // Вестник Евразийской академии административных наук 2014. № 4 (29). С. 50—55.

о местных судах 1912 г. приводит украинского историка И.Г. Верховцеву к выводу о том, что «несмотря на то, что этот шаг способствовал преодолению сословной ограниченности крестьянства, он оказался фатально запоздалым, поскольку усиливал социальное напряжение в селе накануне Первой мировой войны»[77].

Проблема взаимодействия волостных судов с земскими начальниками изучена в публикации исследователя Н.В. Башкиревой[78]. Анализ автором контроля земских начальников волостного судопроизводства приводит ее к выводу о том, что такая опека способствовала подъему правосознания деревни, сокращению практики применения телесных наказаний в крестьянской среде[79]. На основе широкого круга архивных источников Д.В. Егоровым создан исторический портрет волостного судьи[80]. Причину склонности волостных судей к взяткам уральский историк И.А. Попп усматривает в их абсолютной безнаказанности, в том, что они обосновывали свои действия аморфными и не всегда ясными «обычаями»[81].

Проблема роли и места правового обычая в повседневной жизни российской деревни продолжает привлекать внимание современных ученых. Так, значение правового обычая в регулировании общественных отношений в дореволюционной России на примере удмуртской общины-буксель изучена в статье А.Е. Загребина и И.Л. Поздеева[82]. По утверждению авторов, правовой обычай «был од-

77 *Верховцева И.Г.* Реформирование волостного суда в Российской империи в 1912—1914 гг. // Интеллигенция и власть. 2015. Вып. 32. С. 49.

78 *Башкирева Н.В.* Институт земских участковых начальников и волостной суд: к вопросу взаимодействия // Известия ВГПУ. Т. 260. 2013. № 1. С. 164—168.

79 Там же. С. 167.

80 *Егоров Д.В.* Исторический портрет волостного судьи // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 4 (31). С. 120—128.

81 *Попп И.А.* Крестьянский местный суд: к проблеме «лихоимства» и «мздоимства» волостных судей // Вопросы всеобщей истории. 2013. Т. 15. С. 84—89.

82 *Загребин А.Е., Поздеев И.Л.* Правовой обычай в практике социального регулирования удмуртской общины-буксель // Вест-

ним из наиболее эффективных механизмов постепенного включения членов этнических сообществ в сферу позитивного права Российской империи и организации государственного управления инородческих окраин»[83]. Эволюция обычно-правовых норм семейно-брачных отношений у марийцев стала предметом изучения в статье молодого ученого из Чебоксар А.В. Ефремова[84]. Анализ особенностей обычного права в контексте «трудовой» теории крестьянской семьи предпринят в работе П.Ю. Мельникова[85]. Им дан обстоятельный обзор взглядов правоведов дореволюционной поры на принцип «трудового начала» и его роли в семейных и наследственных отношениях русских крестьян.

Таким образом, историографический обзор проблемы обычного права русских крестьян дает основание утверждать, что ее изучение не утратило своей актуальности и имеет практическое значение в деле совершенствования правовой системы современной России. Очевидно, что плодотворное изучение правовых обычаев русского села сегодня возможно только на основе междисциплинарного подхода, посредством объединения усилий исследователей различных специальностей.

***

Основу настоящей работы составил архивный материал, извлеченный из фондов центральных и местных архивов. Часть использованных документов введена в научный оборот впервые. Сложность сбора фактического материала была обусловлена спецификой рассматриваемой проблемы. Документы, отражающие (прямо,

---

ник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 6. С. 153–161.

83 Там же. С. 153.

84 *Ефремов А.В.* Эволюция обычно-правовых норм института брака и семьи у этноса мари в XVIII–XIX вв. // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 300–302.

85 *Мельников П.Ю.* Особенности обычного права Российской империи XIX века: «трудовая» теория крестьянской семьи (основные положения и контраргументы) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 59–64.

а чаще косвенно) содержание правовых обычаев и состояние сельского правосудия, рассредоточены в фондах различных ведомств и учреждений. Мало, что вполне закономерно, свидетельств, исходящих непосредственно от самих крестьян. Это приговоры сельских сходов, решения волостных судов, крестьянские письма, мемуары сельских жителей. В работе была использована информация, исходящая от представителей сельской интеллигенции, являвшихся активными участниками обследований деревни, проводимых научными обществами (Русское географическое общество, Вольное экономическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии). Архивы этих обществ содержат ценный материал, отражающий хозяйственный уклад села, состояние общинных традиций, правовые воззрения крестьян, культуру и быт жителей деревни[86].

Богатый материал (более 2 тыс. документов) находится в фонде Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева Российского этнографического музея[87]. Документы тенишевского фонда на сегодняшний день еще недостаточно востребованы и изучены специалистами по отечественной истории. Корреспонденции (учителей, священников, землевладельцев, редко — крестьян), присланные в качестве ответов на вопросы программы этнографического исследования, содержат информацию о различных сторонах сельской повседневности конца XIX в. Материалы фонда по ряду губерний опубликованы[88].

Не много в материалах фонда информации об обычном праве. Это связано с тем, что соответствующий раздел программы В.Н. Тенишева содержал специфические вопросы, на которые было трудно ответить корреспондентам, не разбиравшимся в юридических тонкостях. Другая причина заключалась в позиции губернских властей.

86 Арх. русского географ. о-ва (АРГО); Арх. Ин-та этнологии и антропологии АН РФ (коллекция ОЛЕАЭ).

87 Арх. Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 2.

88 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2006—2012. Т. 1—7.

Так, в фондах РГИА нами обнаружена переписка губернаторов с министром внутренних дел по вопросу сбора этнографических сведений о крестьянах Центральной России[89]. Из нее следует, что в ряде губерний местные власти воспретили сотрудникам Этнографического бюро снимать копии с приговоров волостных судов и производить опросы местных жителей о состоянии сельского правосудия. В качестве мотива указывалось, что это может вызвать нежелательные толки среди населения и представления о возможности пересмотра вступивших в силу судебных решений[90]. Поэтому исследовательской удачей стало выявление в фонде В.Н. Тенишева копий решений Ильинского волостного суда Болховского уезда Орловской губернии за 1896 г.[91] В совокупности с материалами волостных судов уездов Тамбовской губернии, обнаруженными в фондах ГАТО, они дали необходимую репрезентативность. Анализ конкретных судебных дел позволил установить причины внутридеревенских конфликтов, выяснить аргументацию тяжущихся сторон, определить особенности сельского судопроизводства и роль правовых обычаев в принятии решений.

Содержание различных аспектов правовых отношений жителей русской деревни было установлено посредством использования материалов фондов центральных архивов[92]. Из фонда Земского отдела МВД[93] извлечены документы, характеризующие деятельность земских начальников, выборных лиц сельского и волостного правлений, раскрывающие состояние земельных отношений (аренда, покупка, наследование) и форм землепользования, содержащие сведения о состоянии сельской преступности и движении дел в волостных судах. Материалы данного фонда относятся к массовым источникам. Единообразная форма

89 Российский гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 1291. Оп. 42. Д. 33.

90 Там же. Л. 2 об.

91 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1074.

92 Гос. арх. Российской Федерации (ГАРФ); Российский гос. ист. арх. (РГИА); Российский гос. арх. экономики (РГАЭ); Российский гос. арх. социально-политической истории (РГАСПИ).

93 РГИА. Ф. 1291.

отчетности, начиная с волостного уровня, позволила установить закономерности и особенности развития крестьянских хозяйств региона. Данные инспекторских ревизий раскрывают объективную картину состояния сельского самоуправления и действий должностных лиц. Анализ крестьянских жалоб и ходатайств уполномоченных сельских обществ периода 1890—1910-х гг. дал возможность установить суть коллизий, возникавших в поземельных отношениях русской деревни.

Содержание земельных исков крестьян и порядок разрешения земельных споров позволили установить документы II-го (крестьянского) департамента Сената[94]. Крестьянские жалобы на действия должностных лиц, решения губернских по крестьянским делам присутствий содержат конкретные примеры столкновения интересов общинников в вопросах землепользования, налогообложения и пр. Источниковедческий анализ данного вида документов позволил выявить наиболее типичные проблемы правоотношений в их обыденной жизни и повседневной деятельности.

Причины внутриобщинных конфликтов, недовольства действиями выборных лиц, факты сопротивления властям были установлены на основе содержания документов министерства юстиции[95]. Исследованные дела позволили уточнить характер взаимоотношений крестьян с властными структурами и мотивы противоправных действий жителей села.

Большой интерес представляют фонды личного происхождения, в которых отложилась ценная информация по интересующей нас проблеме. Так, в фонде Ф. Калачова обнаружена рукопись исследования Е.Т. Соловьева о правовых обычаях крестьянского населения[96]. В ней раскрываются содержание имущественных сделок и договорных обязательств жителей села, а также особенности крестьянской оценки различных видов уголовных преступлений. Состо-

94 РГИА. Ф. 1344.

95 Там же. Ф. 1405.

96 Там же. Ф. 950. Оп. 1. Д. 272, 273.

яние волостного судопроизводства и оценка деятельности земских начальников приведены в отчете А.В. Кривошеина о результатах его инспекционной поездки (1894—1895 гг.) по губерниям Центральной России[97]. В этом документе для служебного пользования содержится достоверная информация об уровне сельского судопроизводства и степени эффективности системы крестьянской опеки. Сведения о состоянии органов крестьянского самоуправления, характеристика деятельности сельских старост и волостных старшин, земских начальников и чинов сельской полиции отложились в личных фондах министров внутренних дел В.К. Плеве[98], Н.П. Игнатьева[99].

К этой группе архивных документов примыкают и материалы личных архивов, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Здесь нами обнаружены ранее не востребованные документы. В частности, в фонде Воронцовых-Дашковых[100] — это записка сенатора Н.А. Хвостова о волостных судах, а в фонде К.П. Победоносцева[101] — приговор крестьян Моршанского уезда Тамбовской губернии на имя императора Александра III.

Из фондов региональных архивов извлечены сведения, свидетельствующие о характере правовых отношений и уровне правовой культуры жителей деревни. Исследованы документы канцелярий губернаторов[102], губернских жандармских управлений[103] и по крестьянским делам присутствий[104]. Роль обычного права в сельском судопроизводстве и его значение в обыденной жизни деревни выяснялись на основе изучения фондов волостных

97 РГИА. Ф. 1571.

98 ГАРФ. Ф. 586.

99 Там же. Ф. 730.

100 Отд. рукописей Российской гос. б-ки (ОР РГБ). Ф. 58/II.

101 Там же. Ф. 230.

102 Гос. арх. Воронежской обл. (ГАВО). Ф. 6; Гос. арх. Тамбовской обл. (ГАТО). Ф. 4.

103 ГАВО. Ф. 1; ГАТО. Ф. 272.

104 ГАВО. Ф. 26; ГАТО. Ф. 26.

судов Тамбовской губернии[105]. Материалы фондов участковых земских начальников Тамбовской губернии[106] дали возможность рассмотреть содержание гражданских и уголовных дел, познакомиться с крестьянскими жалобами на приговоры сельских обществ, выяснить взаимоотношения жителей села, складывающиеся в их повседневной практике. Содержательным источником для данного исследования стали приговоры и наказы сельских и волостных обществ. Первоисточники содержат информацию о повседневных нуждах и интересах крестьян, об отношении жителей деревни к власти, формах социальной защиты однообщественников, обыденных заботах сельских семей.

Следующая группа источников — это официальные документы. Это прежде всего законодательство о крестьянах периода 1881—1917 гг.[107]. В написании работы были использованы труды правительственных (сенатских) комиссий[108], отчеты по результатам ревизий губерний Центрального Черноземья[109], своды и сборники по крестьянскому вопросу[110]. Выяснение уровня сельской преступности и нравственного облика деревни стало возможным благодаря привлечению материалов текущей губернской статистики[111].

Хорошим подспорьем в изучении проблемы стали материалы периодической печати. В толстых общественно-политических и литературно-художественных журналах конца XIX в. практически постоянно появлялись статьи, очерки, исследования, обзоры, воспоминания,

105 ГАТО. Ф. 231, 232, 327, 330, 331, 334, 788.

106 Там же. Ф. 215—219, 262-269, 706, 707.

107 Российское законодательство X—XX веков. М., 1989. Т. 7.

108 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873—1874. Т. 1—9.

109 *Мордвинов А.С.* Экономическое положение крестьян Воронежской и Тамбовской губерний. Б.м., б.г.

110 *Тютрюмов И.М.* Общее положение о крестьянах. Петроград, 1915.

111 Обзор Воронежской губернии за 1895...1906 гг. Воронеж, 1896—1906; Обзор Курской губернии за 1887...1901 гг. Курск, 1888—1902 и др.

отражающие современное состояние правовой культуры русской деревни. Вопросы обычного права, правовых обычаев деревни, практики волостного судопроизводства нашли отражение в публикациях журналов «Этнографическое обозрение», «Журнал Министерства юстиции», «Юридический вестник» и др. Эпизоды правового быта русских крестьян, извлеченные из публикаций местной периодики, стали хорошим иллюстративным материалом в освещении проблем сельской преступности и деятельности волостных судов.

Между обычаем и законом

Во многих крестьянских обществах закон представал как нечто, навязанное извне и определяемое нуждами, интересами, взглядами и ценностями чуждых социальных групп. С другой стороны, жизнь крестьянина протекала в контексте обычая с его собственными специфическими условиями и представлениями. Ввиду этого противоречия всякая попытка объяснить социальное поведение крестьянина просто на основе закона, привнесенного извне, или только исходя из местного обычая, как правило, четко не сформулированного, непросто.

В этом смысле в России 1861—1917 гг. сложилась уникальная ситуация. Закон об освобождении крестьян 1861 г. придал крестьянскому обычаю полный правовой статус. Проблема социальных различий между крестьянским и некрестьянскими сословиями была разрешена посредством признания и юридической формализации со стороны государства норм обычного права. Крестьянские обычаи и гражданское право для крестьянских общин слились воедино.

Соотношение обычного и официального права занимало важное место в исследованиях того времени, но вплоть до второй половины XIX в. было распространено положение о том, что с начального момента государственного законотворчества идет непрерывный процесс увеличения сферы действия официальных норм и, соответственно, уменьшения сферы применения норм обычных. По большому счету так и происходило: государство активизировало свою законотворческую инициативу, пытаясь регла-

ментировать все существующие сферы. В свою очередь, размеры империи со значительными расстояниями между населенными пунктами, неграмотность большинства населения делали возможным существование обычно-правовых норм, особенно в крестьянской среде. Это во многом и обусловило тот интерес к изучению обычного права в XIX в., когда ученые пытались объяснить «живучесть» обычного права.

Существование обычного права можно доказать или опровергнуть. Это и пыталась сделать власть в начале XX в. В докладе Г.А. Евреинова «Крестьянский вопрос в трудах образованной в составе министра внутренних дел комиссии по пересмотру законоположений о крестьянстве» (1904 г.) наличие правовых обычаев в русской деревне фактически отрицалось. Автор, в частности, отмечал: «Следует признать совершенно бесспорным, что у русских крестьян не существует никаких юридических обычаев, основанных на предании, соответствующих особенностям их правового миросозерцания и свойственных какому-либо району местности за пределами известных сельских обществ, — следовательно, нет обычаев, общих и для той группы селений, которую составляет крестьянская волость»[112].

Противоположного мнения придерживался сенатор Н.А. Хвостов, который в 1905 г. заявлял: «Вопрос о существовании обычая представляется мне равносильным вопросу о том, есть ли в действительности воздух, или мы живем в безвоздушном пространстве. Сомневаться в существовании обычного права могут только те, кто в деревне оседло не жил, в местных должностях не служил, а жили по городам и народную жизнь изучали только по книжкам и то — по книжкам исключительно одного направления»[113].

Приоритет в изучении обычного права русской деревни принадлежит А.Я. Ефименко[114]. Ею была сформулирована

112 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 431. Л. 5 об.

113 ОР РГБ. Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 7 об.

114 *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Обычное право. М., 1884. Вып. 1.

теория «трудового начала». Хорошим подспорьем для изучения правовых воззрений русского крестьянства стали материалы комиссии сенатора Любощинского, собравшей решения крестьянских судов в 15 губерниях России[115]. Богатый фактический материал, содержащийся в трудах комиссии, послужил основой для создания ряда работ[116]. И.Г. Оршанский исследовал проявление обычного права в семейно-брачных отношениях[117]. Роль правовых обычаев в области гражданских правоотношений выяснил в своем исследовании С.В. Пахман[118]. Под редакцией Е.И. Якушкина вышли в свет четыре выпуска библиографического указателя по обычному праву с ценными комментариями[119].

О значении обычного права в жизни деревни писал Д.Я. Самоквасов. Он пришел к выводу, что крестьянин в большинстве его семейных и общественных связей не знал постановлений законодательства, а определял свое отношение к семье и общине на основе существовавших исстари в деревне правовых понятий[120]. Схожего мнения придерживался Н.П. Загоскин. «Обычное право не утратило жизненного значения своего и в последующие эпохи русской жизни, известно, что почти исключительно обычным правом и до наших дней регулирует свою правовую жизнь наше крестьянство, т.е. огромное большинство русского народа»[121]. На существовании непрерывной связи между современными ему обычаями и обычным правом

115 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873–1874. Т. 1–9.

116 *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880; *Чепурный К.Ф.* К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев, 1874.

117 *Оршанский И.Г.* Исследование по русскому праву: обычному и брачному. СПб., 1879.

118 *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России: в 2-х т. СПб., 1877.

119 *Якушкин Е.И.* Обычное право: материалы для библиографии обычного права. М., 1910. Вып. 1.

120 *Самоквасов Д.* История русского права. Варшава, 1878. Т. 1. С. 245.

121 *Загоскин Н.П.* Указ. соч. С. 186.

Древней Руси настаивал И. Тютрюмов. Он утверждал, что, «обращаясь к народно-обычному праву, мы не можем не заметить непрерывной связи между современными обычаями крестьян и обычаями древнего быта»[122]. В начале XX в. о самостоятельном существовании и развитии обычного права писали А.А. Леонтьев и К.Р. Качоровский[123].

Однако некоторые исследователи отрицали существование правовых народных традиций. «Никаких народных правовых обычаев, общих не только сколько-нибудь обширному району, но даже группе соседних селений, не существовало», — утверждал в своей работе Г.А. Евреинов[124]. Даже те, кто признавал наличие в деревне норм обычного права, считали невозможным их применение в регулировании правовых отношений. На основе материалов Свода трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России А.А. Риттих пришел к выводу о том, что «обычное право не приведено в порядок, чтобы оно могло служить правовым руководством постоянных и одинаковых решений. Противореча во многом писаному праву, нормы обычного права часто противоречат друг другу»[125]. С.Ю. Витте скептически оценивал наличие в деревне прочных правовых обычаев, утверждая, что вначале требуется провести большую работу по их выявлению и анализу, а только потом рассуждать об их использовании[126].

Идея о принципиальном отличии обычного права и государственного была выдвинута этнографом А.Я. Ефименко. Народное право и право культурное, по ее мнению, представляли собой два строя юридических воззрений, типически отличных одно от другого, и поэтому всякая

122 *Александров В.А.* Указ. соч. С. 18.

123 *Леонтьев А.А.* Крестьянское право. СПб., 1909; *Качоровский К.Р.* Народное право. М., 1906.

124 *Евреинов Г.А.* Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб., 1903. С. 60.

125 *Риттих А.А.* Указ. соч. С. 23.

126 *Левин М.* Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. М., 1997. Вып. 2. С. 113.

попытка систематизировать народное право по нормам юридических теорий есть самое неблагодарное дело[127]. Юрист А.А. Леонтьев в ходе исследования крестьянского права пришел к выводу о том, что нация обитала в двух не вполне совместимых сферах — царстве писаных законов и царстве неписаных обычаев[128]. В свою очередь, К.Р. Качоровский обращал внимание на тот вред, который наносится тогда, когда государство публикует законы, не согласуясь с интересами и представлениями крестьян. Он призывал учиться у народа таким свойствам его юридической практики, как отсутствие формализма, внимательное отношение к личности, стремление поступать по справедливости[129]. По наблюдениям В. Украинского, относящимся к началу XX в., «с течением времени у крестьян с понятием "закон" соединяется представление о чем-то бессмысленно разрушительном, что, врываясь в деревню, словно стихийная сила, коверкает, калечит крестьянскую жизнь, попирает сложившиеся в народе правовые нормы и воззрения»[130].

Полемика среди ученых шла и по вопросу будущности волостных судов. Активным защитником крестьянских судов выступил исследователь П. Скоробогатый[131]. На сохранении волостных судов настаивали Н.В. Калачов, В.В. Птицын, П.А. Матвеев. Они считали, что народное правосудие близко крестьянам «по духу» и месторасположению, а также «доступно по цене»[132]. Обосновывали свою позицию сторонники сохранения крестьянских судов и действенности народных обычаев наличием принципиальных расхождений между законами и крестьянскими

127 *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 171.

128 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 53.

129 *Качоровский К.Р.* Указ. соч. С. 44.

130 *Украинский В.* Крестьянская община и аграрная реформа. М., 1907. С. 71.

131 *Скоробогатый П.* Очерки крестьянского суда. М., 1882.

132 *Калачов Н.В.* О волостном и сельском суде в древней и новой России. СПб., 1880; *Птицын В.В.* Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886; *Матвеев П.А.* Крестьяне и Свод законов. М., 1883.

правовыми воззрениями, а также несоответствием официальных норм условиям народного быта[133].

Иной точки зрения придерживались в своих работах А. Риттих, П. Обнинский, Ф.М. Уманец. Они предлагали уравнять крестьян в сфере правосудия с представителями других сословий, уничтожив специальные крестьянские учреждения. Ф.М. Уманец считал, что сельские суды следует заменить мировыми[134]. На полном исчезновении «старых» правовых обычаев настаивал П. Обнинский[135]. А. Риттих писал о необходимости обеспечить деревню обязательным для всех гражданским законом[136].

Отношение крестьян к закону нашло свое отражение в народных пословицах, имевших хождение в русской деревне. Например: «Где сила владеет, там закон уступает»; «По закону идти — и кур не водить»; «Обычай старше закона»; «Нужда свой закон пишет»; «Законы святы, да законники — крючкотворцы»; «На что и законы писать, если их не исполнять»[137].

Официальное и обычное право имели в своем основании одну задачу — достижение справедливости. Отражая юридические отношения, пословицы и поговорки защищали справедливость. Нравственный характер юридических пословиц проявляется в изречениях: «Где правда, там и счастье»; «Всякая неправда — грех»; «Вора миновать, доброго погубить»[138]. Для официального права с самого возникновения были характерны такие понятия, как преступление и наказание, для обычного права — понятие справедливости, которое означало прежде всего

133 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века. Ростов н/Д, 2000. С. 20.

134 *Уманец Ф.М.* Из моих наблюдений по крестьянскому делу. СПб., 1891. С. 112.

135 *Обнинский П.Н.* Закон и быт: очерки и исследования нашего реформируемого права. М., 1891. Вып. 1. С. 392.

136 *Риттих А.А.* Указ. соч. С. 25.

137 *Иллюстров И.И.* Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 106—111.

138 *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С. 38.

возмещение причиненного ущерба[139]. Отсюда проистекало стремление не столько наказать правонарушителя, сколько примирить враждующие стороны на основании такого решения, которое устраивало бы всех и вместе с тем было бы справедливым в глазах людей всего сообщества. Причем зачастую понятие справедливости было близким к пониманию полезности того или иного решения для общины в целом, поэтому довольно сложно говорить о том, что для обычного права всегда был важен каждый конкретный человек.

По мнению Е. Якушкина, применение обычаев в практике волостного судопроизводства не представляло никакой трудности. Он утверждал, что «обычай есть закон, самый понятный для большинства. Созданный жизнью и развивающийся вместе с ней, он не представляет ни противоречий, ни темноты, которые встречаются в писаном праве»[140].

Крестьяне вообще охотно употребляют выражение «закон» вместо обычая. Так, крестьянин просит волостной суд постановить решение по закону, «как закон велит», иногда подразумевая под этим именно обычай. Выражения «обычай», «обычное право» были порой совсем непонятны крестьянам. Этим объясняется, почему обращаемый к крестьянам вопрос: «Какие у вас обычаи?» приводит их в недоумение, и только после пояснения наглядными примерами они понимают, о чем идет речь[141].

На протяжении всего пореформенного периода возрастало уважение крестьян к закону, о чем свидетельствует содержание мирских приговоров. Большинство представителей домохозяев старались вникнуть в вопросы налогообложения, условия договоров, сделок и т.п. Причем

139 *Семенов Ю.И.* Основные понятия обычного права: возникновение и развитие // Закон и жизнь. М., 2000. С. 17.

140 *Якушкин Е.* Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. 1872. № 3. С. 5.

141 *Зарудный М.* Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1874. Март и апрель. Кн. 2. С. 185.

это обязательно сопровождалось письменной фиксацией. Если ранее достаточно было устной договоренности, то начиная с 1860-х гг. важным становится письменно оговорить все условия договора, что отражало стремление крестьян действовать в соответствии с законными нормами, а не устным образом[142].

Как и любая правовая система, область неписаных законов не оставалась неизменной и эволюционировала под влиянием условий общественного развития. В то же время обычное право отличалось значительной устойчивостью по причине преобладания в его источниках не формально-догматических и естественно-практических факторов, а нравственно-этических и духовно-религиозных явлений крестьянского бытия. Приверженность крестьян нормам обычного права определялась общинным укладом, традициями аграрного труда, самобытностью общественного устройства и сельским менталитетом. В практике народного права воплощалось крестьянское представление о правопорядке, находившее свое выражение в том, каким образом община, крестьянское хозяйство решали проблемы, связанные с наделами, усадьбой, экономические и социальные конфликты, семейные вопросы.

***

Наиболее заметные различия юридических обычаев русских крестьян и положений официального законодательства имели место в области наследственного права. Порядок наследования, установленный законом, не соответствовал ни понятиям крестьян, ни принципам хозяйственной жизни села. По закону наследство мог получить человек, хотя и родственник, но не участвовавший ни в приобретении имущества, ни в хозяйственной жизни семьи. И напротив, человек, который нес все обязанности

142 *Беляев Е.В.* О некоторых изменениях правового сознания пореформенного крестьянства (1861—1889 гг.) [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 74—1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-izmeneniyah-pravovogo-soznaniya-poreformennogo-krestyanstva-1861-1889-gg (дата обращения: 03.11.2012).

члена семьи и внес трудовой вклад в общесемейную собственность, не получил бы ничего[143].

Проблема взаимоотношений писаного и обычного права в сфере наследования обратила на себя внимание ряда авторитетных юристов второй половины XIX — начала XX в., участвовавших в обсуждении и составлении проекта Гражданского уложения. В результате развернувшейся научной дискуссии появились исследования, содержащие хорошо разработанный и вполне достоверный материал о порядке наследования в крестьянском быту[144].

Вопрос о принадлежности права собственности на семейное имущество долгое время был дискуссионным в научной литературе. Ограниченное право собственности, утверждал С.В. Пахман, принадлежало отцу семейства[145]. Иного мнения придерживались К.П. Победоносцев, М. Ковалевский, П.С. Ефименко. Они считали, что семейная собственность не находится в заведовании домохозяина, а принадлежит семье как юридическому лицу. Отдельной личной собственности на недвижимость у членов семьи нет, а потому по их смерти наследство не открывается. Семейное имущество не составляло также и частную собственность домохозяина и по его смерти могло и не делиться, а продолжало быть общим семейным достоянием, переходя в хозяйственное распоряжение нового домохозяина[146]. Аналогичной точки зрения придерживался и Сенат, последовательно проводя ее в своих ре-

143 *Якушкин Е.* Волостные суды в Ярославской губернии... С. 11—12.

144 *Вормс А.Э.* Закон и обычай в наследовании у крестьян. М., 1913; *Мухин В.Ф.* Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему Гражданскому уложению). М., 1888; *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России: юридические очерки. СПб., 1879. Т. 2; *Кавелин К.Д.* Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования. СПб., 1860.

145 *Пахман С.В.* Указ. соч. С. 22.

146 *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. СПб., 1896. Т. 1. С. 545; *Ковалевский М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1895. С. 72.

шениях. Так, в решении Общего собрания № 28 от 1900 г. сказано, что крестьянские усадебные и полевые земли составляют особый вид владения, резко отличающийся от права собственности в смысле ст. 420 т. X Свода законов. В случае смерти хозяина двора старший член крестьянской семьи лишь заступал на место покойного, становясь новым распорядителем имущества, принадлежащего по-прежнему всей семье, а не наследником, продолжателем «имущественной личности покойного». По этой же причине надельная земля не подлежала завещательным распоряжениям[147]. Таким образом, ни по закону, ни по обычаю, ни по завещанию надельная земля, а также движимость, составлявшая необходимую принадлежность надела, наследованию не подлежали до тех пор, пока существовал «двор», владевший этим имуществом на праве семейной собственности.

Порядок наследования у русских крестьян по обычному праву имел ряд особенностей, которые отличали его от наследственного права действующего законодательства. Ст. 13 Общего положения о крестьянах в порядке наследования имущества дозволялось руководствоваться местными обычаями. Местный обычай в порядке наследования мог применяться, даже если он противоречил существующему законодательству[148]. По крестьянскому обычному закону потомки наделялись не по праву наследования в смысле гражданского законодательства, а по праву членства в семейном хозяйствующем субъекте (дворе)[149].

Письменные завещания для деревни были редкостью. Если они и составлялись, то в присутствии священника или члена волостного правления при трех свидетелях. Чаще всего крестьяне отдавали распоряжения завещательного характера на словах[150]. Словесные завещания

147 Цит. по: *Шатковская Т.В.* Понимание и значение наследования в обычно-правовой системе российских крестьян второй половины XIX — начала XX в. // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 4. С. 71.

148 *Тютрюмов И.М.* Указ. соч. С. 74.

149 *Мухин В.* Указ. соч. С. 99—101.

150 Народные юридические обычаи по указанию судебной практики // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. С. 328.

в правовой практике русской деревни имели такую же силу, что и письменные. «Это святой закон, чем отец перед смертью благословил, тем тому и владеть»[151]. Воля наследодателя не могла противоречить устоявшимся в крестьянском быту общественным и нравственным нормам. Сельский сход строго следил за тем, чтобы порядок наследования соответствовал сложившимся традициям. Он твердо стоял на защите общинных интересов и не утверждал те завещания, которые их нарушали. Так, не утверждались завещания в пользу дочери, если у завещателя оставался малолетний сын. Крестьяне говорили: «Нельзя обойти сына, этой неправды общество допустить не может». Не допускалось также завещание посторонним лицам[152].

Общая семейная собственность — это основная особенность обычного права русских крестьян. Наследование выражалось в распределении общего имущества, а не в переходе права собственности[153]. По смерти домохозяина (большака) все имущество двора становилось общей собственностью его сыновей, если они остаются жить вместе — одним хозяйством, или делилось ими поровну, если они расходились врозь[154]. Если один из братьев, живущий нераздельно с отцом, умер еще при жизни последнего, то при разделе племянникам выделялась часть, какая следовала бы умершему брату[155].

Традиционный порядок наследования имущества крестьянского двора приведен в ответах корреспондента Этнографического бюро В.П. Каверина. Житель с. Кости-

151 *Зарудный М.И.* Законы и жизнь: итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 114.

152 Там же. С. 115.

153 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 119.

154 *Тихонов В.П.* Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. III. С. 75.

155 *Башмаков А.А.* Общие начала крестьянского права наследования // Журнал министерства юстиции. СПб., 1906. № 1. С. 110.

но-Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в 1900 г. сообщал: «Отцовский дом и все хозяйство по смерти отца достаются всем братьям поровну. Также не участвуют в наследстве замужние дочери, а также дочери-вдовы, хотя бы они после смерти мужей жили при отце»[156]. По обычаю крестьян деревень Болховского уезда Орловской губернии при распределении наследства хата доставалась младшему брату, а старший должен был выстроить новую избу. За уступку дома и усадьбы младший брат доплачивал старшему лишней постройкой, скотиной или деньгами[157].

Принцип трудового участия был основным в распределении наследства. Сыновья, отделившиеся при жизни отца, наследства не получали. Сыновья, которые занимались промыслами на стороне и заработок семье не присылали, получали неполную долю отцовского наследства[158]. Напротив, солдаты в наследстве отца участвовали наравне с другими сыновьями. Крестьяне считали, что «они служили за семью, на службе страдали, а семья за них работала»[159].

Нормы обычного права в порядке наследования имущества крестьянского двора принципиально различались в своем отношении к мужчине и женщине. Женщина вообще не рассматривалась как член двора, поскольку женщины «семьи продолжать не могут»[160]. Поэтому женщина не получала владельческих прав в отношении двора, пока в семье оставались мужчины. С другой стороны, некоторые предметы домашнего обихода, одежда, а также приданое считались сугубо женской частной собственностью и передавались от матери к дочери.

Отношение к вдовам варьировалось в разных областях: в одних вдовы становились главой двора и полностью наследовали все его имущество, в других — не получали вооб-

156 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2023. Л. 9.

157 Там же. Д. 1007. Л. 1.

158 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 32.

159 Там же.

160 *Хауке О.А.* Крестьянское земельное право. М., 1914. С. 209.

ще никаких имущественных прав. Наличие или отсутствие малолетних детей было главным фактором при определении вдовьих владельческих прав[161]. Так, по обычаю крестьян Тамбовской губернии жена после смерти мужа при неимении детей являлась единственной наследницей всего имущества мужа, в том числе и усадьбы. Для признания ее в правах на такое наследство не требовалось письменных актов, жена просто владела имуществом после смерти супруга[162]. Вдова при совершеннолетних детях оставалась жить в доме, и дети были обязаны ее содержать. Если она желала жить отдельно, то ей должны были выстроить келью и давать отсыпное (т.е. кормить) до смерти[163].

Дочери по смерти отца недвижимого имущества не получали. По наблюдению цивилиста А.Х. Гольмстена, «дочери наследуют лишь движимое имущество и делят его поровну»[164]. Устранение дочерей от наследования недвижимым имуществом двора, при наличии сыновей, отмечено большинством исследователей русской деревни. Дочери оставят семью по выходу замуж, и поэтому они должны получить только такое имущество, которое не является органической частью хозяйства — приданое[165].

Молодые незамужние дочери по общему правилу получали часть наследства по усмотрению братьев, жили с ними до замужества и получали от них приданое. В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии встречался такой обычай в наследовании: если по смерти хозяина оставалась дочь — девица в возрасте невесты (16—20 лет), то она получала от братьев 1/10 часть движимого имущества. Если же она перешагнула этот возраст, то она получала в наследство значительно больше — 1/5—1/6 часть[166].

161 *Мухин В.* Указ. соч. С. 243—244.

162 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2023. Л. 11.

163 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 32.

164 *Гольмстен А.Х.* Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 90.

165 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 360.

166 Обычаи в приговорах сельских сходов Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 85.

Старые девы («вековуши») за большой трудовой вклад получали от братьев небольшой дом и пропитание. При отсутствии у умершего домохозяина сыновей его имущество обыкновенно переходило к незамужним дочерям, включая даже надельную землю, если женщины могли справиться с хозяйством и уплачивать налоги[167]. В 1916 г. жительница д. Марьинки, крестьянка Булычева просила Казыванский волостной суд Тамбовского уезда признать ее наследницей движимого и недвижимого имущества умерших родителей. Она была единственной наследницей и вела хозяйство. Суд иск удовлетворил[168].

Вдовец из имущества умершей жены получал только постель, а остальное имущество возвращалось ее родителям; если же после нее оставались дети, то все имущество переходило к ним[169]. Вдова, если ее муж жил в семье своего отца, имущества не наследовала, и ей возвращалось только приданое[170]. Если вдовая сноха имела сына, то она наследовала всю часть имущества, которая полагалась ее умершему мужу. Но если она имела девочек, то ничего не наследовала или получала лишь 1/7 часть из доли мужа[171].

Права принятого члена семьи приравнивались к правам родных наследников, то же самое относилось и к несовершеннолетним сыновьям[172]. В отличие от закона имущество крестьянского двора могли наследовать не только кровные родственники, но и все члены семьи-хозяйства, которыми считались все те, кто работал в хозяйстве и создавал его имущество, — усыновленные, приемыши и незаконнорожденные. На равных основаниях с родными сыновьями к наследованию допускался зять-примак, или, как его еще называли в деревне, «влазень»[173]. Если

167 *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 73.

168 ГАТО. Ф. 789. Оп. 2. Д. 2. Л. 3, 4.

169 Обычаи в приговорах сельских сходов Тамбовской губернии... С. 85.

170 Там же.

171 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 33.

172 *Мухин В.* Указ. соч. С. 20, 60.

173 *Панферов А.* Обычное право в укладе крестьянского двора // Революция права. 1927. № 2. С. 111.

у умершего домохозяина не было родных сыновей, то изба с хозяйством отходила к зятю, и на него возлагалась обязанность жить вместе с сестрами жены, даже если они и получили долю из отцовского наследства[174].

В отличие от законодательства, запрещавшего возникновение наследственных отношений вследствие договора, обычное право допускало договорное наследование. Например, приведем договор между домохозяином и принимаемым в семью приемышем:

«Мы, нижеподписавшиеся, государственный кр. Павел Худобин и бывший крепостной Федор Кравченко заключили сие условие в следующем:

1) Я, Худобин, принимаю его, Кравченко, к себе вместо сына и, в случае смерти меня и жены, ему должно остаться все мое имущество; в случае же, если он, Кравченко, не проживет пятнадцати лет, то должен отойти без всякого моего вознаграждения, а если по истечении пятнадцатилетнего срока отойдет, то я обязан отдать от всего моего имущества третью часть, а в случае, если докормит до смерти, то все имущество.

2) Я, Кравченко, добровольно согласился жить у него, Худобина, и повиноваться во всем как отцу, в чем и подписуюсь»[175].

Обычай допускал наследование в боковых линиях. В ряде мест имущество, в т.ч. и усадьба домохозяина, умершего бездетным, не признавалось выморочным, а поступало братьям, дядьям, племянникам. Правда, в Козловском уезде Тамбовской губернии непременным условием принятия наследства этой категорией родственников было совместное проживание с наследодателем[176].

Обычное право, в отличие от закона, не устраняло от наследства восходящих родственников: имущество замужней дочери наследовалось либо ее матерью, либо от-

174 *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. С. 90.

175 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 331.

176 Обычаи в приговорах сельских сходов Тамбовской губернии... С. 85.

цом[177]. Согласно правовому обычаю тамбовской деревни, после смерти сына, если у него не оставалось ни вдовы, ни детей, имущество его отходило к отцу, а не к братьям — «отец старше детей»[178]. Н. Бржеский, исследователь начала XX в., писал, что «наследственное право родителей (на имущество умерших детей), супругов, незаконнорожденных детей и т.п. с точки зрения крестьянского обычного права представляется более обеспеченным, нежели в писаном законе...»[179].

Редко крестьянское имущество оставалось без наследников, обмершее, как говорили в деревне. Обычно размер такого имущества был незначителен, «Кто без родни умирает — богат не бывает». Выморочное имущество отдавалось частично миру, а частично — сельскому храму[180].

Случаи наследования семейного имущества не членами семьи практически неизвестны. Передачи по завещанию земли и орудий труда не существовало, и она могла быть всегда оспорена в крестьянском суде как несправедливая. Если после смерти главы потомки не хотели делиться, один из них — как правило, старший сын — с общего согласия становился новым «хозяином»[181].

В XIX — начале XX в. завещательные отношения в крестьянской среде определялись нормами обычного права. Во второй половине XIX в. крестьянский обычай официально является источником наследственного права: ст. 38 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г., определяла: в порядке наследования имущества крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями[182].

177 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 209—290.

178 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 33.

179 *Бржеский Н.* Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 102.

180 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 33.

181 *Шанин Т.* Русское крестьянское право и наследование имущества // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 56.

182 Крестьянская реформа в России 1861 года: сборник законодательных актов / сост. К.А. Софроненко. М., 1954. С. 47.

Регулированию наследственных, в частности завещательных, отношений в крестьянской среде нормами обычного права способствовал ряд причин. Завещательная воля крестьян была существенно ограничена, что обусловливалось коллективной формой собственности на имущество и общинным землевладением. Главным фактором в крестьянском хозяйстве считался не капитал, а личный труд. Семья, по понятиям крестьянина, представляла собой не только личный, родственный, но и рабочий, хозяйственный союз[183]. Раздел имущества по смерти домохозяина был не разделом наследства, а разделом общего заработка. Таким образом, имущество крестьянина не являлось его личной собственностью, а представляло собой общий хозяйственный инвентарь всей семьи, который большей частью не мог быть разделен без расстройства хозяйства и оставался в общем владении под распоряжением старшего в доме. Фактом отсутствия или слабого развития в крестьянской семье частной собственности объясняется то обстоятельство, что самостоятельные распоряжения, относящиеся к имуществу, доступны были очень немногим; они, как правило, исходили почти исключительно от лиц, стоящих во главе целой семьи. Таким образом, завещательное распоряжение у крестьян представляло собой акт домохозяина, в котором он на случай смерти производил раздел общего заработанного имущества только между членами семьи[184].

Завещания как разновидность посмертного перехода имущества получили в крестьянской среде слабое распространение не столько в силу законодательных препон, сколько вследствие отсутствия частнособственнических отношений, доминирования общинной и семейной собственности. Круг наследников в крестьянском быту определялся семейным началом, и завещатель не мог нарушать

183 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 75.

184 *Миридонова В.С., Титова Т.В.* Нормативное регулирование завещательных распоряжений в крестьянской среде в России второй половины XIX — начала XX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001 (дата обращения: 12.02.2012).

это начало. Он только распределял доли общесемейного имущества между «законными» наследниками. Назначение преемника из посторонних лиц считалось не только тяжким грехом, которого не в силах был бы взять на душу умирающий, но и нравственным «преступлением»[185].

Особенно резко наследование по закону и обычному праву отличалось при посмертной передаче земельного надела. Субъектом права на общественные надельные земли крестьян являлась сельская община. Сущность права крестьян на надельные земли, находящиеся в исключительном распоряжении «мира», существенно отличалась от права собственности других юридических лиц, например городских обществ. Усадебные земли по закону находились в потомственном пользовании семейства, проживающего в крестьянском дворе. Раз земли крестьянского надела находились во владении юридических лиц, «они уже в силу природы таких лиц» наследованию подлежать не могут, считал К. Скворцов[186].

Правительствующий Сенат в решении от 3 ноября 1897 г., подробно рассмотрев вопрос о допустимости завещательных распоряжений относительно надельных земель, пришел к отрицательному выводу, и не на основании ст. 13 Общего положения от 19.02.1861 г., определяющей, что наследование крестьян определяется местными обычаями, а на основании установления свойства надельной собственности, исключающего возможность завещательных распоряжений. В этом решении Сенат, рассмотрев все указания крестьянских законов о свойстве надельной собственности, пришел к заключению, что на основании законов о поземельном устройстве крестьян, владельцами надельных земель являются или сельские общества, или крестьянский двор, как лица юридические. «Раз же земли крестьянского надела, — продолжает Сенат, — находятся

185 *Шатковская Т.В.* Специфика института завещания как основания наследственных прав российских крестьян второй половины XIX — начала XX века // Юристъ-правоведъ. 2010. № 3. С. 81–84.

186 *Скворцов К.* Наследование в земле крестьян // Вестник права. 1901. № 2.

во владении лиц юридических, они же в силу природы таких лиц подлежать завещанию не могут»[187]. Это решение легло в основу судебной практики.

Следует отметить, что на рубеже XIX—XX вв. предпринимались попытки изменения сложившихся обычаев и регулирования жизни крестьян законодательными способами. Скажем, был принят закон, согласно которому тот, кто выделил свое имущество из села, вышел из общины (это был период столыпинской реформы), не подлежал принципам обычного права и установившимся на селе правилам семейной собственности. То есть выделившиеся из общины крестьяне могли завещать землю по правилам, прописанным в имперском законодательстве. Этот закон был принят в январе 1910 г., но крестьяне просто проигнорировали его по всей России[188].

Таким образом, завещания в крестьянском юридическом быту имели очень узкую сферу применения, а индивидуальная свобода личности была значительно стеснена. Право владельца распорядиться судьбой своей вещи ограничивалось рамками семьи, рода и «мира». Передача даже благоприобретенного имущества посторонним лицам, разрешаемая по закону, обычным правом категорически воспрещалась. Лишить ближайших наследников их имущественной доли в рамках российской правовой системы было практически невозможно. Так, по закону единственным легальным поводом устранения детей от наследства был брак, заключенный без согласия родителей, по обычному праву — выдел из семьи. Воля завещателя могла быть нарушена и волостным судом, и сельским сходом в случаях, когда условия завещания признавались несправедливыми. Юридическое преемство, продолжение гражданской личности наследодателя путем завещания не должны были угрожать традиционному миропорядку крестьянской общины. В то же время, говоря о завещании как институте обычного права, нельзя не отметить, что

187 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 301.

188 *Шанин Т.* Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 120.

с его помощью восполняли проблемы в обычно-правовом регулировании наследственных отношений. В силу того, что институт завещания находился в совместном ведении обычая и закона, он, в отличие от наследственного права, выходил за пределы господства обычного права и мог регулироваться официальным законодательством[189].

***

Еще одна сфера, в которой закон и обычай не совпадали в трактовке событий и оценке действий сторон, — брачное право. Например, закон прямо запрещал неустойку в предбрачных договорах: по сенатскому разъяснению, убытки, происшедшие от неисполнения обещания вступить в брак, не вознаграждались. В крестьянском обиходе возмещение затрат вследствие отказа одной из сторон от вступления в брак — обыденное явление, а судебный спор чаще всего велся из-за их величины.

Брак являлся важнейшим этапом в жизни крестьян. Посредством него достигалась полноценность сельского бытия. В глазах сельских жителей женитьба выступала непременным условием обретения статуса полноправного члена общины. Холостого мужчину, даже зрелого возраста, в селе называли «малым» и к его голосу не прислушивались. Супружеский союз являлся основой материального благосостояния хозяйства. В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно: хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом»[190]. Нормальное функционирование двора не могло быть достигнуто по причине упомянутого выше семейного разделения труда. Поэтому при выборе невесты внимание в первую очередь обращали на ее физические качества, а уже потом на все остальное. При выборе невесты учитывали ее репутацию («Не баловалась, а то слушок пойдет»), особенно цени-

189 *Шатковская Т.В.* Специфика института завещания как основания наследственных прав российских крестьян второй половины XIX — начала XX века // Юристъ-правоведъ. 2010. № 3. С. 81–84.

190 Цит. по: *Миронов Б.* Вокруг свадьбы // Знание — сила. 1976. № 10. С. 43.

лось трудолюбие и умение работать[191]. Если брали невесту из другого села, то значение имела не только оценка семьи, но и деревни в целом.

В ходе сватовства семья невесты показывала сватам ее приданое. Оно состояло из двух частей: первая часть создавалась трудом невесты, а вторая включала имущество, выделяемое невесте родителями: белье, верхняя одежда, скот. Жених должен был предоставить кладку, которая состояла из денег, одежды и обуви для невесты, а также продуктов для свадебного стола. В среднем стоимость кладки в конце XIX в. колебалась в пределах от 20 до 80 руб. Кладка, наряду с приданым, входила в состав личного женского имущества и обеспечивала замужней женщине некоторую имущественную самостоятельность[192].

После того как потенциальная невеста была определена, и по сведениям сельской свахи препятствий для заключения брака не было, родители жениха засылали сватов. Приход сватов сопровождался обрядовыми действиями, традиционным словесным набором и символическим торгом. Согласие завершалось молитвой и обильной трапезой. В крестьянском быту заключение условий сделки сопровождалось взаимным ударением правых рук: оттого законченное сватовство называлось «рукобитье»[193]. После совершения взаимного целования сватов с обеих сторон давались торжественные обещания. Это означало, что стороны пришли к соглашению о сроке свадьбы и о величине предстоящих расходов[194]. Брачные договоры заключались всеми членами семьи, которых можно рассматривать как свидетелей, что выступало средством их легитимизации[195].

191 АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.

192 *Малышева О.Л.* Православная традиция внутрисемейного быта русского крестьянства Казанского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник ТГГПУ. 2017. № 4 (11).

193 *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 7. С. 135.

194 *Всеволожский Е.* Очерки крестьянского быта // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 5.

195 *Трапезникова М.М.* Особенности брачного договора по русскому обычному праву и обычно-правовым нормам народов Се-

В отношении брачного соглашения обычное право предусматривало такие же способы обеспечения обязательств, как и для любого другого договора: залог (в денежной сумме либо вещами), задаток (в качестве которого иногда передавалась часть кладки или приданого), неустойка[196]. Следует отметить, что обычное право донских казаков допускало возникновение договорных обязательств неимущественного характера. В частности, «в день сватовства делают рукобитье... При том кладут заряд, вроде штрафа в случае отказа, на жениха — 100 руб., а на невесту — 50 руб. за бесчестье. С этого дня брачный союз на словах считается заключенным»[197]. Нарушение данного слова влекло за собой, на основе норм обычного права, юридические последствия. Оскорбленная сторона могла потребовать возмещения понесенных затрат и компенсацию за «бесчестье», поскольку отказ жениха от заключения брака оскорблял девичью честь и бросал тень на ее репутацию[198]. Для жениха отказ невесты редко признавался оскорбительным, поэтому плата за «бесчестье», как правило, не полагалась.

В случае нарушения условий брачного договора потерпевшая сторона обращалась в волостной суд с требованием взыскания штрафа за «бесчестье». Данного понятия официальный закон не знал, но оно было распространено в крестьянском обиходе. Согласно народному обычаю волостной суд признавал обязанность возместить убытки, произошедшие от неисполнения соглашения вступить в брак[199]. В качестве примера при-

верного Кавказа XIX века // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. №1 (14). С. 37—40.

196 Заключение брака по русским и абхазским обычаям (сравнительно-правовое исследование) / И.А. Ананских, А.Г. Алборова, Л.Л. Кавшбая, В.Б. Романовская // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 88.

197 *Никулин П.* Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа // Донская газета. 1875. № 84.

198 *Спасский И.* Обычаи, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Свале Тамбовского уезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 17. С. 452.

199 Народные юридические обычаи по указаниям судебной

ведем иск крестьянки Левиной к отставному рядовому Камышникову о взыскании с него убытков по случаю невыдачи его дочери Марфы за ее сына Ивана. В книге записей Перкинского волостного суда Тамбовской губернии за 1872 г. по этому делу вынесен приговор, по которому с ответчика надлежало взыскать 1 руб. серебром[200].

Правовед М. Зарудный в своем исследовании приводит пример жалобы отца в волостной суд на односельчанина за отказ жениться на его дочери, которую он посватал. Волостной суд принял во внимание, что истец действительно, по существующему в деревнях обычаю, приготовляя свою дочь к венцу, нанимал девиц для приготовления приданого дочери, которые шили у него на его иждивении 3 дня, поэтому он потерпел убытки. Просьба истца судом была удовлетворена, и с ответчика было взыскано в его пользу 10 рублей[201].

При отказе от брака, с какой бы стороны он ни последовал, обычно подлежали возврату и все полученные сторонами подарки. Эта обязанность носила обоюдный характер. Суд, восстанавливая права обиженной стороны, присуждал и ее к возврату полученных подарков.

Еще одной особенностью заключения брака у русских крестьян являлось то, что это акт общественный. Это выражалось в том, что при заключении каждого брачного союза действующим лицом в той или иной степени и форме было все окружающее общество, которое принимало участие в ведении дела. Брачные нормы обычного права ставили на первое место роль общественности, участие общины в заключении брака выступало необходимым элементом. Сообщество одобряло и легализовало брачный договор, давая ему юридическую силу.

практики // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 305.

200 ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об., 10.

201 *Зарудный М.* Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1874. Март и апрель. Кн. 2. С. 205.

***

Правонарушениями сельских жителей, в оценке которых положения официального закона и нормы обычного права фактически совпадали, являлись преступления против веры, что объяснялось как государственным характером православной веры, так и в целом религиозным сознанием русского крестьянства.

Преступления религиозные или преступления против веры долгое время в России признавались посягательствами на самого Бога и наказывались крайне строго. На основании ст. 1 уложения 1649 г. богохульник, вне зависимости от его вероисповедания, должен был быть подвергнут сожжению. Воинский устав сохранил за подобные преступления самые тяжелые формы наказания. Уложение о наказаниях 1845 г. предусматривало суровые кары и наказуемость таких деяний, как отступление от веры, совращение в другую веру и т.п. К числу религиозных посягательств Уголовное уложение 1903 г. отнесло прежде всего надругательства над верой, наиболее тяжкими видами которых являлись богохульство и оскорбление святыни. Наказание за богохульство доходило до ссылки на поселение и даже до срочной каторги, если оно было совершено в церкви, а за кощунство при том же условии до тюрьмы на срок не меньше 6 месяцев.

В российском обществе, где православие являлось государственной религией, а титульная нация в большинстве своем придерживалась данного вероисповедования, преступления против веры широкого распространения не имели. В период с 1874 по 1905 г. в окружных судах и судебных палатах страны религиозных преступлений фиксировалось в среднем от 1 до 1,5 тыс. в год[202]. Еще в меньшей мере данный вид преступления был характерен для жителей русского села. Изученные источники дают основание утверждать, что преступления против православной веры (кощунство, богохульство, святотатство и т.п.) в деревне были явлением редким. Например,

202 *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 90.

за период с 1881 по 1900 г., т.е. за 20 лет, в Тамбовской губернии за этот вид преступления было осуждено 82 крестьянина[203]. Незначительное число таких преступлений в крестьянской среде объяснимо как страхом совершить грех перед Богом, так и неприятием общественным мнением села подобных деяний. Богохульство и кощунство сознавались крестьянами как тяжкий грех и преступление, и по народному обычаю виновный подлежал строгой ответственности[204]. Жители орловской деревни по этому поводу говорили: «Да и Бог не потерпит — долго ждать за это не заставит» или «Бог долго ждет, да больно бьет. Тут не накажет, зато на том свете в вечной кабале будешь»[205]. Крестьяне были убеждены в неотвратимости наказания за такие преступления. В записке С.С. Кондрашова о положении крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии от 13 марта 1889 г. утверждалось: «Кощунство и богохульство считаются страшным грехом, но если они уж не особенно сильно оскорбляют религиозные чувства народа, то об этом стараются избегать доносить священнику или начальству. На нарушителей церковных правил народ смотрит равнодушно, зная, что Бог и без них за это накажет»[206]. Крестьяне не считали своим делом наказывать грех (это дело Божье), но добивались исполнения нравственных норм силой общественного мнения.

Как преступление и грех воспринимали крестьяне церковную татьбу, т.е. кражу из церкви. Земский учитель А.В. Страшинин из с. Первитино Тверской губернии в 1899 г. сообщал, что «похищение вещей из церкви народ считает не просто кражей, а тяжким и важным преступлением. Причем с этим преступлением соединяет представление о каре Божьей, особенно если украдены богослужебные предметы»[207]. Аналогичная по содержа-

203 Обзор Тамбовской губернии за 1881...1900 гг. Тамбов, 1882—1901.

204 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1104. Л. 12.

205 Там же. Л. 1.

206 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 7.

207 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 484.

нию информация поступила в Этнографическое бюро из Костромской губернии. В ней автор указывал, что «наш мужик считает нехристем, каким-то зверем того человека, который покусится обокрасть церковь»[208].

Чаще всего объектом посягательства выступали кружки для сбора пожертвований. Прикованная к церковной стене только легонькой железной цепочкой, она вводила в искушение сельских воришек, добычей которых становились 2—3 копейки[209]. «В церковь каждый несет последнюю слезную копейку, — говорили ярославские крестьяне, — и вдруг это воровать... слезы людские. Значит, у Бога украсть». Таких воров, в независимости от суммы похищенного, в руки волостного суда не передавали. В деревне о краже из церкви, как правило, доводили до сведения полиции, а дело вел судебный следователь[210].

Особенно строго сельские жители относились к тем святотатцам, которые крали из церкви священные сосуды и снимали ризы с икон. По мнению крестьян, на такое могли пойти либо последний грешник, либо человек некрещеный. Житель Ростовского уезда Ярославской губернии по этому поводу высказался так: «Страх берет, как подумаешь, что есть на свете такие отчаянные люди. Православный пойди на это и не решится, побоится, что его Господь накажет тут же, на месте поразит. Он если что и утащит, то только деньги, а обдирают иконы, надо полагать, не православные, не крещеные»[211]. Крестьяне были уверены в неотвратимости наказания для таких воров. Жители сел Калужской губернии считали, что если похитителя не установит следствие, то он сам, мучимый угрызениями совести и обрушившимися на него несчастьями, явится с повинной[212].

208 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 363.

209 Там же. 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 528.

210 Там же. Ч. 2. С. 396.

211 Русские крестьяне... 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 396.

212 Там же. 2006. Т. 3. Калужская губерния. С. 353.

В обычно-правовых воззрениях русских крестьян особое место занимали суеверия, основанные как на народной демонологии, так и на примитивном восприятии православной веры. Преступление расценивалось как деяние греховное, богопротивное, результат вредоносных усилий нечистой силы. Сохранению архаики правовых обычаев крестьян способствовали исторически сложившийся общественный уклад русского села и приверженность его жителей нормам неписаного права.

***

Приметы и обычаи нередко выступали основанием для установления фактов преступления. Главными действующими лицами в таких розысках были сельские ворожеи, гадалки, колдуны. К помощи колдунов в русской деревне прибегали и для поиска пропавших вещей[213]. По сообщению из Костромской губернии, «если же какой-то злодей надломил у крестьянина клеть, лавку с товаром, сначала обращаются к ворожее или колдуну, колдун за деньги сказывает, такой-то человек украл, в тот лес положил, ступай немедля, найдешь в указанном месте, и справедливо: находят, где колдун сказал, на том месте»[214]. Для отыскания воров в тамбовских селах прибегали к помощи ворожей, и те гадали на картах, бобах или воде. Разложив карты или посмотрев на воду, ворожея указывала направление жительства похитителя, цвет его волос и приблизительно описывала его наружность[215].

Характерно и то, что сельские жители для отмщения вору использовали атрибутику православной веры, хотя, по сути, эти действия были далеки от сущности учения Церкви. В Макарьевском уезде Костромской губернии местные жители считали, что если на вора заказать сорокоуст, то он будет испытывать страшные боли и, чтобы

213 *Ушаков Д.Н.* Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1898. № 2—3. С. 175.

214 Русские крестьяне.... 2006. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 77.

215 *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 6—7. С. 51.

избавиться от них, вернет хозяину похищенные вещи тайно[216]. Тамбовские крестьяне верили, что если поставить в церкви перед иконой Иоанна Воина «забидящую свечу», то вор начнет «сохнуть», чахнуть и в конце концов сам принесет украденную вещь назад или подбросит ее[217].

С целью наказания вора в русских селах прибегали к «выниманию следа». Дерн с отпечатком ступни вора вырезался, эту землю в мешочке вешали в трубу или крепили на потолке избы. Крестьяне были уверены в том, что по мере высыхания земли преступник будет чахнуть и затем умрет[218]. В костромских деревнях было принято преследовать вора по «горячему следу». Свежий след преступника бросали в печь, что, по мнению сельских жителей, приводило к смертельной болезни злодея, или неведомая сила заставляла его вернуть похищенное[219].

Допускало крестьянское сознание и иррациональные способы добывания доказательств. Так, при поисках виновного в убийстве применялось испытание трупом или кровью, основанное на представлении, что при прощании убийцы с убитым из трупа потечет кровь. «В прежнее время, — писал Н.А. Костров в 1881 г., — испытание трупом или кровью допускалось весьма часто не только сельскими и волостными начальствами при первоначальных розысках убийцы, но и земскими заседателями, исправниками и т.п.»[220]. В Орловской губернии существовал обы-

216 Русские крестьяне... 2006. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 269.

217 *Астров П.И.* Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. I. С. 148.

218 *Ушаков Д.Н.* Указ. соч. С. 170.

219 Русские крестьяне... 2006. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 123.

220 Цит. по: *Миненко Н.А.* «С общего согласия приговорили...»: судопроизводство в крестьянской общине // Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII—XIX вв. Новосибирск, 1989.

чай распознания убийцы. Местные крестьяне считали, что жертва непременно уличит преступника. Предполагаемого убийцу подводили к трупу, и если это он совершил преступление, то на теле «кровь пойдет из ран или волосы на голове зашевелятся»[221]. Аналогичное поверье было распространено среди калужских крестьян[222]. Все это по своей сути напоминало систему ордалий раннефеодального периода российской государственности. Стоит согласиться с утверждением исследователя Т.В. Шатковской о том, что существование в народном правовом быту второй половины XIX в. суеверных обычаев, утративших свое первоначальное мировоззренческое содержание, свидетельствовало об инерционности крестьянского правосознания[223].

Другая группа суеверий была связана с сельским правосудием. Согласно крестьянскому поверью, для благополучного исхода судебного дела считалось необходимым принести с собой на суд плеву новорожденного ребенка, шкуру змеи или корень травы долен, а накануне всей семьей нужно было молиться перед иконой Св. Николая[224]. В деревне верили: чтобы выиграть судебную тяжбу, необходимо на Пасху выпросить у священника освященное яйцо, взять его на суд и в течение заседания катать его в кармане[225]. Для того чтобы решение было в их пользу, в Пошехонском уезде Ярославской губернии мужики приносили в суд разные травы, собранные в день Ивана Купалы[226]. В той же местности с той же целью деревенские жители

221 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1021. Л. 77.

222 Русские крестьяне... 2006. Т. 3. Калужская губерния. С. 353.

223 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000. С. 210.

224 *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 52.

225 Там же. С. 25.

226 Русские крестьяне... 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 58.

считали полезным посыпать порог суда солью, а при себе иметь барсучью шерсть[227].

Не в меньшей мере русские крестьяне полагались на милость Божью. Крестьяне верили, что тому, кто постится в пятницу перед днем святых Космы и Дамиана, не страшен любой суд[228]. «Кто читает по три раза на дню 90 и 108 псалмы или Евангелия утром и вечером, тот выиграет всякий суд», — утверждали мужики в Орловской губернии[229].

В делах между родными или близкими друзьями прибегали к так называемому «суду Божьему». Заподозренный в проступке обязан был снять со стены икону и, держа ее перед собой, произнести: «Порази меня, царь небесный, если я этому делу виновен!» Присутствовавшие следили «за изменением его физиономии, за трясением рук и проч. По этим признакам делается уже заключение о виновности или невиновности заподозренного, но только про себя, потому что после клятвы открыто заподозренный не обвиняется», — писал в середине XIX в. один из наблюдателей[230].

Как не парадоксально, но подчас деревенские суеверия сами становились причиной сельского воровства. Так, в Ярославской губернии практиковалась кража цветов, поскольку они «лучше отрождаются, чем купленные», а рыбаки Архангельской губернии похищали друг у друга удочки, считая, что на краденые крючки рыба лучше ловится[231]. Исследованные материалы дают основание утверждать, что кражи, совершаемые по причине суеверия, не вызывали осуждения со стороны сельских жителей. Более того, в деревнях можно было услышать рекомендации: «У кого не ведутся свиньи, нужно в гостях украсть ложку, изломать и искормить ее свиньям» или «Украсть

227 Русские крестьяне... 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 58.

228 *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 22.

229 Там же. С. 32.

230 *Успенский Т.* Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 39—40.

231 *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 80.

на семена»[232]. Священник Птицын из с. Петрушково Карачевского уезда Орловской губернии в корреспонденции от 25 мая 1897 г. сообщал о местном поверье. «Чтобы лен лучше родился, считали деревенские девушки, нужно украсть лепешку на Пасхе у священника и съесть ее в поле»[233]. Был известен в деревне и обычай «заворования». Крестьяне верили, что если благополучно украсть в ночь перед Благовещением, то можно целый год воровать, не боясь быть пойманным[234].

Одним из видов уголовных преступлений, учиненных в форме самочинной расправы, следует признать убийства, совершенные на почве суеверий. Юрист-правовед дореволюционной поры П. Обнинский убийство на почве суеверий сравнивал с гибелью человека от удара молнии. Он утверждал, что в обоих случаях причиной смерти становится стихия, которую невозможно наказывать[235]. Жители села были убеждены, что ведьмы портили людей, изводили скотину. Порча производилась посредством собранных в ночь Ивана Купалы трав, наговорами на еду и питье. Человек, на которого навели порчу, начинал чахнуть, делался «припадочным» или начинал «кликушествовать». Только сглазом можно было объяснить, почему вдруг корова перестала доиться или молодая девушка «таяла» на глазах[236].

Повсеместно ведьм считали виновницами летних засух и неурожаев. В селе Истобном Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии в начале XX века крестьяне чуть не убили одну девушку, которую подозревали в ворожбе. Девка эта якобы ходила голая по селу и снятой рубахой разгоняла тучи. Вмешательство местного священника спасло несчастную от расправы[237].

---

232 Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 140.

233 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

234 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 21.

235 *Обнинский П.* Из области суеверий и предрассудков // Юридический вестник. 1890. № 11. С. 369.

236 *Левин М.* Указ. соч. С. 104.

237 *Дынин В.И.* Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX—XX веков. Воронеж, 1999. С. 94.

Во время деревенских бедствий, будь то мор, засуха, неурожай, на сельских колдунов и ведьм крестьяне указывали как на причину постигших их несчастий. В результате они становились жертвой мести со стороны деревенских жителей. Как показывают источники, самосуды над колдунами завершались убийствами. В Самарской губернии в 1879 г. был убит колдун, который пользовался на селе дурной славой. Подсудимый Перфил Табунщиков на суде чистосердечно заявил, что он убил его справедливо, потому что тот был колдуном и людей портил. В 1890 г. в Рязанской губернии колдун был убит крестьянином за порчу его дочери и снохи. Только в селах одной Пензенской губернии в 1880 г. были убиты три ведьмы[238].

Порой такие расправы в селе совершались публично. Показательным в этом отношении является преступление, совершенное 4 февраля 1879 г. в д. Врачевке Тихвинского уезда Новгородской губернии. В этой деревне жила солдатка Екатерина Игнатьева, которая слыла колдуньей. Несколько женщин в этом селе заболели нервными припадками и стали выкликать при этом, что их испортила Игнатьева. Крестьяне подали жалобы уряднику, но он никаких действий не произвел. Тогда местные жители заперли старуху в избу, заколотив окна и двери, подожгли крышу. В самочинной расправе принимало участие 17 крестьян, еще 300 односельчан наблюдали самосуд, не вмешиваясь в происходящее, уверенные в том, что с колдуньей поступили правильно. Из 17 человек, преданных суду, 14 было оправдано, а 3-х суд приговорил к церковному покаянию[239].

Крестьяне хорошо понимали, что в этом вопросе они не могут надеяться на официальный закон, который не рассматривал колдовство как преступление. Неудовлетворенные таким положением вещей, селяне брали инициативу в свои руки. В народных представлениях убить колдуна не

238 *Левенстим А.А.* Суеверие и уголовное право. СПб., 1897. С. 32, 33, 38.

239 *Левенстим А.А.* Суеверие и уголовное право. СПб., 1897. С. 34—35.

считалось грехом[240]. Информатор Этнографического бюро из Орловского уезда А. Михеева сообщала: «Убить колдуна или сжечь его мужики даже за грех не считают. Например, жила одна старуха, которую все считали за колдунью. Случился в деревне пожар, мужики приперли ее дверь колом, избу обложили хворостом и подожгли»[241]. По мнению правоведа А. Левенстима, насилие над колдунами связано с народными убеждениями, что после побоев испорченный человек выздоровеет, а если нет, значит, он — ставленник нечистой силы, а такие боли не чувствовали[242].

Не только жестокость, но всякое игнорирование родственных связей было характерно для таких убийств. Убийство сыном матери-колдуньи произошло в ноябре 1893. г. в Мышкинском уезде Тверской губернии. В Карачаевском уезде Орловской губернии крестьянин Злынев убил свою жену за то, что она его испортила: он страдал половым бессилием[243]. Отсутствие родственных привязанностей обусловлено тем, что, по воззрениям крестьян, человек, вступивший в связь с дьяволом, утратил право на любовь своих ближних, и родственные связи с ним должны быть порваны.

Убийство ведьм и колдунов, с точки зрения русских крестьян, являлось не только не преступным, но и похвальным, потому что в этом случае убийца лишал жизни такого человека, который сделал людям много зла[244]. По утверждению знатока обычного права Е.И. Якушкина, «крестьяне не считали грехом убить колдуна, от тайных действий которого никто не может уберечься»[245]. Исследуя роль обычая в уголовном законодательстве, правовед Л.С. Белогриц-Котляревский предостерегал законодателя от признания «взгляда невежественной части народа,

240 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

241 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 15.

242 *Левенстим А.А.* Суеверие в его отношении к уголовному праву // Журнал Министерства Юстиции. 1897. № 1. С. 185.

243 Там же. С. 36–37.

244 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 340.

245 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. XXII.

оправдывающей убийство колдунов и колдуний для прекращения порчи и вреда, ими причиняемого, и предложений возвести его в степень привилегированного»[246].

Еще одним видом преступления, совершаемого на почве суеверий, было убийство в ходе совершения обряда опахивания села. К опахиванию селения прибегали в случаях эпидемий холеры, падежа скота. О бытовании этого обряда в конце XIX в. свидетельствуют наблюдения этнографов-современников. Опахивание было зафиксировано в Орловской, Рязанской, Ярославской, Тульской, Харьковской и других губерниях.

Встречный человек во время процессии воспринимался как препятствие, могущее нарушить ход обряда, или как угроза результативности осуществляемого действия. Если процессия крестьянок во время опахивания встречала мужчину, то его считали «смертью», против которой совершался обряд, и поэтому его жестоко избивали, а порой и убивали, приговаривая: «Вот коровья смерть пришла»[247]. Этнограф Машкин, описывая обряд опахивания в деревнях Курской губернии, отмечал, что «бабы доходят до остервенения и бросаются на все, что попадается на пути, а случайных прохожих избивают до полусмерти»[248].

В обряде явно прослеживались черты языческих суеверий: пытались задобрить «злые силы». С целью отвести беду от родного села воздействие на стихию земли дополнялось жертвоприношением — закапыванием живой кошки, собаки, сжиганием черного петуха на костре из дерна. В Орловской губернии в ходе ритуала в борозду зарывали живыми черного щенка, черную курицу, черного петуха[249]. Эффективным «профилактическим» средством от эпидемии считалось зарывание живого че-

246 *Белогриц-Котляревский Л.С.* Роль обычая в уголовном законодательстве. Ярославль, 1888. С. 11–12.

247 *Бондаренко В.* Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 115.

248 *Машкин А.С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. СПб., 1862. Вып. V. С. 86.

249 *Пясецкий Г.* Забытая история Орла. Орел: ОГРТК, 1999. С. 143.

ловека в землю[250]. Такие обрядовые убийства не расценивались крестьянами как преступление.

Суеверия в правовых обычаях русских крестьян отличались завидным единообразием, что подтверждает существование обычного права — норм, общепринятых в правовом быту сельских жителей. Историческая память крестьянства выступала хранителем, а устная традиция — надежным каналом передачи правовых обычаев. Их соблюдение достигалось силой общинных традиций и консерватизмом крестьянского мышления.

В правовой жизни российской деревни второй половины XIX — начала XX в. закон и обычай выступали не только конкурирующими, но и дополняющими друг друга источниками права. В среде русских крестьян закон наиболее удачно применялся в сферах общественной жизни (например, в институте частной собственности), а обычай сохранял свои позиции в традиционных областях (к примеру, в семейных и наследственных правоотношениях).

Модернизация правового пространства на протяжении второй половины XIX — начала XX в. заключалась в постепенном слиянии двух правовых систем и создании единой правовой системы на основе закона при сохранении некоторых подходов и норм обычного права.

250 *Титов А. А.* О мировых судьях и земских начальниках. СПб., 1906. С. 279.

Грех или преступление?

Особенностью крестьянского правосознания было четкое разделение всех проступков на две категории: «грех» и «преступление». Такого разделения не существовало в уголовном праве Российской империи, однако в повседневной жизни крестьян второй половины XIX — начала XX в. оно играло весьма существенную роль. Именно на основе классификации любого проступка или как «греха», или как «преступления» крестьяне могли применять или не применять наказание к провинившемуся.

Нравственный императив был преобладающим в обычно-правовых воззрениях русского крестьянства. Вполне закономерно, что обыденные понятия, которые выступали для сельских жителей критериями в оценке тех или иных деяний, отличались от их трактовки в формальном праве. Если с точки зрения формального права многое нравственное может быть преступным и не все, что преступно, должно быть безнравственным, то с точки зрения жителей деревни, все преступное обязательно безнравственно, а все, что нравственно, не может быть преступным. Это противоречие между правовыми обычаями и писаным правом находило свое выражение в оценке преступлений и определении наказаний за них.

Крестьяне считали нормальным делом или своим святым правом самогоноварение, битье жен, порубку барского леса и другое, считавшееся по закону преступлением. В то же время не все нарушения, которые, по мнению крестьян, совершать греховно, преследовались законом.

Так, в сельском быту греховным делом считались отказ от подачи милостыни, нарушение обещания участвовать в помочах, работа в праздничные дни[251]. Нередко запрет на работу в праздничные дни утверждался на сельском сходе. Так, летом 1898 г. жители с. Брусенец и д. Монастырихи Бережнеслободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии составили строгий приговор, чтобы по воскресеньям и двунадесятым праздникам никто из них не ходил на работы в поле. Нарушители этого постановления обязаны были платить штраф — 50 коп. с человека[252].

В квалификации преступлений и оценке степени виновности, а также определении размера наказания правовые воззрения русских крестьян тоже отличались от официального законодательства. Наказуемые по закону действия, направленные против казенного имущества, доходов, по мнению крестьян, не были ни преступными, ни греховными. «Казна и так много денег берет», — говорили крестьяне о тайной торговле водкой[253]. В оправдание рубки дров в казенных и частновладельческих лесах утверждали: «Лес никто не садил, он сам вырос»[254]. Не вызывали в сельской среде осуждения имущественные преступления против «богатых» (барина, священника). И наоборот, преступными и безнравственными считались кражи у бедных: вдов, сирот. К квалифицированным преступлениям крестьяне относили и те преступления против личности, в которых потерпевшими оказывались лица, состоящие с виновными в особых отношениях. В сельской среде сурово наказывались деяния, нарушившие особые известные нравственные обязанности. Например, оскорбление сыном отца считалось крестьянами более греховным и преступным, чем лица постороннего;

251 См.: *Левин М.* Указ. соч. С. 91; Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. М., 1983. С. 58.

252 Русские крестьяне... 2008. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 12.

253 Там же. С. 23.

254 Там же.

изнасилование опекаемой опекуном каралось строже, чем то же преступление, совершенное лицом посторонним[255].

В русской деревне не считались преступными действия, вызванные чрезвычайными обстоятельствами («Нужда закона не знает»). Так, в представлениях крестьян присвоение чужого имущества по причине голода выступало обстоятельством, которое оправдывало вора и освобождало его от ответственности. Преступления такого рода в суждениях деревенских жителей находили свое оправдание: «Не умереть же ему с голоду, не есть же ему своих детей, ведь никто не назовется ему хлебом, быть и украсть»; «Ныне не евши, завтра не евши, тоже за живот возьмешься, пойдешь и украдешь и греха не побоишься»[256]. Известный знаток обычного права Е. Якушкин в своем исследовании приводил пример, когда в голодный год крестьяне свозили чужие копны, оставляя записку, что взято из крайней нужды. На следующий год то, что было взято, непременно возвращалось на прежнее место[257]. Крестьяне терпимо относились к кражам, когда украденного хватало лишь на утоление голода.

Уважение к частной собственности у жителей села не было развито, что в первую очередь относилось к собственности помещиков. Заповедь «не укради» по отношению к землевладельцу не работала. По взглядам крестьян Рыльского уезда Курской губернии, лес, вода, земля, дикие звери, птицы и рыбы считались Божьими, созданными для всех людей на потребу и в равном количестве. Не было грехом сделать в чужом лесу порубку, наловить рыбу или дичи в чужих владениях[258]. Правовед А.А. Титов, изучавший юридические обычаи жителей с. Никола-Перевоз Ростовского уезда Ярославской губернии, отмечал, что рвать орехи и брать грибы в чужом лесу крестьяне считали дозволительным. Они

255 Русские крестьяне... 2008. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 30–31.

256 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 12.

257 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 21.

258 Архив ИЭА РАН. К. 14 (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 108. Л. 4.

утверждали: «Земляничку, малинку-ягодку али грибок-березовичек Бог для всех уродил, а не для одних только бар и казенных лесников!»[259] На лесные порубки в чужих селах жители Новгородской губернии смотрели как на кражу, но эта кража считалась небольшим грехом. В таких случаях крестьяне говорили, что лес не сам хозяин растил, а Бог[260].

Массовые порубки деревьев вели к сокращению размеров лесных угодий, ухудшали экологическую обстановку и условия хозяйственной деятельности и, как это не парадоксально, вызывали воровство древесины в еще больших размерах. По наблюдениям А.Н. Власова, жителя с. Покровское Шухтовской волости Новгородской губернии: «Благодаря хищнической вырубке лесов за последние 15—20 лет, цена на лес сильно поднялась, крестьяне поняли, что “пустяки” вроде дров, жердей и кольев имеют цену, и совсем прекратили рубку собственных лесов. Теперь все свои нужды они стараются удовлетворить краденым лесом. Многие воруют лес как материал для своих изделий: осины для корыт, лукошек, люлек; сосны для стружки на крышу и лучину; березы на полозья к дровням»[261].

Крестьянской ментальности было присуще наличие двойного стандарта в оценке правонарушений. Исторически сложившаяся замкнутость крестьянского мира выработала критерий этой оценки, своеобразную систему координат «свой-чужой». К «чужим» в селе относились все, кто не являлся членом крестьянского сообщества: помещики, чиновники, горожане, купцы и т.п. По отношению к ним нравственные принципы не действовали: они были представителями чуждого мира и поэтому враждебного. Воровство в деревне было особенно развито по отношению к имуществу бывших помещиков. Так, в деревнях

259 *Титов А.А.* Юридические обычаи села Никола-Перевоз, Сулостской волости, Ростовского уезда. Ярославль, 1888. С. 111.

260 Русские крестьяне... 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 216.

261 Русские крестьяне... 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 3. С. 401.

Калужской губернии «редкий работник не отсыплет мерку зерна на гумне своего хозяина и не украдет муки, если его пошлют на мельницу»[262].

Мужик не признавал со своей стороны предосудительным, несправедливым делом кражу или обман по отношению ко всякому, кто не мужик. В этом следует видеть своеобразную месть крестьянина торговцам, перекупщикам — всем тем, кто не раз и не два обманывал мужика самым бессовестным образом. В отчете императору за 1891 г. воронежский губернатор сообщал: «Статистическими данными по губернии удостоверено, что при продаже хлеба перекупщикам на вес крестьяне теряют не менее 10 %, а при продаже на меру от 17 до 20 %, или в среднем 15 %»[263]. Думается, что крестьяне не были столь наивны, чтобы если не знали точно, то определенно не догадывались об обмане. Поэтому «объехать», «поднадуть», «объегорить» всякого, «кто не мужик», в деревне считалось делом справедливым и разумным и уж никак не преступным.

Не расценивался в крестьянском правосудии как преступление, караемое по закону, торговый обман. Терпимо крестьяне относились к обмеру, обвесу, продаже некачественного товара. Мелкие торговые плутни также не считались преступлением, а расценивались скорее как ловкость. «Обвесы, обмеры, обсчеты, продажа плохого за хорошее преступлением не считается», — утверждали крестьяне Карачаевского уезда Орловской губернии, добавляя при этом: «Они видели, что покупали»[264]. Из Костромской губернии корреспондент сообщал: «Продать гнилое за свежее, худое за хорошее не считается за грех. Вообще обман всякого рода — вещь обыденная»[265]. С особым удовольствием крестьяне «надували» городских жителей. Так, при продаже лошадей и коров всячески скрывали недостатки продаваемых жи-

262 Русские крестьяне... «, будет так: «Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 185..

263 Библиотека РГИА. Всеподданнейший отчет воронежского губернатора за 1891 г. Л. 20 об.

264 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1104. Л. 5.

265 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 365.

вотных («На гнилой товар да слепой купец»). При продаже продуктов крестьянки для большего веса подмешивали в масло сало, приговаривая: «Город яма — все прижрет»[266].

Из других наказуемых по закону действий, но не признаваемых крестьянами преступными, наиболее распространенными были беспатентная торговля вином и табаком, торговля продуктами без документов. В нарушении акцизного устава жители села не усматривали никакого греха и преступления, а к шинкарям относились очень милостиво, считая их даже своими благодетелями[267]. Да и сам крестьянин готов был охотно продать кому угодно бутылку вина, если ему дадут лишний двугривенный[268]. В Ярославской губернии местные крестьяне не видели никакого проступка в тайной продаже водки, а также считали допустимой беспатентную торговлю бакалейным товаром[269].

По понятиям и обычаям русских крестьян право преследовать, судить и называть виновных принадлежало суду и воле Божьей. Информатор этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Тотемского уезда Вологодской губернии в 1899 г. сообщал: народ крепко убежден в том, что преследование и наказание преступников принадлежат каре Божьей. Крестьяне говорят: «Не люди, так Бог накажет виновного. Людского суда можно избежать, а Божьего никогда»[270]. В православном сознании русских крестьян ответственность перед Творцом стояла выше суда земного. «Перед судом соврешь, а перед Богом нет», — утверждали сельские жители[271]. Опасение согрешить представлялось для крестьянина всегда более сильным, чем боязнь уголовной кары[272].

266 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века. С. 141.

267 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 339; Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 531.

268 Там же. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 364.

269 Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 397.

270 Там же. С. 351.

271 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1034. Л. 1.

272 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. С. 24.

В суждениях крестьян преступник — это «несчастный», «бедолага», жертва сложившихся обстоятельств. Причину преступления сельский люд усматривал прежде всего в греховной природе человека. В народе говорили: «Грех сладок, человек падок»; «Грех воровать, да нельзя миновать». Преступные деяния могли стать результатом действий «от лукавого». Неслучайно про человека, впервые совершившего преступление, в русской деревне говорили, что его «бес попутал», «нечистый подтолкнул» и т.п. Свою роль, по мнению крестьян, играла дурная наследственность («Благословляет отец деток до чужих клеток»). О детях из воровских семей, пошедших по стопам отцов, выносили суждение о том, что «яблоко от яблони далеко не падет»[273].

Преступник вызывал у крестьян сочувствие потому, что осужден людским судом и его уже постигла кара за совершенное злодеяние. Он лишен свободы и поэтому не опасен, и теперь он вызывал не страх, а жалость. Из Тамбовской губернии С.С. Кондрашов в 1889 г. сообщал: «Арестанта народ всегда накормит с радушием. На преступника смотрят как на несчастного. Причина тут в том, что виновный уже получает возмездие за свои проступки. Искупив их через наказание, он является как бы страдальцем: кандалы особенно действуют на чувства народа»[274]. Особое сострадание крестьяне испытывали к узникам. Помня о том, что от тюрьмы и сумы не зарекаются, каждый стремился оказать милосердие несчастным. Так, жители Болховского уезда Орловской губернии преступникам, осужденным коронной властью, давали на дорогу деньги, холст, хлеб, молоко, квас[275]. В Карачаевском уезде той же губернии при посещении арестованных или подвергнутых тюремному заключению старались принести в виде гостинца булку, чаю, сахару, баранок[276]. Среди населения Васильсурского уезда Нижегородской губернии

273 *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 75–76.

274 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 7.

275 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1034. Л. 7.

276 Там же. Д. 1104. Л. 11.

в конце XIX в. бытовал обычай подавать милостыню арестантам тюремного замка в большие праздники — Рождество Христово, Пасху[277].

Если цель уголовного закона состояла в том, чтобы покарать, отомстить за содеянное преступление, то деревня в своем обычно-правовом мировоззрении считала, что главное в том, чтобы преступник раскаялся и исправился. Прощение, которое преступник испрашивал у потерпевшего и сельского схода, всегда выступало смягчающим обстоятельством. Такое поведение крестьян было зримым проявлением христианского милосердия, стремления исполнить слова Спасителя: «Не судите, да не судимы будете».

Во второй половине XIX в. в России наибольшая сфера применения наказаний, не связанных с государством, охватывала крестьянское сообщество. Даже в официально установленных волостных судах наказания налагались на основе обычая. Традиционные крестьянские суды при определении наказания руководствовались обычаями, собственным усмотрением и принципом целесообразности. Наказание в сельской среде воспринималось как самая радикальная мера разрешения конфликта. Обеспечение социального контроля в общине достигалось посредством внутрисемейного регулирования и неформальным контролем над противоправным поведением. Наиболее эффективное предупреждающее воздействие оказывало общественное порицание, отражавшееся в форме пересудов, сплетен, осуждения односельчан, склонных к девиантному поведению.

Репрессивные действия крестьянской общины преследовали и такую цель, как утверждение незыблемости решений «мира», в том числе и установленных уголовно-правовых запретов[278]. От рецидивистов община избавлялась самыми разнообразными способами: их уродовали, изувечивали, чтобы лишить возможности совершить но-

277 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. С. 83.

278 *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 420.

вые преступления, удаляли из села или истребляли[279]. Исправительный характер наказания применялся в русской деревне при маловажных проступках, из которых нельзя было вывести заключение «о безусловной нравственной испорченности виновного лица, когда виновный не совсем уже отчаянный человек»[280].

При определении характера наказаний жители русского села исходили из посылки общей греховности мира и того, что преступник уже наказан Богом, попустившим ему этот грех. Греховность поступка определялась объемом вреда, нанесенного потерпевшему, а также степенью его ощутимости для потерпевшего. Крестьянское правосудие учитывало причины, побудившие к совершению преступления, обстоятельства, при которых оно было совершено[281]. Особое внимание уделялось репутации преступника и пострадавшего. Как правило, наказание смягчалось, если преступные действия совершены по отношению к порочному члену общины или богатому односельчанину. В случае уплаты штрафа для богатого крестьянина назначали короткий срок, а для бедного — более долгий. Больного, уличенного в воровстве, в селе не наказывали, так как его уже Бог покарал, а только заставляли возместить ущерб потерпевшему. Также смягчали наказание покаявшимся и просившим прощения у схода нарушителям[282].

Во второй половине XIX — начале XX в. традиционные суды русской деревни выносили смертные приговоры за такие преступления, как убийство и грабеж, прелюбодеяние и разврат, конокрадство и воровство. Самосудные казни совершались публично, с предварительным обсуждением преступления на сходе, с использованием пыток и истязаний. Смертная казнь в системе обычно-правовых наказаний выполняла функцию избавления общины от закоренелого и неисправимого преступника, а также воз-

279 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 794. Л. 12 об.

280 Там же. Д. 654. Л. 1.

281 Там же. Д. 1708. Л. 9.

282 Там же. Д. 654. Л. 2.

мездия за совершенные преступником злодеяния. Ее публичность носила назидательный характер и способствовала поддержанию общественного мира.

Наказание в восприятии русских крестьян являлось прежде всего мерой физического воздействия. В русской деревне телесные наказания считались самыми «вразумительными и полезными», так как «розог опасаются все, от розог нет убытку ни мужику, ни обществу»[283]. Крестьяне, по их собственному свидетельству, боялись не физической боли, а оскорбления их человеческого достоинства позором публичного наказания. Корреспонденты тенишевского фонда приводили случаи, когда «приговоренные к розгам ревели как ребята малые, молили отменить приговор»[284]. Приговоренные к порке крестьяне просили заменить розги на арест. Лиц, подвергнутых публичной экзекуции, в деревне называли «поротыми», и это клеймо оставалось на них до конца жизни. Добропорядочным общинникам, совершившим преступление впервые, предоставляли возможность откупиться от позорного наказания, уплатив штраф.

Штраф как наказание в крестьянской среде был обусловлен распространенным мнением о необходимости загладить вину перед «миром» уступкой части своего имущества, «отплатить» за правонарушение. Община карала штрафными санкциями нарушителей «мирских» запретов, приравненных обычным правом к преступникам. За кошение травы до Троицы нарушителей в селе подвергали штрафу до 1 рубля. Мирские средства, полученные за счет штрафов, использовали в качестве помощи нуждающимся членам общины. В изучаемый период штрафы применяли как личное наказание за нарушение общественных запретов, отделенное от компенсационных выплат в пользу пострадавшего. В тех случаях, когда назначенный штраф не мог быть уплачен без расстройства хозяйства, его заменяли арестом.

283 *Кандинский В.* О наказаниях по решению волостных судов Московской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. С. 19.

284 *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 427.

В отличие от государственной карательной системы, основанной на чувстве страха перед наказанием, обычно-правовые санкции воздействовали на самую значимую для крестьянина ценность — его доброе имя, репутацию. Нарушители обыденного порядка крестьянской жизни вызывали общественное неодобрение и становились предметом всеобщего осуждения. Форма общественного воздействия зависела от характера совершенного деяния и степени реакции сельского сообщества на проступок.

Таким образом, в трактовке преступления и ответственности за него положения официального законодательства и нормы обычного права расходились и весьма значительно. Это являлось следствием сословной замкнутости крестьянского социума, особенностей сельского менталитета, традиций хозяйственного уклада, соблюдения канонов православия, приоритета правовых обычаев над формальным законом.

Правовые обычаи в повседнев-ности села

Землепользование крестьян

Проблема земельной собственности крестьян и ее правовое содержание в последние годы вызывают у исследователей неизменный интерес[285]. Авторы современных публикаций в большей мере анализируют влияние законодательства на аграрные отношения в русском селе, не уделяя должного внимания изучению самой природы крестьянского землепользования. Реакция же крестьян на властные усилия в области правового регулирования поземельных отношений определялась действием норм обычного права. Наша цель состоит в том, чтобы установить содержание обычно-правовых воззрений русских крестьян в вопросе земельной собственности, выяснить роль норм обычного права в механизме общинных переделов, порядке пользования крестьянскими наделами и решении земель-

285 *Буланова Л.В.* Право общинной собственности на землю в России во второй половине XIX века // История государства и права. 2005. № 1. С. 41—45; *Есиков С.А.* Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861—1905 гг.): историко-правовое исследование. СПб., 2007; *Ибрагимов К.Х.* Особенности общинной поземельной собственности в России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 117—124; *Невская Т.А.* Обычно-правовое регулирование повседневной жизни крестьянства Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. // Вестник СевКавГТУ. Серия «Право». 2004. № 1 (6); *Соловьев В.Ю., Соляниченко А.Н.* Российская власть и крестьянские надельные земли в конце XIX — начале XX века // Власть. 2008. № 3. С. 60—63; *Шатковская Т.В.* Обычно-правовые основы земельно-распорядительной деятельности российских крестьян второй половины XIX — начала XX в. // Философия права. 2008. № 4. С. 18—22 и др.

ных споров. Совершенствование современного земельного законодательства, прежде всего в вопросе правового статуса общедолевой собственности жителей российского села, следует вести с учетом как реалий рыночной экономики, так и правового менталитета аграриев. Поземельные отношения в российской деревне эпохи модернизации второй половины XIX — начала XX в. в этом отношении представляют собой значимый исторический опыт.

Большинство исследователей дореволюционного периода сходились во мнении о том, что общину можно рассматривать в качестве местного правотворческого органа, который утверждал обычай как норму поведения[286]. В свою очередь, землепользование сельских общин и их членов — крестьян-тяглецов — осуществлялось в пределах, допускавшихся феодальными владельцами или государством. То же поддерживалось обычаем, постепенно оформленным в целую систему норм неписаного права. От поддерживаемого этими нормами порядка общинного землепользования зависела структура земельного хозяйства каждого крестьянского двора. Следовательно, земельно-правовые нормы в разные периоды истории крестьянства в свою очередь отражали этапы эволюции сельской общины как сословного института[287].

Последовавшие за положением 19 февраля 1861 г. законы от 26 июля 1863 г. и 24 ноября 1866 г. приравняли статус удельных, государственных и помещичьих крестьян, тем самым объединив их в сословие крестьян с единой юрисдикцией. Правовые отношения людей, принадлежавших к крестьянскому сословию, отнюдь не регулировались нормами всеобщего гражданского права, а основаны были, как правило, на местном обычном праве.

---

286 *Оршанский И.Г.* Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. С. 38; *Виригин И.* Начала народного права и судопроизводства // Русская речь. 1879. № 3. С. 148, 149; *Никонов С.П.* Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. Харьков, 1906. С. 153.

287 *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. М., 1984. С. 70.

В последующие годы был обнародован целый ряд важных законов и постановлений, воплощавших в жизнь особый сословный крестьянский порядок. Среди этих актов назовем следующие: закон от 18 марта 1886 г., ставивший препятствия делению подворного имущества среди членов двора; закон от 8 июня 1893 г. относительно перераспределения земли внутри мира, который устанавливал, что всеобщее перераспределение должно происходить не реже, чем через каждые 12 лет; закон от 14 декабря 1893 г.,который значительно осложнял всякую продажу наделов, даже если она проводилась через общины, а также делал почти невозможным выход из общины. Согласно этому закону и после полной выплаты выкупной ссуды оставалось в силе ограничение права крестьян распоряжаться своей землей.

Стоит согласиться с утверждением С.А. Есикова, что к началу XX в. государственные нормативные акты, не отменявшие действующие нормы обычного права, фактически закрепляли идею народного правосознания о трудовом пользовании землей[288]. Общинное землевладение по своему содержанию приравнялось к общинному праву собственности. При этом правомочия общинника зависели от того, какая форма землепользования (общинная или подворная) преобладала в конкретной общине.

Кроме личной собственности, российские законы признали право общей собственности, основанное на праве коллективного владения, распоряжения и пользования общим имуществом. Ст. 543 Свода законов давала следующее понятие общей собственности: «Право собственности, принадлежащее двум или многим лицам, есть право собственности общей, оно называется также право общего владения»[289]. В российском законодательстве XIX в. не было четкого определения понятия «владение». Этот термин употреблялся как синоним и права собственности, и пользования, что, в свою очередь, вносило путаницу в понятия «собственник» и «владелец». Не добавляла

288 *Есиков С.А.* Указ. соч. С. 38.

289 Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. X. С. 101.

ясности и сенатская практика, решения которой в данном вопросе были противоречивы.

Однако повседневная практика крестьянского землепользования, основанная на нормах обычного права, в отличие от действующего законодательства уже имела ответ на этот сложный юридический вопрос. Именно община являлась собственником земли сельского общества, а члены общины обладали лишь правом пользования.

Каждый крестьянин должен был быть членом общины или двора, только в этом случае он мог получить свой надел земли. Право это существовало только в той мере, в какой крестьянин оставался членом двора. В случае, если разрывалась окончательно связь с двором, право это прекращалось автоматически и без всякой компенсации сельскохозяйственного предприятия, которое представлял собой двор.

Местными положениями (в том числе и губернскими) права домохозяина на земельный участок, находившийся в его пользовании, определялись термином «потомственное пользование», а не словом «собственность». Тем самым закон признавал право домохозяина на данный конкретный участок, не совпадающим с тем правом собственности на часть общей собственности, которое закон предоставлял домохозяйству в целом[290]. Двор и община были теми единицами, через посредство которых и в рамках которых лица, принадлежавшие к крестьянскому сословию, а тем самым к общинам и дворам, могли предъявлять требования на землю. Разница между крестьянским двором и общиной состояла в том, что в рамках двора отдельный крестьянин предъявлял требование на землю непосредственно, а в рамках общины он это делал через посредство двора.

Внутри общинного землевладения сочетались три категории земель с разным правовым статусом, что и порождало путаницу и неразбериху на практике и в теории: у российских правоведов не было единого мнения о юридической природе общинного землевладения[291].

290 *Леонтьев А.А.* Крестьянское право. СПб., 1909. С. 263.

291 *Есиков С.А., Есикова М.М.* Правовой статус подворного

Полевые надельные земли и общественные угодья в соответствии с «Положением о выкупе» (ст. 160), когда они выкупались целым сельским обществом, признавались собственностью всего общества, которое обладало правом разверстки их между своими членами по утверждению приговора не менее чем двумя третями крестьян-общинников, имевших право голоса на сходе. При этом полевые надельные земли находились во владении крестьянского двора, ограниченном правом общины периодически осуществлять переделы земли в зависимости от конкретных обстоятельств. Собственно общинные земли представляли собой неделимые угодья, в том числе «уголки» и «отрезки» между наделами, и использовались в интересах всего сельского общества (пастбища, выгоны, лес и др.). В отношении них крестьяне-общинники обладали правом пользования, связанным с институтом членства. Эти земли (в «мирских нуждах») община использовала в собственных интересах, и в том числе могла сдавать их в аренду как своим членам, так и третьим лицам[292].

Усадебные земли представляли собой земельные участки, на которых размещался крестьянский двор с постройками, садом и огородом, находившиеся, как правило, в черте населенных пунктов. Согласно «Положению о выкупе» устанавливались раздельный порядок приобретения и правовой режим усадебных земель и полевых наделов. Выкуп усадебной оседлости фиксировался «данной на выкупаемые усадьбы». В соответствии с Положением (ст. 26), крестьяне со дня выдачи им «данной» получали усадебные земли в полную собственность с тем ограничением, что в течение первых 9 лет со времени утверждения Положения они не могли передаваться и закладываться не принадлежавшим общине лицам. По истечении этого срока крестьяне могли распоряжаться своими усадьбами

землевладения и землепользования в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861–1905) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. Специальный выпуск (38). С. 39–40.

292 Там же.

на правах полной собственности[293]. Их право на усадьбу можно было охарактеризовать как пожизненное владение без права отчуждения[294]. Все постройки и насаждения на усадебной земле принадлежали общиннику на праве полной собственности, земля же принадлежала обществу и могла переходить к наследникам лишь при условии, что они являлись членами той же общины[295]. В своих интересах община могла нарушать права хозяина на усадебную оседлость. Сельский сход мог потребовать от домохозяина переноса изгороди или забора, препятствующих прогону скота. В то же время при образовании нового хозяйства именно из общинных земель ему отводился земельный участок под усадьбу.

При проведении в жизнь реформы земля предоставлялась в распоряжение не отдельным крестьянам, а сельским обществам. В 70-е годы XIX в. общинное землепользование было упорядочено введением «записей» на землю, которые получили сельские общества. С получением документа на право пользования землей община имела теперь в своем распоряжении строго определенное количество земли. Захватное землепользование, как и свободный прием в общину новых членов, теперь стали невозможны. Документы на владение, выдававшиеся крестьянам при предоставлении им земли, выписывались не дворам, а общинам. В них указывалось, сколько земли получает данный двор, но никак не определялось местонахождение этой земли или ее границы. Бывали случаи, когда тут же отмечалось, что общество имеет право заменить один участок другим. И в дальнейшем Сенат недостаточно четко определял разницу между подворным и общинным имуществом. Заключения Сената по этому поводу не однозначны. Так, в решении 2-го отдела от

293 Крестьянская реформа в России в 1861 г.: сб. законодат. актов. М., 1954. С. 98.

294 *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. С. 54.

295 *Воробьева Л.В.* Пореформенная русская крестьянская община как юридический феномен (1861–1905 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 12.

12 марта 1899 г. указывалось, что и в случае подворного имущества земля все же числится собственностью общины. Хотя решения 1-го и 2-го отделов от 27 ноября 1895 г. гласили совершенно обратное[296].

Как видим, никаких сведений о месте расположения наделов подворников в документах не имелось. Нетрудно себе представить, в каком положении находились такие домохозяева в случае земельных споров и захватов, в случае необходимости защищать свое владение от посягательств соседних крестьян. Такой спор мог успешно вестись только самим обществом, так как при споре одного домохозяина землевладелец всегда мог сделать заявление, что предъявленный план общего надела вовсе не доказательство того, что захваченная земля принадлежала тому крестьянину, который предъявил иск. Таким путем создавалась зависимость отдельного владельца от общества[297].

В юридической практике термин «семейная собственность» был введен в оборот в ходе реформ 1861 г., когда, вслед за общинным землевладением, законодатель попытался определить статус крестьянского семейного союза и как хозяйственно-правовой, и как административно-фискальной единицы. Центральным местом данного понятия было определение правомочий семьи по отношению к подворной и надельной земельной собственности.

Главное, на что обращал внимание законодатель при определении семейной собственности, был вопрос о правообладателе на землю — домохозяине или семье в целом. Вторая проблема, поднимаемая в этой связи, это вопрос о том, что такое семья как коллективный орган — союз самостоятельных сособственников или юридическое лицо, обладающее независимыми правомочиями относительно членов крестьянского двора. Официальным авторитетом по данному вопросу выступал Правительствующий Сенат как главный судебно-административный орган. Однако сенатская практика в вопросах семейной собственности не была последовательной. С одной стороны, указыва-

296 *Есиков С.А., Есикова М.М.* Указ. соч. С. 41.

297 Там же.

лось, что семья — это особый хозяйственно-юридический союз, который не является юридическим лицом, но и не дает отдельным членам семьи обособленных прав владения и распоряжения общим имуществом.

С другой стороны, домохозяин — лишь распорядитель имуществом, а также представитель всего крестьянского двора перед третьими лицами: «Не только при общинном, но и при подворном владении усадебный и полевой надел составляет не личную собственность домохозяина, на которого участок записан в актах, а общую собственность всего крестьянского двора или семейства». Однако Сенат не допускал права членов крестьянского двора на самостоятельное распоряжение надельной землей, оставляя это правомочие за домохозяином.

Помещики и правительство старались не вмешиваться в поземельные отношения крестьян, которые регулировались обычным правом. «Право собственности на землю при общинном земледелии принадлежит общине, и распоряжение землей всецело зависит от нее. Право общины от права общей собственности отличается тем, что община сама прав своих непосредственно не осуществляет, а делегирует их на определенных условиях членам, составляющим общину. Община не несет и обязанности, а распределяет обязанности, т.е. налоги и платежи в строгом соответствии с делегируемыми правами», — утверждал известный знаток крестьянского права А.А. Леонтьев[298].

Традиционно основной функцией общины в русском селе было распределение земли. Оно производилось по ревизским или наличным душам, либо по числу рабочих рук в хозяйстве, либо по едокам. Данные земской статистики позволяют утверждать, что в целом в черноземной полосе разверстка по ревизским душам являлась преобладающей. Так, издания Курского, Воронежского, Тамбовского земств показывают, что до начала 1880-х гг. почти все селения государственных крестьян и большая часть бывших помещичьих вовсе не переделяли свои земли после 10-й ревизии и, стало быть, сохранили раскладку по

298 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 114.

ревизским душам. Только с начала 80-х гг. XIX в. началось крестьянское движение в пользу перехода к принципу распределения земли на наличные души[299].

Крестьянские общины в лице их исполнительных органов достигли виртуозного совершенства в методах уравнительного распределения пахотных земель. Главным в общинном владении был принцип равных прав на землю. На сельском сходе, проходившем в конце зимы — начале весны, домохозяева решали, когда и что сеять, сколько земли оставить под пар, определяли пастбища и сенокосные угодья. Эти вопросы землепользования были жизненно важны для крестьян, поэтому дележ земли происходил строго в соответствии с обычаями, принятыми отцами и дедами.

Вопрос о подворной земельной нарезке решали сельские сходы. Способ разверстки зависел от качества земли, рельефа хозяйственных угодий и т.п.[300]. Сенокосы при общинном владении не подвергались разделам: сено косилось сообща и уже скошенное делилось между членами общества[301]. Вся работа по разверстке земельных наделов выполнялась с довольно высокой степенью точности. Обмер земли при общем переделе производился деревянной палкой величиной в сажень, а при частном — шагами из расчета, что сажень равна двум шагам. Надельная полевая полоса называлась «загоном», а луговая — «паем». Границы в чересполосном владении обозначались межами, а отделявшие один участок от другого — рубежами: на концах и поворотах рылись межевые ямы, в которые устанавливали межевые столбы. Если межой служил проток или овраг, то его называли «живым урочищем»[302].

Валовую межу, как и граничный рубеж, никто не имел права вспахать — нарушитель подвергался наказанию.

299 *Головин К.* Община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 39.

300 *Кузнецов С.В.* Культура русской деревни // Очерки русской культуры. М., 1998. Т. 1. Общественно-культурная среда. С. 224, 227.

301 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

302 Там же. Д. 2033. Л. 3.

Нарушение, или, как говорили в деревне, самовольная «взломка» валовой межи, случались редко, так как крестьяне считали ее за святую, установленную не одним человеком, а всем обществом, по общему на всех тому согласию[303]. Если в результате обмера обнаруживался излишек земли, начинали выяснять, как он образовался. Опрашивали соседей: если те подтверждали, что этим загоном хозяин владел более десяти лет, то его оставляли в покое. Правда, он должен был подкрепить свои показания клятвой. С этой целью владельца спорного загона разували, скидывали с него шапку, давали в руки икону и заставляли обойти загон кругом. Если крестьянин обходил вокруг загона и при этом не падал, то общество оставляло излишек земли в его распоряжении[304].

Система разверстки земельных угодий, основанная на нормах обычного права, была результатом как исторического опыта хозяйствования, так и аграрной практики в конкретно-экономических условиях. Она определялась хозяйственной целесообразностью, приемами и способами ведения полевого хозяйства. По сведениям, полученным от М. Кашкарова из Воронежской губернии в 1899 г., «общинные земли в селениях бывших помещичьих крестьян разверстывались по ревизским душам, в селениях бывших государственных крестьян — по числу душ мужского пола. При разверстке на наличные души мужского пола принимались в расчет или все мальчики, родившиеся ко дню передела, или мальчики и парни, достигшие определенного возраста (3, 5, 7, 15 и 18 лет). Встречалась разверстка по рабочему составу членов семьи (18—60 лет), проживавших постоянно дома, имевших в обществе постоянную оседлость»[305]. Выбор того или иного принципа разверстки земли часто становился предметом ожесточенных споров на сельском сходе.

В больших селах, имевших много земли, для удобства ее распределения землемер делил все сельские угодья

303 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 998. Л. 3.

304 Там же. Л. 5.

305 Там же. Д. 459. Л. 1.

на несколько частей — «столбов», как говорили крестьяне. Сход решал, какой именно столб пускать под какие крестьянские нужды. Затем начиналось выделение земли внутри этих участков — столбов. Дележ происходил в большинстве сел по сотням. При дележе каждый участок делили на полосы длиной 120—260 сажень, число полос соответствовало числу сотен. Ширина полосы (ее называли «шар») зависела от числа душ, участвующих в переделе. Те или иные части доставались сотням по жребию, затем уже каждая сотня делила землю по душам.

Дележ производила особая комиссия резчиков, которые в очередном участке нарезали каждому домохозяину землю по числу ревизских или наличных душ. Если в состав сотни входило значительное число дворов, то представители сотни вначале делили землю на десятки, а внутри десяток — по душам. Количество делянок у одной крестьянской семьи зависело от степени однородности почвы вокруг данного села. Такая сложная система дележа должна была способствовать соблюдению принципа социальной справедливости, как понимали его крестьяне.

Распределение земли между крестьянскими хозяйствами было процессом очень сложным. Трехпольная система полеводства предполагала общий выпас по стерне и по пару. А потому полосы, принадлежавшие отдельным дворам, нельзя было отгородить, так как животные и люди должны были свободно ходить по полям, кроме того, в большинстве случаев каждый двор должен был следовать определенному порядку — сеять необходимые культуры в соответствующее время. Пашня была поделена на узкие полосы, настолько узкие, что иногда с бороной можно было пройти только в одну сторону. Каждый двор имел несколько полос, чаще всего на определенном отдалении одна от другой. Дело в том, что крестьяне внимательно следили за тем, чтобы земля распределялась по справедливости. Общинные земли были различны по качеству, расположению, конфигурации, удаленности от деревни. Каждое из трех полей разделя-

лось на ярусы примерно одного качества, а каждый ярус на «доли» — по числу «ртов» в деревне[306].

Весь этот сложный механизм распределения был подчинен одной цели — максимально соблюсти основной принцип крестьянского мира, обеспечить равный доступ к земле. Возможность пользования земельным наделом выступала непременным условием функционирования крестьянского хозяйства. Равные «стартовые условия» производственной деятельности ставили конечный результат в прямую зависимость от умения, навыков, трудолюбия пахаря. Заметим, что все это, конечно, верно только при условии учета капризов природы, над чем мужик, естественно, был не властен.

Когда в силу естественных причин изменялся состав населения отдельных дворов, община организовывала частичные переделы (свалки-навалки), забирая полосы от одних и передавая другим. Частные переделы допускались в случаях смерти домохозяина, увольнения его из общества, высылки по суду или по общественному приговору, безвестной его отлучки, оставления хозяйства без попечения, отказа самого домохозяина от пользования землей, неисправности его в платеже повинностей. Частичные переделы производились также при необходимости нарезать новые приусадебные участки в силу каких-то стихийных явлений (наступления оврагов, размывания почв) либо, наоборот, из-за приращения удобных земель в результате совместных усилий[307]. Такая гибкая система позволяла оперативно реагировать и решать возникавшие проблемы землепользования, соблюдая принцип социальной справедливости.

При распределении земельных наделов община внимательно следила за тем, чтобы соблюдался принцип трудового участия, т.е. землей могли пользоваться только те, кто ее обрабатывал. При переделах земли общество отказывалось учитывать те «души» в семействах, которые долгое время отсутствовали или же находились

306 *Левин М.* Указ. соч. С. 118—119.

307 *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 165.

в безвестной отлучке[308]. Приговором общества крестьян д. Выкрестовой Воронежского уезда той же губернии от 4 декабря 1889 г. было принято решение «общественные земли поделить на новые души с тем условием, что, кто из однообщественников не занимается хлебопашеством и не отбывает общественных натуральных повинностей, тому земельного надела не давать»[309]. В 1899 г. жители слободы Семейки Острогожского уезда Воронежской губернии в постановлении схода прямо указывали на то, чтобы не предоставлять землю тем односельчанам, кто постоянно проживает на заработках в Воронеже[310]. В ряде мест существовала традиция, согласно которой местные старожилы пользовались преимуществом при распределении земельного фонда. Так, по приговору сельского схода слободы Ливенки Бирючанского уезда Воронежской губернии несколько дворов получили меньший надел, чем полагалось по раскладке. Причина заключалась в том, что они недавно были приписаны к обществу[311].

Для мировоззрения русских крестьян было характерно представление о том, что земля должна даваться крестьянам государством, а не покупаться у кого-либо. Идея «земля как товар» с трудом воспринималась большинством населения, причем это было связано не с экономическим положением крестьян, а скорее с причинами психологического характера. Уравнительное общинное землепользование крестьян признавалось российским законодательством правомерным, а до проведения столыпинской реформы даже обязательным.

В правовых воззрениях русских крестьян не существовало понятия частной собственности на землю. Еще в XIX в. русский ученый, этнограф А.Я. Ефименко отмеча-

308 *Зырянов П.Н.* Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907–1914 гг. // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 107.

309 РГИА. Ф. 1344. Оп. 10. Д. 734. Л. 3.

310 *Силин А.В.* Крестьянская община Воронежской губернии в 1861–1900 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С. 68.

311 РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 102. Л. 16.

ла: «Земля — не продукт труда человека, а, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на собственность»[312]. С точки зрения веры, православный мужик считал землю «Божьей», данной Творцом людям на пропитание. Царь как «помазанник Божий» был волен распоряжаться землей, наделяя ей своих подданных.

Правом пользования землей, по суждению селян, обладали те, кто на ней трудится. В пределах общины земля считалась «мирской», т.е. принадлежащей обществу. Общинные угодья распределялись между крестьянскими дворами посредством земельной разверстки, о чем подробно говорилось выше. Крестьянская семья свободно пользовалась этим наделом, но распоряжаться им могла только с согласия сельского схода. При этом полевые надельные земли находились во владении крестьянского двора, ограниченном правом их передела общиной. В отношении неделимых общинных угодий крестьяне-общинники обладали правом пользования, связанным с институтом членства общины.

До 1917 г. на территории России можно выделить три важнейшие формы крестьянского землевладения: общинную, подворную и участковую (индивидуальную). Сочетание внутри общинного землевладения трех вышеуказанных категорий земель с различным правовым статусом объясняло противоречивость взглядов российских юристов на юридическую природу общинного землевладения. Однако вплоть до 1917 г. это понятие так и не было законодательно оформлено. В результате в течение всего пореформенного периода, вплоть до октябрьской революции, аграрный строй России сохранял всю пестроту местного колорита и норм обычного права в сфере поземельных отношений. Это, в свою очередь, чрезвычайно осложняло задачу реформирования и правового регулирования аграрных отношений, включая разрешение

312 Цит. по: *Платонов О.А.* Экономика русской цивилизации. М., 1986. С. 11.

основополагающего вопроса о субъектах права земельной собственности. То, что выступало проблемой для правоведов, не являлось таковой для крестьянства. Русская деревня продолжала регулировать поземельные отношения нормами обычного права.

Не только вопросы землепользования, но и земельные отношения в целом в русской деревне регулировались нормами обычного права. Потрава посевов, нарушение межи при косьбе («перекос»), ошибочный вывоз чужого стога сена, засев соседнего клина пахотной земли — эти спорные вопросы сопровождали повседневную хозяйственную деятельность крестьян. Принцип решения земельных споров был определен традиционным жизненным укладом крестьян. Отличительной чертой обычно-правового регулирования было возмещение трудовых затрат при решении хозяйственных споров.

Споры, возникавшие вокруг права пользования земельным наделом, решались в деревне на сельском сходе на основе норм обычного права. В волостной суд обращались в том случае, если мирской приговор казался одной из сторон несправедливым. Анализ решений волостных судов дает основание сделать вывод о том, что в земельных вопросах они руководствовались не законом, а обычаем[313]. Суд присуждал посеянный хлеб истцу с вычетом в пользу ответчика затрат на семена. В случае если хлеб был уже убран ответчиком, то истцу полагалось денежное вознаграждение за убытки по существующим на хлеб ценам[314]. Специалист в области гражданского права С.В. Пахман в своем исследовании приводил пример решения волостного суда по иску о самовольном засеве. Приговором суда урожай озимой пшеницы, полученный с самовольно засеянного клина, был распределен следующим образом: 8 копен отдали хозяину, а 8,5 копен —

313 *Безгин В.Б.* Земельные иски в материалах волостных судов Тамбовской губернии // Земледелие и землепользование в России (социально-правовые аспекты): XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщ. М., 2002. С. 116–118.

314 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

за работу[315]. В практике судебных решений допускалась и возможность компенсации: «Ты посеял на моей полосе, я посею на твоей»[316].

В процессе семейных разделов сельский сход делил и земельный надел, который находился в пользовании всей семьи. Подобные решения нередко становились причиной исков, которые подавали те, кто считал себя незаконно обделенным. Так, в 1891 г. Темниковское уездное по крестьянским делам присутствие Тамбовской губернии оставило без внимания жалобу Петра Степанова на приговор сельского схода села Бахтызино об утверждении раздела земельного надела между ним и братом. В решении было записано, что «по обычаю и правилам, принятым в крестьянском быту, сход имел полное право разделить и земельный надел»[317].

Община зорко следила за соблюдением своих интересов. Иск сельского общества в волостной суд об изъятии земельных наделов из «незаконного» владения того или иного односельчанина заканчивался, как правило, в пользу крестьянского мира. Салтыковский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии своим решением удовлетворил иск общества об изъятии земельного надела на 3 души у Андрея Абрашкина[318]. В марте 1913 г. волостной суд Питерской волости Моршанского уезда вернул в общинное пользование земельный надел на 1 душу крестьянина Фрола Шишкина, сданный им в аренду. Несмотря на то, что на суде была представлена копия договора аренды сроком на 10 лет, суд в иске отказал. Представитель ответчика заявил о том, что спорная земля более 50 лет принадлежит обществу, а Шишкин, как отсутствующий домохозяин, хозяйство на этой земле не вел и пользоваться ей не мог[319]. Другое решение принял Рыбинский волостной суд того же уезда в 1914 г. Крестья-

315 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 43.

316 Там же.

317 ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 647. Л. 5, 5 об.

318 Там же. Ф. 787. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

319 Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 3, 4, 9 об.

нин с. Давыдовки Николай Трубицын просил отобрать у отца земельный надел на 2 души, который полагался ему согласно условиям семейного раздела. Ответчик заявил, что данный надел находится у него в арендном пользовании до очередного передела (1922 г.) на основе словесного договора и деньги за аренду уплачены полностью. Суд удовлетворился таким объяснением и требования истца признал необоснованными[320].

Одним из критериев разрешения земельных споров по обычному праву являлся принцип трудового участия. В качестве примера может служить дело, рассмотренное Воейковским волостным судом 10 июля 1883 г. по жалобе крестьянина Никиты Моисеева. Истец арендовал земельный надел под посев озимого хлеба у мещанина Ивана Немерова, который пользовался им по приговору сельского схода. После смерти Немерова общество д. Дубровки не допустило Моисеева убрать посеянный им хлеб. Волостной суд вынес решение: посеянную рожь Моисеевым на земле, находившейся в пользовании умершего Немерова, принадлежащей крестьянам д. Дубровки, убрать половину в пользу ему, Моисееву, а другую половину отдать в пользование общества[321].

Примером столкновения в поземельных отношениях закона и обычая может служить дело крестьянки Евгении Умрихиной с просьбой признать ее единственной наследницей на земельный надел ее отца Харитона Умрихина, умершего в 1901 г. Она вышла замуж в 1905 г. и приняла мужа в свой дом. В своем заявлении истица просила отобрать землю из владения обществом и взыскать арендную плату за 3 года с 1907 по 1909 г. в размере 32 рублей[322]. В копии волостного суда Градо-Стрелецкой волости Козловского уезда от 18 ноября 1911 г. сообщалось о том, что истица, как вышедшая замуж до закона от 9 ноября 1906 г. в другое общество, прав пользования на отцовский

320 ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 11.

321 *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века. С. 253.

322 ГАТО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

надел не имеет[323]. Крестьянка Е. Умрихина подала жалобу на имя земского начальника 3-го участка Козловского уезда от 7 мая 1911 г. На заседании Козловского уездного суда 3 августа 1913 г. уполномоченный общества заявил, что по местному обычаю дочери, вышедшие замуж, теряют право на землю отца. И неважно, осталась истица во дворе отца или нет. Однако уездный суд принял во внимание, что истица, по показанию свидетелей, из двора не выходила, и двор продолжал существовать. Решение сельского общества от 6 марта 1911 г. об упразднении двора он признал незаконным, а ссылку на местный обычай, лишающий истицу права владения землей отца, голословной[324].

Поземельные отношения русской деревни основывались и регулировались нормами обычного права. Изученные решения волостных судов по земельным искам убедительно свидетельствуют о том, что в рассмотрении земельных споров судьи руководствовались правовыми обычаями. По мере развития капиталистических отношений, складывания рынка земли и роста числа операций с недвижимостью возрастала потребность крестьян в регулировании имущественных отношений официальным законодательством. Увеличение числа земельных исков в конце XIX — начале XX в. свидетельствовало о стремлении крестьян защитить свои имущественные права на основе действующего законодательства.

323 ГАТО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 23.

324 Там же. Л. 29, 30, 31 об.

Имущественные отношения

Крестьянский двор заключал в себе разнообразное движимое и недвижимое имущество, которое в совокупности обеспечивало функционирование отдельного хозяйства. Семейно-имущественные отношения в среде крестьянства прежде всего были подчинены необходимости обеспечить функционирование двора как хозяйственной единицы, основы всего земледельческого труда, исполнение повинностей, воспроизводство хозяйства. Все виды имущества в правовом мышлении крестьян представлялись единым комплексом, обеспечивающим хозяйственную деятельность двора и существование семьи. Эта общность имущества определялась потребностью производства и поддерживалась юридическими обычно-правовыми нормами. Это одно из традиционно сохранявшихся положений обычного права[325].

Понятия «семья», «двор», «семейство», «хозяйство» применительно к изучаемому периоду были тождественными: они означали совокупность близких родственников, живущих вместе и ведших одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином (большаком). В один двор несколько брачных пар объединяла совместная трудовая деятельность при наличии неразделенного имущества, которым управлял домохозяин. В русской деревне второй половины XIX — начала XX в. преобладающими были два типа семей: составная (преимущественно отцовская) и малая, или нуклеарная,

325 *Александров В.А.* Указ. соч. С. 244.

семья. Патриархальная семья как явление традиционного общества в условиях модернизации претерпела значительные изменения.

В силу развития товарно-денежных отношений в российской деревне, ослабления патриархальных устоев сельского быта, роста крестьянского индивидуализма происходил процесс численного роста малых семей, которые и стали к началу XX в. главной формой семейной организации русского крестьянства. Глубинные изменения, связанные с модернизацией традиционного общества, вызвали к жизни тенденцию дробления крестьянских дворов. Деревню, образно говоря, захлестнула волна семейных разделов. Этот процесс, имевший объективную природу, продолжался с начала 1880-х по конец 1920-х гг. и привел к тому, что патриархальная семья уступила место семье малой, состоящей из супружеской пары и их детей.

Семейные разделы, начавшиеся в дореформенный период, после отмены крепостного права стали в русской деревне распространенным явлением. В период с 1861 по 1882 г. в 46 губерниях Европейской России разделилось 2 371 248 крестьянских семей[326]. За два пореформенных десятилетия в 43 губерниях Европейской России в среднем ежегодно происходило 116 229 семейных разделов[327]. В течение 10 лет (1874—1884 гг.) число семей бывших помещичьих крестьян увеличилось на 20,7 %, бывших государственных и удельных — на 20 %[328].

Большая патриархальная семья постепенно уходила в прошлое. Благочинный Шацкого округа в рапорте, направленном в Тамбовскую духовную консисторию (1894 г.), сообщал, что «теперь редко можно встретить семью из трех-четырех братьев»[329]. «Ныне перевелись семьи в 20—30 человек, состоящие из деда, его 3—4 сыновей, внучат и правнучат», — с сожалением признавал священник И. Покровский, автор монографического описания с. Ра-

326 *Риттих А.А.* Указ. соч. С. 230.

327 РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. Д. 32. Л. 26 об. — 27.

328 Там же.

329 ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 576.

ево Моршанского уезда Тамбовской губернии[330]. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева были единодушны в своих утверждениях о том, что «больших семей мало», «семьи преимущественно малые» и т.п.[331].

Одна из причин семейных разделов проистекала из самого характера общинного землепользования. Периодические земельные переделы провоцировали процесс дробления крестьянских хозяйств. На эту закономерность обратили внимание специалисты из Земского отдела МВД, авторы аналитического доклада «Исторический очерк законодательства о семейных разделах (1861—1905 гг.)». В нем говорилось: «Наблюдается прямая зависимость: чем чаще переделы, тем сильнее семейные разделы. Это объясняется тем, что при переделах земля разверстывается и на неотделенных членов семьи. Считая эту землю своей, а не отцовскою, сыновья при первой же возможности стараются выделить ее в особое хозяйство, обыкновенно довольно слабое, т.к. у них нет достаточной рабочей силы и необходимого инвентаря»[332]. Анализ документа и подготовительных материалов к нему дает основание сделать вывод о достоверности данного вида источника. Стремление сыновей выйти из-под опеки отца-домохозяина было вполне закономерным. В жизнь вступало новое поколение крестьян, которое в отличие от своих предшественников не испытывало особого пиетета перед традиционными установлениями.

Другой весомой причиной семейных разделов являлся крестьянский быт. К распаду крестьянского двора вели семейные ссоры, неурядицы, дрязги и т.п. «У нас все разделы от баб», — говорили старики в деревне[333]. Сельские жители и сами прекрасно понимали все «минусы» составной семьи. Вот суждения крестьян по этому поводу:

330 Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 50. С. 1357.

331 Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 181.

332 РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. Д. 32. Л. 56 об.

333 *Златовратский Н.Н.* Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни: очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 283.

«Тесно жить молодым женам, да ведь три горшка в печь не влезут»; «Две-три снохи могли устроить из семейного очага кромешный ад»[334]. По сообщению А. Петрова, в Больше-Избердеевской и Шехманской волостях Липецкого уезда Тамбовской губернии причинами семейных дележей являлись по преимуществу бабьи дрязги, ссоры между братьями вследствие недобросовестного отношения некоторых членов семьи к труду, их пьянство и расточительство[335]. К другим причинам семейных разделов следует отнести снохачество, появление мачехи или отчима, эгоизм старшего брата[336].

По поводу «женского» фактора семейных разделов дореволюционный исследователь С. Барыков проницательно отмечал: «Разумеется, дело не в “бабьих ссорах”, а в том, что у женщин, благодаря их занятию домашним хозяйством, больше поводов для всякого рода недоразумений и столкновений. Женщина скорее замечает и интенсивней мужчин чувствует ту неравномерность в имущественном положении отдельных членов семьи, которая неизбежна при развитии отхожих промыслов и других “сторонних” заработков»[337].

Отхожий промысел членов семьи существенно подрывал позиции большака. Длительное пребывание отходников вне пределов крестьянского мира ослабляло родительский контроль. Крестьяне в черноземных деревнях стремились не отпускать членов своих семей на слишком дальние расстояния, стараясь найти им работу вблизи дома. Если же отец и отпускал сына на заработки, то брал с него клятву, что тот будет жить честно, а вырученные деньги отдаст семье. Холостых парней перед уходом из деревни спешили женить[338].

334 *Зарудный М.И.* Указ. соч. С. 1, 18.

335 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2037. Л. 2.

336 *Исаев А.* Значение семейных разделов. По личным наблюдениям // Вестник Европы. 1883. Т. IV. С. 339.

337 *Барыков С.* Крестьянская семья и «семейная собственность» в Архангельской губернии. Архангельск, 1912. С. 10.

338 *Крюкова С.С.* Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XI X в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 43.

Несмотря на жесткое требование большака работать на «общий кошель», отходникам удавалось скрыть часть заработка, что, в свою очередь, выступало первоначальным капиталом для самостоятельного ведения хозяйства. Утаивание отходниками части заработка на свои личные потребности и на нужды своей семьи, по свидетельству старожилов, было одной из причин семейных конфликтов и последующих разделов. По наблюдению статистика Н. Романова, автора монографического описания с. Каменка Тамбовской губернии, «большое количество молодых крестьян оставляют временно деревню и возвращаются с изменившимися понятиями и наклонностями, с ослабевшими родственными чувствами, в большинстве случаев заводят свое отдельное хозяйство»[339].

Оценки влияния отходников на сельскую повседневность представителями разных слоев деревни схожи. Так, по наблюдению тамбовского помещика Н.В. Давыдова, «возвращавшиеся домой крестьяне вносили в сельскую жизнь понятия, далеко не всегда желательные, радикально расходившиеся с прежними воззрениями»[340]. О пагубном влиянии на патриархальные устои крестьянской семьи отходников сообщали в своих рапортах сельские приходские священники Тамбовской епархии. Они, в частности, писали: «Побывал паренек в Питере, стал другим человеком»; «Авторитет родителей над детьми ослабевает»; «Молодое поколение, возвратившись с заработков, стремится отделиться» и т.п.[341].

Возвращение со службы крестьянских сыновей также выступало причиной семейных конфликтов. Выяснение братских отношений часто строилось на основе словесной перепалки типа: «мы за вас служили», а «мы за вас работали»[342]. Солдатская служба существенно меняла вчерашних сельских парней. Вырванные из привычной среды,

339 *Романов Н.* Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда. Тамбов, 1886. С. 161.

340 *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1917. Ч. 2. С. 30.

341 ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 25 об., 30 об., 69 об.

342 Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 50. С. 1359.

они быстро усваивали новые взгляды, иные нормы поведения. Для многих вернувшихся со службы земледельческий труд утрачивал былую привлекательность, и они уходили в города на заработки. Сказывалась и длительная оторванность от приходской жизни. Местные священники в своих рапортах в епархию сообщали, что бывшие солдаты не соблюдают постов, уклоняются от исполнения религиозных треб, ведут непотребные речи[343].

Хозяйственная деятельность большой семьи создавала множество причин для братских ссор, нередко доходивших до драки. Как правило, инициатива по разделу двора исходила со стороны младшего малосемейного брата («чтоб не кормить чужих детей»). Пьянство, леность, мотовство главы семьи или одного из братьев также выступали весомыми аргументами для принятия решения об имущественном разделе. Так, при выяснении волостным старшиной Барышниковым причин самовольных разделов в 2-м Сосновском обществе Тамбовского уезда крестьянин Даниил Сизов в марте 1894 г. показал, что ушел от отца потому, что тот часто бывал нетрезвый и при этом буянил, нанося ему побои[344].

Особых правил раздела в деревне не было. Он производился по уговору, а спорные вопросы решались на основе жребия. Земельный надел определялся по числу душ мужского пола, имущество между братьями делилось поровну. Доля отца при разделе оставалась тому сыну, с которым он оставался жить. Этот сын должен был кормить и одевать отца до смерти, в случае смерти — похоронить и поминать его. Лишнюю долю в семейном имуществе брал себе и тот сын, который заплатил отцовские долги или подати, повинности, недоимку и т.п. за все семейство[345]. Семейные разделы осуществлялись на основе обычного права. Согласие большака на раздел было обязательным, поэтому дробление двора чаще всего производилось после его смерти.

343 ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 66, 69, 75.

344 Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

345 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1007. Л. 2.

По утверждению Е.Т. Соловьева, проблема раздела имущества (недвижимого и движимого) крестьянского двора решалась следующим образом: если земля составляла благоприобретенную собственность главы семьи, то делилась поровну между всеми участниками раздела, или по обоюдному согласию ее брал один из делящихся, а другим, согласно предварительной оценке, выдавалось по равной части — мужчинам, женщинам же — сестрам — ⅕ или ⅙ того, что давалось мужчинам. Усадьба обыкновенно составляла принадлежность дома, поэтому отходила тому, кому доставался дом. Скот или поступал в руки одного из делящихся, а он остальным отдавал их долю деньгами, или по жребию одному доставалась корова, другому — лошадь, третьему — овцы и т.д., или весь скот продавался, а вырученные деньги делились поровну[346].

По положению от 19 февраля 1861 г. вопрос о семейных разделах находился в ведении сельского общества. Сельский сход, разрешая дележ, зорко следил за тем, чтобы вновь образованные хозяйства были платежеспособны. О разделах и выделах крестьянского имущества составляли письменный общественный приговор с подробным перечнем подлежащих разделу предметов крестьянского хозяйства и с точным указанием и оценкой имущества, определенного каждому из разделившихся семейств[347]. Сельские сходы весьма часто не допускали разделы из боязни, что разделившиеся не будут в состоянии платить податей в ущерб всему обществу. Исключение составляло пьянство и нерадение большака, ведущие к хозяйственному упадку двора. Как показывает анализ, крестьяне считали раздел своим семейным делом. Из 303 149 разделов, произошедших за 20 пореформенных лет в России, сходами было разрешено только 12,8 %[348].

346 *Соловьев Е.Т.* Очерк обычного права крестьян Мамадышского уезда. Казань, 1878. Ч. III. Семейные разделы у русских сравнительно с инородцами. С. 20.

347 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2037. Л. 3.

348 *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1880—1904. М., 1980. С. 24.

Стремясь укрепить общину и упорядочить процесс дробления крестьянских хозяйств, правительство издало закон от 18 марта 1886 г., по которому для осуществления раздела требовалось согласие не менее ⅔ домохозяев. Этот закон заметных последствий для жизни села не имел. Число санкционированных сходами разделов сократилось при увеличении количества разделов, осуществленных самовольно. В материалах губернских совещаний за 1894 г. отмечалось, что семейные разделы совершаются по местным обычаям, без ведома схода. Таким образом, крестьянство, по сути дела, просто игнорировало правительственное решение, продолжая решать эту проблему на основе существующей традиции. Признав свое поражение, власть вынуждена была «вернуть все на круги своя». 5 октября 1906 г. закон был отменен.

Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак). Большак обладал в семье неограниченной властью. Глава семьи судил поступки домашних и налагал на них наказания, представлял интересы двора на сельском сходе, уплачивал повинности[349]. Он управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние двора перед сельским обществом. В случаях пьянства, мотовства, нерадения решением сельского схода он мог быть лишен «большины». Община вмешивалась только тогда, когда действия большака вели к разорению двора, потери его тяглоспособности[350].

Главным критерием признания лица полностью дееспособным в рамках обычно-правовой системы считалось обладание статусом домохозяина. Домохозяева не только возглавляли первичную ячейку общины — семью, совмещали в себе различные правовые роли, участвовали в институтах общинного самоуправления, но и с точки зрения воли, сознания, организационных и имущественных признаков были готовы к осуществлению разнообразных правовых функций. Домохозяин влиял на объем дееспо-

349 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 2.

350 *Весин Л.* Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. Кн. X. С. 47.

собности «младших» членов семьи с учетом их возраста, выполняемых обязанностей и видов деятельности, пола, отношений родства и свойства с «большаком», поведения, психофизических особенностей и проч. Деятельность домохозяина находилась под контролем семьи и общины. Статус домохозяина в соответствии с обычно-правовыми канонами передавался от отца к сыну (или другому старшему члену семьи) после смерти главы семьи или, по ходатайству членов семьи и решению схода, при жизни домохозяина, в силу разных причин неспособного к осуществлению своих функций[351].

В семейной иерархии патернализм как принцип, присущий крестьянскому сообществу, проявлялся наиболее зримо. Большаком, как правило, становились по праву старшинства. Все решения большак принимал самостоятельно, но мог узнать мнение отдельных членов семьи, преимущественно старших. По представлению крестьян, большак имел право выбранить за леность, за хозяйственное упущение или безнравственные проступки. Хозяин обходился с домашними строго, повелительно, используя при этом начальственный тон. При необходимости он прибегал к наказанию провинившихся домочадцев. Если конфликт выходил за пределы семьи и становился предметом обсуждения схода, то последний, как правило, занимал позицию отца-домохозяина, а сын мог быть наказан за необоснованную жалобу.

Большак выступал организатором и руководителем всего производственного процесса крестьянского двора[352]. С вечера он распределял работу на следующий день, и его распоряжения подлежали неукоснительному исполнению[353]. Прерогативой большака являлись определение сроков и порядка проведения полевых работ, продажа

351 *Шатковская Т.В.* Понятие «субъект» в обычном праве российских крестьян второй половины XIX — начала XX века // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 4. С. 88—93.

352 *Мейендорф А.Б.* Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права и затруднительность его применения. СПб., 1909. С. 6—7.

353 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 1.

урожая и покупка необходимого в хозяйстве. В его руках находились все деньги, зарабатываемые семьей, и в расходовании их никто не имел право требовать у него отчета[354]. Только он мог выступать в качестве заимодавца или заемщика. Именно домохозяин был ответственен перед обществом за отбытие двором мирских повинностей. По сельским традициям отец был волен отдать своих детей в наем, не спрашивая на то их согласия.

Глава семьи вел все дела хозяйства, свободно распоряжался его имуществом, заключал обязательные соглашения, но наряду со всем этим владельцем двора не являлся. Он не мог завещать имущество двора. После его смерти двор оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын, брат, реже — вдова. Если двор по смерти хозяина и делился, то это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права. Порядок наследования выражался в распределении общего имущества между членами семьи, а не в переходе права собственности от домохозяина[355]. Члены семьи и при жизни домохозяина имели право на общее имущество. Такое право реализовывалось при выделе сына.

Всем домашним хозяйством безраздельно ведала «большуха». Она распределяла между невестками хозяйственные работы, устанавливала очередность приготовления пищи, ведала сохранностью и выдачей продуктов и, главное, зорко следила за неукоснительным исполнением каждой своих обязанностей. Помимо работ по дому заботой хозяйки были огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление одежды для домочадцев. Если в семье было несколько невесток, она смотрела за тем, чтобы шерсть, лен, конопля были распределены между ними соразмерно их трудовому вкладу. Все коллективные работы, требующие женских рук, осуществлялись при ее непосредственном контроле и участии. От нее во многом зависела четкая работа механизма крестьянской экономики.

354 *Всеволожский Е.* Указ. соч. С. 2.

355 *Левин М.* Указ. соч. С. 120.

Личные качества хозяйки играли в семейной атмосфере определяющую роль. Неслучайно в народе говорили: «При хорошей большухе ангелы в семье живут, а при плохой семью нечистый обуяет»[356]. Семейная повседневность часто становилась ареной противоборства хозяйки и снох. Его составляло все то, что исследователь М. Левин метко назвал «борьбой за ухват и квашню»[357]. В своем стремлении сохранить контроль над семейным очагом свекровь не останавливалась ни перед чем, включая и физическое насилие. Безграничная власть свекрови над снохами являлась отражением диктата большака по отношению к своим домочадцам.

Наибольшим авторитетом в семье после большака и большухи пользовался старший сын. Он первый выделялся среди других сыновей. К нему всегда обращались только по имени-отчеству. Он был первым помощником отцу в хозяйственных делах. Отец посылал его на ярмарку продавать хлеб и покупать необходимые для семьи товары. Жена старшего сына была первой помощницей свекрови и считалась главной среди снох-невесток. В самом низу семейной иерархии находилась «молодуха». Ее часто обижали старшие невестки. На любую работу она должна была просить благословление у родителей мужа. Молодуха не могла без разрешения выходить на улицу и ходить в гости[358].

Таким образом, суть внутрисемейной иерархии определялась безропотным подчинением младших членов семьи старшим, жен — мужьям, детей — родителям. Власть большака, опирающаяся на «домостроевские» правила, выступала в семейной повседневности источником многочисленных злоупотреблений. Кризис патриархальной семьи выражался в стремлении «младших» ее членов вырваться из-под власти большака и завести собственное хозяйство.

356 *Милоголова И.Н.* Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2. С. 95.

357 *Левин М.* Указ. соч. С. 121.

358 *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 166.

Особенности семейного быта крестьян проявлялись в положении детей и стариков. Отношение к этим возрастным группам в русском селе было обусловлено спецификой аграрного труда, нормами обычного права, традициями семейного уклада, требованиями православной этики.

Условия деревенской жизни наложили отпечаток на взаимоотношения поколений. Крестьяне были сдержаны в открытом проявлении родительских чувств. Однако демонстративная грубость не могла скрыть искренней любви к детям и заботы о них. Сельские жители в проявлении родительских чувств не были столь эмоциональны, как представители просвещенного общества, но их отличала простота и естественность.

Патриархальное начало в жизни крестьянской семьи и общины выражалось в беспрекословном подчинении родительской воле и власти отца над детьми. Ежедневные домашние молитвы, регулярное участие в богослужениях, постижение евангельских истин в приходской школе — все это формировало у подрастающего поколения уважение и почитание своих родителей. Публичность действий жителей села, «прозрачность» деревенских отношений и сила общественного мнения обусловливали ответственность как родителей за поступки своих чад, так и обязанность детей по попечению престарелых родителей.

Нормы обычного права русской деревни рассматривали семейное имущество как единое целое, игнорируя имущественные права отдельной личности. Это следствие исторически сложившегося государственного подхода к крестьянской семье как тягловой единице, где неделимая семейная собственность являлась главным условием благосостояния хозяйства и его платежеспособности. Государство стремилось закрепить семейный надел и необходимый сельскохозяйственный инвентарь в потомственной собственности всего крестьянского двора, лишая при этом права собственности как самого домохозяина (большака), так и отдельных членов семьи. Заведование общесемейным имуществом признавалось правом большака, который извлекал из него доход и производил расходы

на нужды всей семьи. Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи[359]. Такое ограничение в праве распоряжения имуществом преследовало цель не допустить разорения крестьянского двора. В случае неплатежеспособности двора сельское общество ограничивало домохозяина в его действиях по распоряжению семейным имуществом[360]. Так, по жалобе Натальи Ельчаниновой на мужа Никиту, который пил и податей не выплачивал, Колыбельский волостной суд решил «назначить к управлению в дому и распоряжением всем жену его с сыном...»[361]. Суд также мог ограничить право главы семейства распоряжаться имуществом двора с целью недопущения разорения хозяйства. Так, в 1913 г. в Митропольский волостной суд Тамбовского уезда поступила жалоба крестьянки с. Коровина на мужа Трухина. Она сообщала суду, что муж ее свое имущество продал и деньги пропил. Суд постановил наложить арест на имущество крестьянина и запретить растраты[362]. Потеря домохозяином дееспособности также являлась основанием для передачи его полномочий другому члену семьи. Так, Пичаевский волостной суд Тамбовской губернии в 1914 г. своим решением крестьянку Анну Шорину признал полной хозяйкой. В заявлении истица указывала, что ее муж потерял рассудок и находится на излечении в психиатрической больнице[363].

По утверждению юриста Ф.Ф. Барыкова, исследовавшего порядок наследования в русской деревне: «Кре-

359 *Хауке О.А.* Указ. соч. С. 196.

360 *Милоголова И.Н.* О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861—1900 гг. // Вестник МГУ. 1995. № 1. С. 24, 26.

361 *Лаухина Г.В.* Поземельная община и женщина-крестьянка в 60—90-е гг. XIX века (по материалам Центрального Черноземья) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 83.

362 ГАТО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 2 об., 3.

363 Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 111. Л. 5.

стьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящаяся в заведовании домохозяина; отдельной личной собственности у членов семьи почти нет, и потому по смерти их наследство не открывается»[364]. Большак не имел права завещать имущество никому, кроме своих ближайших родственников. В противном случае такое завещание не утверждалось сельским сходом.

Определить собственность крестьянского двора (семьи) как общую было бы не совсем верно, т.к. ни один из ее членов не мог указать на свою долю в ней. Точнее было бы определить ее как собственность артельного типа ввиду того, что в нее были включены не только родственники, но и другие работники (приемыши, зять-примак), ставшие членами семьи. В своей записке (1905 г.) по вопросу волостного суда сенатор Н.А. Хвостов так определял природу собственности крестьянской семьи: «В крестьянском самосознании имущество двора всегда понималось как принадлежащее всей семье. Иначе быть не могло. Весь уклад крестьянских семей, все порядки семейной жизни основаны на трудовом начале. Если дети будут знать, что у них нет никаких прав на общее имущество двора, то ни один из них не станет отдавать свой заработок отцу. Крестьянская семья — это рабочая артель, связанная кровными узами, мальчик с малых лет начинает зарабатывать для дома»[365]. Глава крестьянского двора зорко следил за тем, чтобы все денежные средства, получаемые членами семьи, шли в общую казну. С сыновей-отходников отец, отправляя их на заработки, брал обещание, что они каждую полученную копеечку будут отдавать домой. Если этого не происходило и сын не посылал семье заработанных денег, то отец мог лишить его доли наследства. В этом находил свое выражение принцип трудового участия каждого члена семьи в формировании артельной собственности крестьянского двора.

364 *Барыков Ф.Ф.* Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862. С. 9.

365 ОР РГБ. Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 10.

Единственно, где мы можем говорить о собственности как таковой, в классическом ее понимании, это женская собственность. Знаток обычного права Е.Т. Соловьев на основе изучения народного быта вынес однозначное суждение: «Обычай относительно бабьего добра ясно указывает на то, что русская женщина есть самостоятельная имущественная единица»[366]. По крестьянской традиции собственностью бабы признавалось ее приданое. Оно в сельском быту рассматривалось как награждение члена семьи, выходившего навсегда из ее состава. Содержание сундучка («коробьи») невест было схожим. Там находились платки, ситец, кружева, чулки. Приданое вкупе с «кладкой», т.е. вещами (реже — деньгами), подаренными на свадьбе, считалось в деревне собственностью женщины и являлось для нее своеобразным страховым капиталом. Бывший земский начальник А. Новиков замечал: «Почему у бабы страсть собирать холсты и поневы? Деньги всякий муж при случае отнимет, т.е. выбьет кнутом или ремнем, а холстов в большинстве случаев не трогают»[367].

На женскую собственность сельской традицией было наложено табу: она считалась неприкосновенной. «Даже в самые лютые периоды выбивания податей, когда в соседнем Ливенском уезде в начале 90-х гг. полиция продавала хлеб из запасных магазинов, последних лошадей и коров и даже где-то захватывала и продавала муку, данную от Красного Креста, то и там, при всей этой оргии, не слышно было, чтобы становые и урядники где-нибудь покусились на сундучки девочек-подростков», — отмечал в своих записках сенатор Н.А. Хвостов, владелец имения в Орловской губернии[368].

Революционная эпоха опрокинула многие привычные представления. Крестьянин С. Булгаков в письме от апреля 1919 г. на имя секретаря ВЦИК Аванесова, характеризуя действия комбеда в Абакумовской волости

366 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 24.

367 *Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 17.

368 ОР РГБ. Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 10 об.

Тамбовского уезда, сообщал: «Отбирали под видом спекуляции вещи, ничего общего с таковыми не имеющие: у невест-девушек скатерти и кроеные платья, как приданое»[369]. Ломка традиционных устоев стала причиной «разрухи в головах» отдельной части жителей русского села.

Волостные суды, руководствуясь нормами обычного права, стояли на защите женской собственности. В качестве примера приведу запись из книги решений Ильинского волостного суда Орловской губернии: «1896 г. апреля 5 Ильинский волостной суд в составе председателя Алексея Волосатова, судей: Карпа Котлярова, Дмитрия Афонина и Петра Гусева разбирал уголовное дело по жалобе крестьянина села Ильинского Савелия Мишакина на невестку свою Дарью Мишакину об уводе самоуправно овцы, стоящей 5 руб., и уноса иконы, стоящей 3 руб. Просил взыскать с ответчицы за икону 3 руб. и 3 руб. за прокорм овцы в одну зиму. Ответчица объяснила, что проработала все лето у свекра, а осенью прошлого года он выгнал ее со двора, не давший никакого пропитания. Она взяла свою приданку (овцу) и благословение (икону). Суд предложил примирение, но стороны отказались. Постановил: истцу в иске отказать, т.к. Дарья Мишакина взяла овцу и икону не Савелия Мишакина, а как свою собственность»[370]. Волостной суд практически всегда удовлетворял иски о возврате приданого жен после их смерти родителям, что подтверждает особый правовой статус привнесенного имущества[371].

Согласно деревенской традиции снохе разрешалось иметь отдельное имущество. Оно могло состоять из скотины, двух-трех овец или телка, а также денег, собранных на свадьбе[372]. Это приданое не только обеспечивало ее необходимой одеждой, но и выступало источником хоть и

369 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 11. Д. 86. Л. 217.

370 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1074. Л. 5—6.

371 Русские крестьяне... СПб., 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 102.

372 *Всеволожский Е.* Очерки крестьянского быта Самарского уезда // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 3, 6.

небольшого, но дохода. Средства, полученные от продажи шерсти с овцы и приплода, шли на ее личные нужды. В некоторых местах, например в селе Осиновый Гай Кирсановского уезда Тамбовской губернии, многие жены имели даже свою недвижимую собственность — землю, от 3-х до 18-ти десятин, и самолично расходовали получаемый с нее доход[373]. По крестьянскому обычаю снохам отводили полоску для посева льна, конопли или выделяли пай из семейного запаса шерсти, конопляного волокна. Из этих материалов они изготавливали себе, мужу и детям одежду[374]. Часть произведенного сукна могла быть продана. Домохозяин не имел права посягать на «бабьи заработки», т.е. средства, полученные от продажи грибов, ягод, яиц[375]. В деревне говорили: «У баб наших своя коммерция: первое — от коров: кроме того, что на стол подать, — остальное в их пользу, второе — ото льна: лен в их пользу»[376]. Заработок от поденной работы, произведенной в нерабочее время с согласия главы крестьянского двора, также оставался в распоряжении женщины. Сноха должна была самостоятельно удовлетворять все свои потребности и нужды своих детей. По существовавшей в русской деревне традиции из общесемейных средств на сноху, кроме питания и снабжения ее верхней одеждой, не тратилось ни копейки. Все остальное она должна была приобретать сама[377]. Приданое, а также все нажитое женщиной в браке при семейном разделе не делилось[378]. По обычному праву приданое, являясь отдельной собственностью женщины, после смерти переходило ее наследникам.

373 *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 6—7. С. 41.

374 Архив ИЭА РАН. К. 14 (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 45. Л. 2 об.

375 *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 10. С. 311.

376 *Матвеев С.* Из жизни современного крестьянского мира (в волостных старшинах) // Русское богатство. 1913. № 9. С. 139.

377 Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958. С. 82.

378 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 24.

Имущественные споры если и возникали в крестьянской семье, то после смерти одного из супругов. Спор о праве собственности на имущество мужа или жены разрешался волостным судом следующим порядком: в случае смерти жены все ее девичье приданое возвращалось в пользу ее родителей, а что приобретено на деньги родителей жениха и на выданную кладку, как то: одежда и обувь — возвращалось в пользу родителей жениха, так как могло быть использовано в качестве кладки для второй жены при повторной женитьбе. В случае же смерти мужа, кроме платья мужа, от жены ничего не отбиралось, потому что купленное на деньги мужа имущество составляло плату «за потерю девичьей чести»[379].

Рассмотренные нами нормы законодательства и обычного права говорят о том, что юридически имущественные интересы крестьянки были защищены и законом, и традицией. Административные и судебные дела, касающиеся имущественных споров, позволяют увидеть, что сельская женщина была готова решительно отстаивать собственные интересы в этой сфере. Развитие института малой семьи в конце XIX в., рост грамотности и информированности, повышение культурного уровня благодаря школе и развитию женского отходничества — все это повышало правовое самосознание крестьянки, укрепляло ее позиции в деле отстаивания своих интересов и законных прав. Тем не менее при конфликте интересов в решении конкретной проблемы многое зависело от личности женщины, ее смелости, упорства и настойчивости[380].

Особые имущественные отношения внутри семьи приводили к специфическим отношениям между родителями и детьми. Согласно народным воззрениям и православным нормам родители должны были кормить и воспитывать своих детей. Родители были обязаны содержать

379 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 230.

380 *Литвин Ю.В.* Имущественные права карельской крестьянки во второй половине XIX — начале XX века: традиция, закон и правоприменительная практика (на материалах Олонецкой губернии) // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 133–138.

детей до совершеннолетия, если они не делали это добровольно, то их принуждали через суд[381]. Известный правовед И. Оршанский в своем исследовании приводил решения волостных судов, по которым определялось содержание детям от отца[382]. По крестьянским воззрениям, если отец не заботился о своем ребенке, то он терял права на его личность, и поэтому должен был вознаграждать его за труд как наемного работника. Бедные родители иногда отдавали своих детей в приемыши и с этим утрачивали права на них. Имущественные отношения между родителями и детьми прекращались, когда дети выделялись из семьи. Напротив, вхождение в крестьянскую семью нового члена влекло за собой возникновение обязательных отношений. В ряде мест отмечено составление договоров тестя с зятем-приемышем.

По народной традиции и правовому обычаю русского села дети должны были содержать своих немощных родителей. «Дети обязаны родителей во всем слушать, покоить и кормить во время болезни и старости», — сообщал об обычаях местных крестьян житель Орловской губернии в конце XIX в.[383]. Наступало время детям отдавать «долги» своим родителям. «Богатство» в детях воплощало гарантию обеспеченной старости. Стариков-родителей сыновья поочередно брали к себе на жительство, а если те оставались доживать свой век с одним из них, то другие должны были обеспечить их всем необходимым. Это был неписаный закон русской деревни, и если он нарушался, то обращения в волостной суд, как правило, удовлетворялись, и истцам назначалось денежное и материальное содержание. Так, Нижеслободский волостной суд своим решением за 1896 г. обязал сына выдавать отцу по 10 руб. в год и по одной паре сапог[384].

---

381 *Шеин В.* Очерки народно-обычного права Вологодской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 137.

382 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 57.

383 Цит. по: *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 143.

384 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 128.

По наблюдению корреспондента тенишевской программы С.В. Корвин-Круковского из Васильсурского уезда Нижегородской губернии (1899 г.): «К волостному суду обыкновенно обращаются родители с жалобами на детей, когда последние отказывают в даче содержания, в помощи при дряхлости, болезни и неспособности к работе. Размер содержания, которое во всех этих случаях волостной суд обязывает давать родителям, определяется обычно по степени состоятельности, получаемым доходам, жалованию и т.п. и колеблется в большинстве случаев между 3—6 руб. в месяц»[385]. Такой подход распространялся и на деда и бабку, если они проживали совместно со своими внуками. Тем же судом в 1884 г. по делу об изгнании бабушки невесткой было решено: водворить бабушку и обязать подпиской невестку с мужем (внуком) «держать, поить и кормить до смерти, не обижая, благопристойно и давать ей стричь с одной овцы шерсть в свою пользу»[386].

Следует отметить, что обязанность сыновей по содержанию престарелых родителей основывалась не столько на нравственном, сколько на имущественном характере семейных отношений. Сыновья, ничего не получившие при разделе, как правило, не участвовали в содержании родителей. То, что обязанность пропитания родителей вытекала из наделения сына имуществом, следует из договора, составленного отцом и сыном и зарегистрированного в книге Кушевского волостного правления за 1908 г. По условию договора, отец передал сыну, вследствие его отхода, пахотный и сенокосный надел, право совместного пользования овином, гумном, баней. Кроме этого сын ничего не получал, а также отказывался от всякого участия в пользовании домом и другими постройками и имуществом, а «вследствие сего не обязан давать отцу или матери никаких средств на их существование»[387].

385 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 116.

386 Там же. 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 103.

387 *Барыков С.И.* Крестьянская семья и «семейная собственность» в Архангельской губернии. Архангельск, 1912. С. 17.

Договорные обязательства

Понятия «договор», «обязательство» и «сделка» во второй половине XIX — начале XX в. не имели четких различий ни по закону, ни по обычному праву. Определения обязательства российские гражданские законы не давали. Так как обязательство чаще всего возникало из договора, то термин «обязательство» в большинстве случаев означал именно обязательство договорное. Критерии юридической сделки в законах отсутствовали. Слово «сделка» употреблялось не в форме общего понятия, а в виде отдельных случаев применения этого понятия.

В своей повседневной жизни русские крестьяне изучаемого периода практически постоянно вступали в имущественные отношения разного рода. Чаще всего это были договоры займа, найма, купли-продажи. Для обозначения разного рода договоров в русской деревне использовались следующие термины: ряда, ляд, съем, заем, отступное, сделка[388].

Как свидетельствуют источники, в большинстве своем крестьяне выполняли взятые на себя обязательства. Всякое нарушение или неисполнение условий договора крестьянином неминуемо подрывало его репутацию. По мнению жителя Болховского уезда Орловской губернии: «Не исполнить договор, обещание или данного слова считается за большой грех и стыд, после этому челове-

388 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 237.

ку никогда не верят»[389]. Взгляд крестьян Нижегородской губернии на обязательность для каждой стороны, вступившей в договор, исполнения принятых на себя обязанностей отразился в местных пословицах: «Молись — не стыдись, работать — не ленись»; «Нанялся — продался», а лица, нарушившие обещание, не выполнившие договор, считались поступившими неблаговидно и осуждались общественным мнением[390].

В договорах, предусматривающих денежный расчет, устанавливался срок оплаты. Обыкновенно сроки платежа связывали с православными праздниками. Если к назначенному сроку крестьянин не мог уплатить деньги, то за неделю до срока он должен был войти в соглашение со своим партнером о переносе срока. Если он этого не делал, то договаривающийся выводил его на сходку и объявлял о неисполнении договора[391].

Договоры в деревне заключались преимущественно в устной форме: причиной тому была неграмотность сельского населения. По свидетельству этнографа Е.Т. Соловьева: «Большая часть договоров по найму, покупке и продаже движимых вещей производится словесно, иногда при двух-трех свидетелях, а иной раз и без них»[392]. В письменную форму облекались договоры, когда отдавали на посев землю или когда речь шла о договоре с обществом, когда контрагентом был крестьянин из другой деревни, которого знали недостаточно хорошо, или с человеком, который кого-нибудь обманул. Письменные договоры заверялись сельским старостой[393]. По сообщению В. Кондрашова из Елатомского уезда Тамбовской губернии: «При сдаче земли или других угодий в аренду письменная форма договора обязательна. Акт без подписи силы не имеет. Договор без числа по понятиям народа не

389 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 998. Л. 9.

390 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 219.

391 Там же.

392 РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 272. Л. 35.

393 ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

действителен»[394]. К началу XX в. письменная форма договора была достаточно широко распространена в русской деревне, а сами крестьяне были сведущи в требованиях, предъявляемых при составлении бумаг такого рода. Единообразной формы составления письменных договоров не существовало, но большинство из них заканчивалось фразой: «Обязуемся соблюдать свято и нерушимо»[395].

Прекращение договора в русской деревне наступало известными гражданскому праву способами: выполнением его обеими сторонами, истечением срока его действия, по взаимному соглашению сторон. По убеждению крестьян, если человек вступил в известную сделку под влиянием обмана, то вправе был ее расторгнуть. Так, например, продавший вещь под влиянием обмана мог взять ее назад, вернув полученные деньги, причем по обычаю должен был угостить покупателя водкой[396]. Недействительность сделке могло придать судебное решение. Решением волостного суда исполнение договора могло быть отсрочено и даже признано необязательным вследствие каких-либо обстоятельств. Если по закону неисполнение условий договора могло стать одной из причин его прекращения, то по обычному праву такой договор подлежал принудительному восстановлению. Формальная сторона договора для волостного суда не была определяющей, в основе его решения лежал принцип справедливости. Если условия договора ему не соответствовали, он утрачивал обязательную силу[397]. Договоры с пьяными в русском селе считались недействительными. Вопреки положениям действующего законодательства, пьяные по правовым представлениям жителей деревни признавались невменяемыми и временно неправоспособными[398].

394 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2033. Л. 8.

395 *Шатковская Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века. С. 262.

396 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 221.

397 *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: очерки народного юридического быта. Казань, 1888. С. 106.

398 *Добротворский Н.* Крестьянские юридические обычаи //

В крестьянских представлениях существовали требования, которые предъявлялись к участникам сделки. Так, участниками обязательных отношений не могли быть несовершеннолетние, их интересы представляли родители или опекуны. Независимо от возраста совершать акты, в коих выражалось право распоряжаться имуществом, мог лишь домохозяин[399]. Если детей отдавали в работники, то их родители оговаривали условия и получали оплату, а при необходимости несли материальную ответственность за причиненный материальный ущерб. Старший член семьи в случае смерти, болезни или ухода нанятого обязывается поставить на место его другого или возместить деньгами все причиненные хозяину убытки[400]. В Орловской губернии требования к участникам обязательных отношений были следующие: «Лица, совершающие договор, должны иметь не менее 19 лет, не идиоты, а также могущие исполнить договор без препятствия на то со стороны домашних. Сын при отце тогда может делать договоры, когда отцу больше 60 лет, или он не в здравом уме, или своему сыну дает доверенность распоряжаться по своему усмотрению. Если отец умер и хозяйствует сын, и жива мать, то сын хотя и может делать договоры, должен советоваться с матерью»[401].

С целью недопущения расточения имущества двора сельский сход мог расторгнуть сделку, если она была совершена не в силу необходимости, а с целью извлечения средств для пьянства. По жалобе членов семьи мир мог лишить нерадивого хозяина права распоряжаться имуществом двора и передать это право брату, старшему сыну или жене. После такого решения схода всякая продажа чего-либо из хозяйственной принадлежности двора таким лицом считалась недействительной[402].

Юридический вестник. 1891. № 11. С. 331–332.

399 *Барыков Ф.Ф.* Указ. соч. С. 58.

400 *Бондаренко В.* Указ. соч. С. 38.

401 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 998. Л. 10.

402 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 299.

Заключение сделки в русском селе непременно сопровождалось определенным ритуалом, который включал в себя рукобитье, молитву, магарыч. В вологодских деревнях непременными действиями во время заключения договора являлись литки, рукобитие, молитва и нередко еда или целование земли. Подобным обрядам и символическим действиям жители русского села придавали громадное значение — в смысле обычая и религиозных воззрений[403].

По свидетельству самих крестьян, дела по сделке велись по неделе и более, обсуждались до мельчайших подробностей, не торопясь. По обычаю, закончив сделку, стороны ударяли по рукам и молились, произнося при этом: «В добрый час! Дай Бог!» Существовал обычай «разнимания рук» свидетелем, передачи повода проданной лошади, коровы «из полы в полу». Все эти обряды завершались совместной выпивкой («Хоть в убыток продать, а магарыч пить», «Барыш барышом, а магарыч даром»)[404]. Житель Болховского уезда Орловской губернии Ф. Костин обычай заключения сделки характеризовал так: «Когда держат договор, то в свидетели берут 2-х—3-х человек. Дают друг другу руки, молятся Богу и пьют магарыч. Руки друг другу дают обернутые полой шубы, один из присутствующих свидетелей должен их разбить»[405]. Правовед конца XIX в. Н. Загоскин утверждал, что таким образом народ придавал твердость и внешние формы своим правовым представлениям[406]. При заключении крестьянских договоров иногда привлекали свидетелей. Их участие придавало сделке легитимность, служило доказательством действительности договора на суде, гарантировало осуществление прав сторон. Главным требованием к свидетелям являлась беспристрастность, т.е. отсутствие необходимости поддерживать интересы той или иной стороны[407].

403 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 66.

404 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1461. Л. 44.

405 Там же. Д. 998. Л. 10.

406 *Загоскин Н.* Указ. соч. С. 23.

407 *Шатковская Т.В.* Договорные отношения по обычному праву российских крестьян второй половины XIX — начала XX в.

Другими средствами обеспечения договоров являлись неустойка и поручительство. Под неустойкой крестьяне понимали «плату убытков и штрафов за неисполнение договора». Как правило, неустойка встречалась в договорах, заключаемых между крестьянами и сторонними лицами по настоянию последних. Причем обстоятельством неустойки в таких сделках обременялись именно крестьяне, а другая сторона освобождалась от нее. В договорах между крестьянами требование неустойки оговаривалось крайне редко[408].

Поручительством в обычном праве являлось ручательное одобрение членов сельского общества, подтверждение репутации и имущественной состоятельности лица, его возможности выполнить взятые на себя обязательства. К поручительству прибегали преимущественно при заключении договоров крестьян по казенным обязательствам. В сделках крестьян между собой поручительство сторонних лиц не было обязательным. К нему прибегали, если кредитор не был уверен в благонадежности заемщика. Поручителей в селе найти было нелегко. Отношение крестьян к поручительству ясно отражено в народных пословицах: «Порука — мука»; «Кто поручится, тот и поучится»; «Жил и горя не знал, а поручился — печаль познал»[409]. Крестьяне соглашались быть поручителями неохотно и только в том случае, если были уверены в просителе. Обычно такие поручительства имели характер устного ручательства. Соглашаясь по просьбе соседа быть за него поручителем, крестьянин предупреждал его, что денег он за него платить не будет. Таким образом, он нес лишь моральную, но не материальную ответственность в случае неуплаты долга. Да и волостные суды, согласно с общественным мнением, почти никогда не приговаривали таких поручителей к возмещению долга в случае неисполнения договора займа[410].

(на примере договора купли-продажи земли) // Юристъ-правоведъ. 2008. № 4. С. 90.

408 *Добротворский Н.* Указ. соч. С. 331.

409 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 67.

410 *Добротворский Н.* Указ. соч. С. 330.

Реже поручительство в русском селе облекалось в письменную форму. Поручительство подписывалось всеми участниками сделки и скреплялось печатью волостного правления. Вот образец такого поручительства: «Я, нижеподписавшийся, крестьянин Сугоновской волости с. Сугуново, Карп Игнатов, заключил настоящее соглашение с церковным старостой Иваном Гордеевым в том, что он, Иван Гордеев, дает мне в заем тридцать рублей (30 руб.) с тем, чтобы я, Карп Игнатов, эти деньги возвратил ему, Ивану Гордееву, или кому он укажет, по прошествии года со дня получения мной тридцати рублей, считая таковой от 8 июля 1897 г. по 8 июля 1898 г. В том случае же, почему-либо с моей, Карпа Игната, стороны последует неуплата тридцати рублей Ивану Гордееву, то он, Иван Гордеев, по прошествии срока может востребовать полностью от поручителя в селе, моего односельчанина крестьянина Егора Ивановича Букатеева»[411]. В таких ситуациях волостные суды всегда имели основания взыскать с поручителя по договорным обязательствам недобросовестного заемщика.

Обыденным явлением в селе были займы зерна до нового урожая. Зерно занимали как для посева, так и для пропитания. За исключением ростовщиков, крестьяне давали хлеб в долг без процентов. Возврат обыкновенно производился осенью, когда урожай был собран и обмолочен. Денежный заем в крестьянской среде чаще всего производился без платежа процентов, а лишь за угощение водкой. Такие сделки старались заключать без свидетелей из-за страха того, что присутствие постороннего может иметь неблагоприятные последствия для сторон. Согласно существовавшим в русской деревне суевериям займы не давали, когда родится животное, в заговенные дни, в большие праздники, в Чистый понедельник, в Великий четверг, в Фомин понедельник, а также в дни, когда начинали косить, жать, пахать, возить навоз и т.п.[412].

411 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 238.

412 Там же. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 434.

По мере развития товарно-денежных отношений в конце XIX — начале XX в. такие займы в деревне получили широкое распространение. Нередко они удостоверялись расписками: преимущественно в тех случаях, когда заимодавцем выступал не член сельской общины. Значительным было количество дел о взыскании денег с должников, рассмотренных земскими начальниками. Так, у земского начальника 1-го участка Моршанского уезда Тамбовской губернии в период с августа 1890 г. по июль 1891 г. таких дел было 43, или 24 % от всех дел, бывших в производстве[413]. Из сохранившихся записей Пичаевского волостного суда Моршанского уезда за 1912—1916 гг. о взыскании долгов было 12 % дел, а в Рыбинском волостном суде того же уезда за 1913—1917 гг. было 28 % дел[414]. Это дает основание предположить, что неисполнение долговых обязательств жителями деревни было делом довольно распространенным.

При обращении кредиторов в волостной суд с исками о возврате долга недобросовестными заемщиками требовалось представить расписки или, в случае отсутствия таковых, заявить свидетелей, которые могли подтвердить суть претензий. Так, в 1907 г. в Гагаринский волостной суд Моршанского уезда поступило исковое заявление крестьянина д. Веденской Губанова на односельчан. Они должны были по письменной расписке 110 руб. Суд обязал их выплатить долг согласно расписке[415]. Крестьянин с. Питерское Моршанского уезда Костерин в 1912 г. просил волостной суд взыскать с односельчанина Свичникова долг 115 руб. Ответчик брал деньги в долг по расписке. Суд удовлетворил иск[416]. В делах о возврате денежного займа суд часто отсрочивал взыскание долга до уборки и продажи хлеба или принимал решение об уплате его по частям, даже без согласия на то кредитора[417].

413 Подсчитано по: ГАТО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—46.

414 Там же. Ф. 232, 233.

415 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 3.

416 Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 84. Л. 5 —5 об.

417 Труды комиссии по преобразованию волостных судов.

Брать проценты в смысле денежного вознаграждения крестьяне считали грехом и делом предосудительным. «Ростовщик» в деревне было бранным словом. В повседневной жизни деревни заем небольших сумм (до 10 руб.) был делом обычным и никаких расписок не требовал. Ярославские крестьяне утверждали, что брать при возврате долга лишние — деньги это большой грех. В то же время требовать за дачу в долг работы греховным в крестьянской среде не считалось. По мнению селян, это было одолжение за одолжение[418].

Иногда денежный заем обеспечивался залогом. Залог состоял в какой-либо ценной вещи, превышающей стоимость долга, например, в платках, шубах, кофтах и т.п. Залогопринимать не имел права пользоваться заложенной вещью до срока выкупа, после же срока она поступала в его полное распоряжение, и он не только мог ее носить, но и продать[419]. Правда, в ряде тамбовских сел кредитор имел право распоряжаться заложенной вещью только с дозволения волостного правления[420].

Уплата долга могла быть отсрочена лишь в исключительных обстоятельствах: неурожай, пожар и т.п., при непременном условии внесения договоренных процентов. В русском селе бывали случаи, что заимодавец соглашался на отработку долга должником, если тот его не мог вернуть[421]. Согласно правовым воззрениям русских крестьян за долг, сделанный одним членом семьи, ответственность падала на всех членов семейства, так как предполагалось, что он сделан на общесемейные нужды[422]. Это было еще одним подтверждением характера общей собственности семейного имущества.

СПб., 1873. Т. 1. Тамбовская губерния. С. 391.

418 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 52.

419 Там же. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 433, 434.

420 Труды комиссии... Т. 1. С. 391, 425.

421 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 221.

422 *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 7. С. 309.

По представлению сельских жителей, было недопустимым изъятие у неплательщика долга вещей и удержание их до его погашения. «Для этого суд есть, а не твоя воля», — говорили в таких случаях крестьяне. Однако в случае неуплаты мирских сборов, общественного штрафа сход всегда мог взять у неисправного плательщика что-нибудь из имущества. И такое изъятие собственности возражений в сельской среде не вызывало. «Потому как мир — хозяин над каждым, и супротив его идти нельзя»[423].

Другой формой имущественного договора, сопряженного с обязательствами сторон, был договор аренды. Предметом найма у тамбовских крестьян выступало имущество: пахотная земля, реже молотилки и амбары. Арендовали в селе в основном пашню[424]. Крестьяне арендовали земли у помещиков, не желающих лично заниматься уборкой или не имеющих на это средств, под один яровой посев овса, проса или гречихи. Арендатор своими силами пахал и бороновал землю, сеял ее своими семенами, а затем косил, убирал, молотил и свозил зерно в указанное место, за что владелец земли отчислял ему половину убранного зерна[425]. В договорах о сдаче в аренду пахотной земли и лугов крестьянами крестьянам оговаривались следующие условия: размер платы, срок и порядок расчета[426].

Договор аренды обычно заключался в письменной форме. При обнаружении негодности нанятого предмета договор расторгался. Арендодатель мог отобрать обратно сданное в аренду имущество только в том случае, если наниматель нарушил какие-либо условия договора. В случае порчи имущества и отсутствия добровольного соглашения о возмещении убытки взыскивались через суд. При нарушении договора арендодателем, при отсутствии мирового соглашения волостной суд определял

423 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 291.

424 *Бондаренко В.* Указ. соч. С. 18.

425 Там же.

426 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 81.

сумму убытков, понесенных нанимателем, которая и взыскивалась по решению суда. Арендная плата, в большинстве случаев, производилась при заключении договора. Наниматель, отказавшийся от договора ранее условленного срока, лишался отданных вперед денег. При желании пролонгировать договор арендатор должен был заявить об этом владельцу за 2—3 месяца до окончания срока[427].

В русской деревне был весьма распространен обычай отдавать коров и овец «на подержание», проще говоря, во временное пользование. Срок такой аренды скота составлял, как правило, год. Крестьянин, взявший корову «на подержание», платил владельцу от 2 до 7 руб. в год. Молоком пользовался содержатель, приплод также шел в его пользу. В случае гибели скотины по вине арендатора он выплачивал владельцу ее полную стоимость. Если животное пало в результате эпизоотии или вообще «по воле Божьей», то с содержателя не только ничего не взыскивалось, но и владелец возвращал часть денег (до S), взятых за подержание вперед[428].

Наиболее распространенным способом приобретения имущества в русской деревне являлась купля-продажа. В деревне говорили: «За что деньги отдал — силком не отнимут». Прежде чем купить ту или иную вещь, крестьянин, как правило, присматривался, оценивал и долго торговался. Если продавец и покупатель приходили к соглашению о цене, то последний вносил задаток. В случае отказа покупателя от сделки задаток не возвращался. Если же продавец, получив задаток, отказывался продать вещь по договоренной цене, то с него в ряде мест взыскивался двойной задаток[429]. Покупатель мог отказаться от возвращения задатка и настаивать на передаче ему купленной вещи. В таких случаях волостной суд всегда был на стороне покупателя и требовал от продавца выполнить свои обязательства, присуждая при этом еще к денежному штрафу или аресту[430].

427 *Бондаренко В.* Указ. соч. С. 19—20.

428 *Добротворский Н.* Указ. соч. С. 337.

429 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1114. Л. 6.

430 *Добротворский Н.* Указ. соч. С. 334.

Отношение крестьян к обязанностям сторон в договоре купли-продажи выражено в народных пословицах: «Купил — не кайся, продал — не пяться», «Задаток из дома гонит».

По форме договоры купли-продажи в крестьянской среде были как устные, так и письменные. В письменную форму, как правило, облекались все наиболее значимые сделки по отчуждению недвижимого имущества (дома, земли и т.п.). Собственностью в деревне называлось все, что приобретено или перешло по наследству и на что есть купчая или какая-либо бумага, заменяющая ее[431].

При заключении договора покупатель отдавал продавцу условленную сумму или ограничивался задатком. Величина задатка зависела от ценности вещи, степени доверия продавца к покупателю и условий договора. Пока вещь не перешла в руки покупателя, он мог от нее отказаться, лишаясь при этом задатка. Если сделка прерывалась по взаимной договоренности, то задаток полностью или частично возвращался покупателю[432].

В русской деревне была известна и условная продажа: чаще всего к ней прибегали при продаже дома. Условия такой сделки могли быть самые разные. Например, крестьянин продавал дом другому крестьянину с условием того, чтобы тот стоял на земле продавца до «изстоя», в другом случае дом продавался с тем условием, что бывший владелец будет проживать в нем до самой своей смерти, или дом продавался, а покупатель должен был выдать третьему лицу известную сумму денег[433].

Во второй половине XIX в. в крестьянскую юридическую практику проникла противоречившая народным правовым представлениям сделка купли-продажи земли. Случаи владения крестьянами-крепостными земельными владениями наблюдались еще в XVIII в. Крепостные некоторых крупных землевладельцев иногда покупали целые деревни. Однако прослойка крестьян-капиталистов

431 Добротворский Н. Указ. соч. С. 334.

432 *Шатковская Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века. С. 267.

433 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 52.

насчитывала не более 0,88 %, из них большая часть зарабатывала деньги торгово-промышленной деятельностью. Преобладающее большинство сельских обывателей, воспитанных в многовековой школе мирских порядков, не смирились со взглядом законодателя на землю как на товар. Более того, крестьяне в 80-х гг. XIX в. отказывались верить в существование закона, позволявшего выкупать наделы в собственность. Степень укоренения в народе убеждения о невозможности отчуждения земли доходила до того, что даже кулаки, скупавшие землю, считали это дело незаконным[434].

Тем не менее под натиском усиливавшейся с каждым годом земельной тесноты крестьяне стали использовать возможность покупки земли. Основными покупателями были коллективы сельских обывателей. Наиболее популярна была «мирская» покупка земли. Земли, купленные во всех губерниях, составляли весьма незначительную долю поземельной собственности. Покупка земли обществом не изменяла статус землевладения, так как купленная земля поступала в общее владение и приравнивалась к надельной[435].

Крестьяне, купившие землю в товариществе или обществе, получали ее в соответствии с внесенной суммой и могли распоряжаться землей по своему усмотрению. Но это не была в полной мере свобода собственности, так как все сделки утверждались приговорами товарищества или сельским сходом. Случалось, что и купчую землю сход пускал в общий передел[436].

Таким образом, именно купля-продажа недвижимости, и прежде всего земли, существенно изменила жизнь

434 *Шатковская Т.В.* Договорные отношения по обычному праву российских крестьян второй половины XIX — начала XX в. (на примере договора купли-продажи земли) // Юристъ-правоведъ. 2008. № 4. С. 91.

435 *Кашкаров М.* Статистический очерк хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губернии. СПб., 1902. С. 34.

436 *Есиков, С.А., Шмарин В.Н.* Динамика частного крестьянского землевладения в Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX веков. Тамбов, 2005. С. 13.

обычного права, а придание государством земле статуса объекта купли-продажи раскололо крестьянское правосознание. С одной стороны, купля-продажа утоляла непреодолимую жажду земли у крестьян и поддерживала традиционную форму землепользования, с другой — противоречила обычно-правовому принципу справедливости, согласно которому правом обработки и владения земли обладают лишь исконные сельскохозяйственные производители (крестьяне). Нарушителем этого принципа крестьяне считали власть.

К договору мены крестьяне относились так же серьезно, как и к договору купли-продажи. «Менять — не пенять», — говорили крестьяне. Обмен недвижимого имущества встречался в селе довольно редко и практиковался в сфере пользования земельными наделами. Это делалось с целью удобства обработки полевого надела. Из движимого имущества крестьяне чаще всего меняли лошадей. Это происходило на ярмарках, базарах. Такой обмен совершался как с доплатой деньгами одной из сторон сделки, так и с «уха на ухо», т.е. без всякой придачи. При этом в некоторых случаях писали расписку, как при покупке лошадей[437].

Найм работника в деревне был делом обычным. К нему прибегали хозяйства, испытывавшие дефицит рабочих рук. В работники шли по большей части младшие, невыделенные члены крестьянской семьи — сыновья, братья. Несовершеннолетние и неотделенные члены крестьянской семьи, как не обладающие полной дееспособностью, не могли заключать договор личного найма без согласия или против воли главы дома — большака. Исполнение такого договора для сына являлось обязательным. Невыполнение обязательств, обусловленных договором, со стороны малолетних влекло за собой уже ответственность главы семьи[438].

По обычаю работника нанимали на год или на лето. Сроки летней службы определялись с Егорьева дня и по

437 РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 272. Л. 37.

438 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 75, 219.

1 октября, годовой — с заговин, т.е. с 14 ноября. Традиционный порядок найма работника был описан этнографом В. Бондаренко. «Когда обе стороны, сошедшись вместе, сговорятся в условиях, то бьют друг друга по рукам, затем снимают шапки, крестятся и идут к новому хозяину, там последний дает в задаток рубль или два, и все пьют магарычи. Водка покупается пополам хозяином и батраком, по пословице: „С одного вола двух шкур не дерут“. С этого момента договор считается заключенным»[439].

Условия найма обычно были словесными. Хозяин при заключении договора подробно перечислял работнику все те работы, которые будут на него возложены, работник обещал не уходить до срока и выполнить все указанные работы. Иногда работник ставил и свои условия, например, чтобы его не заставляли работать по дому, чтобы кормили тем-то, поили чаем столько-то раз и т.п. Условия найма считались заключенными с выдачей хозяином задатка рабочему[440].

Задаток за работу в деревне брался как деньгами, так и съестными припасами. Нередко наемный рабочий выговаривал уплату за него податей и других повинностей, а также одежду на время найма[441]. При найме рабочего, согласно обычному праву, хозяин обязан был обращаться с работником должным образом, т.е. не изнурять работой, не придираться, не оскорблять и не наказывать. В противном случае работник мог расторгнуть договор и не вернуть задаток. Работник же не имел права пьянствовать, лениться, грубить хозяину, отлучаться без его разрешения под страхом уголовной ответственности[442]. Обязательства носили обоюдный характер, и каждая из сторон следила за их выполнением.

Имущественные отношения крестьянского двора и договорные обязательства регулировались бытовавши-

439 *Бондаренко В.* Указ. соч. С. 35.

440 Русские крестьяне. ... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 293.

441 РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 272. Л. 35.

442 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 190, 196–197.

ми в селе нормами обычного права. Особенность правового статуса крестьянского имущества была обусловлена семейным характером производства и традициями податного обложения. Следует также признать, что имущественные права женщины в крестьянской семье в большей мере соответствовали принципу социальной справедливости, чем официальное законодательство.

Договорные отношения в русском селе второй половины XIX — начала XX в. основывались на нормах обычного права, которые порой значительно отличались от положений гражданского законодательства Российской империи. Заключение сделки в крестьянском быту сопровождалось обрядовыми действиями, которые отличались единообразием в различных местностях России. Дееспособность в крестьянском восприятии была связана не с достижением определенного возраста, а определялась хозяйственным положением крестьянина в семье. Основным способом обеспечения договора являлось поручительство. В решениях вопроса о взыскании долга с недобросовестного заемщика волостные суды принимали во внимание хозяйственное положение ответчика и могли изменить существенные условия договора. С развитием товарно-денежных отношений в русском селе письменная форма договорных отношений стала преобладающей, что отразило желание крестьян защитить свои права по закону. Аренда земли крестьянами была свободной от государственных ограничений и в большей мере регулировалась нормами обычного права.

Опека и усыновление

Функция социальной защиты своих членов традиционно была для сельской общины одной из важнейших. Крестьянская опека над сиротами основывалась как на проявлении традиций христианского милосердия, так и на действии правовых обычаев русской деревни. Материалы, освещающие проблему призрения в сельском быту, дают основания утверждать, что крестьянские обычаи относительно опеки носили юридический характер. В «Общем положении о крестьянах» вопрос об опеке разрешался на основе норм обычного права. В нем, в частности, говорилось о том, что «в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех всего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями»[443].

Следует отметить, что крестьянские обычаи в области призрения «сирых и убогих» отличались завидным единообразием. Опека над детьми в деревне устанавливалась в случае смерти одного или обоих родителей, а также в случае их умопомешательства или безвестного отсутствия[444]. Юрист М.И. Зарудный, изучавший правовые воззрения русских крестьян второй половины XIX в., в своем исследовании писал, что «опекун назначается обыкновенно сельским сходом. За управление имуществом ни-

443 Российское законодательство X–XX веков. М., 1989. Т. 7. С. 40.

444 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 271; Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 65.

какого вознаграждения не получается»[445]. Существование в русской деревне правового обычая опеки подтверждается документами сенатской комиссии по преобразованию волостных судов, собравшей обширный фактический материал, характеризующий состояние крестьянского правосудия в начале 70-х гг. XIX в.[446]. В заключении комиссии по результатам обследования волостей Тамбовской губернии утверждалось, что «для заведывания имуществом малолетних сирот общество выбирает опекуна»[447].

Аналогичные сведения о крестьянской опеке содержатся в материалах этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. В корреспонденциях сельских жителей, датируемых концом 90-х XIX в., сообщалось, что «мир обязательно заботится об устройстве малолетних сирот» (Костромская губерния); «община в отношении сирот принимает самое деятельное участие» (Калужская губерния); «опека устраивается с целью прокормить опекаемого до совершеннолетия и сохранить его имущество» (Вологодская губерния)[448]. Помимо опекуна общество зачастую выбирало еще попечителя — контролера над деятельностью опекуна. Кандидатура попечителя утверждалась волостным правлением, старостой или земским начальником[449].

Неполное сиротство воспринималось крестьянским правом неоднозначно. В ряде местностей смерть одного из родителей не считалась достаточным основанием к учреждению официальной опеки над малолетним, т.к. оставшийся в живых родитель считался естественным опекуном своих детей, не нуждавшимся в утверждении со стороны органов крестьянского самоуправления[450]. При

445 *Зарудный М.И.* Указ. соч. С. 101.

446 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873–1874. Т. 1–9.

447 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. Тамбовская губерния. С. 12, 85, 95, 102, 425.

448 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 30; Там же. 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 160.

449 *Соловьева И.С.* Традиция опеки у русских крестьян в конце XIX века // Вестник ПСТГУ. 2011. Вып. 4 (41). С. 54.

450 Народные юридические обычаи по указаниям судебной

этом не имело особого значения, кто именно из родителей малолетних, мать или отец, оставался в живых. Иногда обычное право рассматривало полусиротство как относительное показание к установлению опеки над малолетним. В некоторых регионах значимую роль при решении данного вопроса играл пол умершего родителя. В большинстве случаев лишь смерть отца воспринималась в качестве основания к установлению опеки[451]. Назначение опекунов являлось исключительной прерогативой сельского схода. По утверждению В.В. Тенишева, «мир всевластен в отношении назначения опекунов: он имеет право отстранить от опеки не только близких родственников, но даже и мать, он может аннулировать завещательное распоряжение, касающееся опеки»[452]. Установление опеки над детьми, оставшимися без попечения родителей, в русской деревне осуществлялось посредством составления общественного приговора. «Назначение опеки и попечительства над сиротами делается сельских сходом, миром, без соблюдения формальностей»[453], — к такому выводу приходит Е.Т. Соловьев, автор очерков народного юридического быта. По мнению юриста Н. Бржеского, в ряде волостей Пензенской, Саратовской, Тамбовской губерний опекунское управление не устанавливалось. В таких волостях сирот вместе с имуществом разбирали родственники, и о дальнейшей судьбе этих сирот ничего не было известно[454]. В деревнях Вологодчины на сельском сходе, собираемом для выбора опекуна, составлялся приговор, который вносился в особую «приговорную книгу», хранящуюся у сельского старосты[455]. Составление именно письменного решения об

практики // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 114.

451 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 58.

452 *Тенишев В.В.* Административное право русского крестьянства. СПб., 1908. С. 133.

453 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 104.

454 *Бржеский Н.* Указ. соч. С. 11.

455 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 160.

установлении опеки было в большей мере характерным для крестьянского быта второй половины XIX в.

Право первой очереди предоставлялось матери, которая считалась «естественной» опекуншей[456]. Так, при назначении опеки в селах Тамбовской губернии «после смерти домохозяина опекуншей обыкновенно назначалась его вдова, если она женщина хорошего поведения и рачительна к хозяйству»[457]. Но в случае ее неблаговидного поведения или недоверия общества к ней приставляли дополнительно опекуна, часто из родственников мужа, а иногда и совершенно постороннего человека. Так, в с. Рождествене Пошехонского уезда Ярославской губернии после смерти крестьянина Н. сход назначил опекуном его сыну Ивану родного дядю, т.к. вдова покойного «отличалась своим легким разгульным поведением»[458].

В ряде сел по местному обычаю вдова при повторном замужестве и переходе на жительство в чужой двор утрачивала право опеки[459]. Если мать брала мужа себе в дом, то опекуном мог стать отчим, но лишь в том случае, если был достойным человеком и перед всем сходом давал обещание заботиться о детях жены[460]. Таким образом, благочестивая репутация опекуна выступала главным критерием в решении вопроса установления опеки. В этом наглядно проявлялось действие нормы обычного права — решать, «глядя по человеку».

Опекуны назначались из числа родственников, преимущественно близких, связанных с малолетними сиротами не только кровной связью, но и хозяйственными ин-

456 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 64.

457 Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 85.

458 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 64.

459 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 377.

460 *Соловьева И.* Крестьянские сироты XIX века [Электронный ресурс]. URL: http://vstrecha.glasnet.ru (дата обращения: 11.03.2008); Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 276.

тересами[461]. По мнению дореволюционного исследователя обычного права П.С. Цыпина, одним из определяющих мотивов при выборе опекуна «в силу особых условий крестьянской жизни, сближающих родственную связь со связью экономической», выступал факт общих хозяйственных интересов кандидата в опекуны с малолетним[462].

Из сообщения Н. Козлова, корреспондента Этнографического бюро из с. Архангельского Кромского уезда Орловской губернии, следовало, что «опекуны назначаются преимущественно из своих односельчан, либо родственников, либо, из-за отсутствия таковых, соседей, или просто из благонадежных однообщественников»[463]. Источники и наблюдения современников свидетельствуют, что значительное внимание уделялось крестьянами личным качествам будущего опекуна, причем независимо от его родственной принадлежности к сиротам[464].

Выбор опекуна производился на сходе, и решение об этом оформлялось мирским приговором, который представлялся на утверждение земского начальника[465]. После выбора или назначения опекуна на сходе староста с вновь избранным и с понятыми из крестьян описывал имущество и опись эту вносил в отдельную книгу, называемую «опекунской»[466].

Если после смерти родителей в крестьянском дворе оставалось движимое имущество, то оно продавалось,

461 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 30; Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 64.

462 *Цыпкин П.С.* Опека в крестьянском быту // Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина: своды данных, добытых этнографическими материалами покойного кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1908. С. 141.

463 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 6.

464 *Добротворский Н.* Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии // Юридический вестник. 1889. № 6—7. Кн. 2. С. 245; *Д.И.* Заметки о крестьянской семье в Новгородской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 260.

465 *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 148.

466 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 160.

а вырученные средства отдавались в волостное правление. Оттуда деньги выдавались желающим в ссуду под проценты с условием одного поручительства на каждые 10 руб.[467]. По завершении опеки денежные средства и проценты по ним возвращались опекаемому. Земельный надел сиротского двора сдавался миром в аренду желающим общинникам за уплату податей.

Материальное обеспечение сироты являлось главной заботой односельчан. Круглые сироты проживали у своих родственников, которые содержали их на свои средства в случае отсутствия дохода с имущества опекаемого. При таком способе опеки мир никаких письменных актов не составлял[468]. Существование обычая попечительства без наследства трактовалось некоторыми исследователями обычного права как отсутствие опеки у крестьян.

В судьбе ребенка, оставшегося без попечения родителей, принимала участие вся община. В том случае, если сирота не имел имущества, ему избирали воспитателя, который о нем заботится «до тех пор, пока он не сможет пропитываться именем Христовым»[469]. Если родственники не были в состоянии содержать сирот, то их раздавали по состоятельным дворам. Иногда прокормление сироты брало на себя общество в целом, как это было в ряде мест Орловской губернии. В этом случае сиротский надел отходил к общине, а сам опекаемый переходил из двора во двор поочередно, получая необходимое содержание из мирских сумм[470]. В Костромской губернии бедные сироты кормились по дворам поочередно. «Отчего для Бога не покормить», — говорили местные крестьяне[471]. В Ярославской губернии сироты воспитывались за мирской счет.

467 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. Тамбовская губерния. С. 12, 15, 35, 85; Русские крестьяне... 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 185.

468 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 104 .

469 *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. Кн. 1. С. 58.

470 *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 147.

471 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 30.

В д. Остееве Ростовского уезда после смерти вдовы грудной ребенок был отдан в семью, где хозяйка недавно родила. Воспитывался он в этой семье до 9-ти лет, а потом был отдан в подпаски. Мир платил за воспитание ребенка 3 руб. 50 коп. в месяц[472]. По достижению 12 лет общество отдавало деревенских сирот «в люди»: мальчиков в пастухи, девочек в «пестуньи», где они уже на себя сами зарабатывали хлеб[473]. Добываемые малолетними сиротами деньги опекун обязан был тратить на их одежду и прокормление[474].

Материальная обеспеченность подопечного подразумевает наличие у него такого количества имущества, за счет которого было бы возможно содержать малолетнего в течение всего периода опеки. В действительности же основанием к учреждению опеки выступал сам факт наличия у опекаемого какого-либо имущества, независимо от того, представлялось ли возможным за его счет содержать малолетнего или нет. По мнению современного историка М.П. Осиповой, исследовавшей состояние крестьянской опеки, большая часть находившихся под опекой лиц относились к категории материально обеспеченных. Это сироты, имевшие земельные наделы. Часть опек, имевших в составе лишь движимое имущество, могли быть названы материально обеспеченными лишь условно[475].

Как правило, опекуны за свою деятельность никакого вознаграждения не получали[476]. По суждению русских крестьян: «опекунство — дело Божье, усердие к сиротам»,

472 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 275—276.

473 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 161.

474 *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 151.

475 *Осипова М.П.* Материальное положение опекаемых малолетних в крестьянской среде Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3(9). Ч. II. С. 152—157.

476 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 161; Там же. 2007. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 275; Там же. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 271; Там же. 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 68.

«брать что-либо от сирот грех», «опека служба, а не труд»[477]. «По народным воззрениям, пользоваться прибытком от имущества малолетних или приплодом от скота опекун не имел права... Доходы должны идти на нужды малолетних сирот»[478]. Опекун не мог распоряжаться вверенным ему имуществом, а только пользоваться. По сообщению корреспондента Этнографического бюро, опекун не получал за управление имуществом «никакого вознаграждения, только благодарность общества и сирот»[479]. Опекун не мог наследовать имущество опекаемого. В случае смерти малолетних, если не было законных наследников, имущество их считалось «вымороченным» и поступало в продажу[480].

Опекунские традиции некоторых уездов допускали тем не менее назначение вознаграждения. При этом весьма разнообразно было определение способа вознаграждения. Им могло являться освобождение от некоторых общественных повинностей, предоставление льгот, получение права пользоваться землей малолетнего подопечного или его имуществом, или частью дохода от имущества, а также приплодом от скота и специальным пособием: как натуральным, так и денежным[481]. По сведениям Е.Т. Соловьева, в Казанской губернии «за управление имуществом малолетнего сироты опекун если и получал вознаграждение, то лишь такое, которое равнялось обыкновенному заработку за понесенные труды при посеве, уборке хлеба и т.п.»[482].

Источники свидетельствуют о том, что нормы обычного права, существовавшие в сфере опеки, очень силь-

477 Цит. по: *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 152.

478 Русские крестьяне... 2008. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 525.

479 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 6.

480 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 301.

481 *Осипова М.П.* Юридические обычаи крестьянства по опеке малолетних (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. 2010. Вып. 8(88). С. 184.

482 *Соловьев Е.Т.* Очерк обычного права крестьян Мамадышского уезда. С. 8.

но ограничивали свободу действий опекуна в отношении имущества опекаемого. При этом в некоторых случаях опекуны были стеснены не только в праве распоряжения опекавшимся имуществом, но и в любых более или менее значимых действиях по управлению им[483]. Большую свободу опекунам предоставляли юридические обычаи некоторых регионов в отношении движимого имущества сирот вплоть до его продажи. Но и ей подлежало не все имущество, а «только такие предметы, которые пришли в ветхость, или подверженные порче и тлению, или вообще которые не могут быть сохранены»[484].

Контроль над действиями опекуна возлагался на старост и старшин. Опекун должен был периодически отчитываться перед сходом об исполнении своих обязанностей[485], но на практике сельский мир не всегда уделял должное внимание защите интересов сирот. Для одних местностей, в частности для ряда уездов Московской и Владимирской губерний, было характерно рассмотрение данной меры как одной из четких должностных обязанностей опекуна[486]. Встречались регионы, где от опекунов никакой отчетности не требовалось, а следовательно, они распоряжались имуществом совершенно бесконтрольно[487]. Привлекает внимание тот факт, что, как отмечалось некоторыми исследователями, в регионах, где отчетности по опеке не производилось, случаев растраты имущества малолетних опекунами, по заявлениям крестьян, почти не происходило[488].

В некоторых русских деревнях на руки опекуну выдавали особую книжку, в которую он записывал приход

483 *Бржеский Н.* Указ. соч. С. 181.

484 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 361.

485 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 479.

486 *Шраг И.* Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний // Юридический вестник. 1877. № 7. С. 75.

487 Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 71.

488 *Тимофеев П.Г.* Опека в обычном праве крестьян // Вестник права. 1903. Кн. 5—6. С. 27—28.

и расход по имуществу опекаемого. Один или два раза в год опекун представлял письменный, а если неграмотный, то устный отчет сельскому сходу. Сельский староста с участием волостного писаря проводил ревизию имущества согласно описи. В случае обнаруженной растраты опекун должен был возместить ущерб из собственного имущества, что осуществлялось в большинстве случаев в форме судебного иска. Так, в д. Федоровке Козловского уезда в 1914 г. опекун над малолетней сиротой был замечен в разорении имущества и хозяйства. Причем опекун постоянно отсутствовал и уклонялся от исполнения повинностей. Сельский староста составил об этом акт и направил его волостному старшине[489].

Волостное правление ежегодно составляло расчетную ведомость капиталов малолетних крестьян, а опекун представлял обществу отчет о расходе, произведенном им для содержания опекаемых. Дело опекунского управления подвергалось ревизии уездного по крестьянским делам присутствия. Со стороны опекунов больших злоупотреблений не бывало, но в случае их обнаружения мир назначал другого, более надежного[490].

В ряде мест, например в Болховском уезде Орловской губернии, за растрату имущества сироты опекун по приговору сельского схода мог быть подвергнут наказанию в виде ареста[491]. Помимо всего этого, опекун, ненадлежащим образом исполняющий свои обязанности, приговором сельского схода устранялся и заменялся другим. Так поступали в селах Курской губернии[492]. Внимание к положению сельских сирот усилилось с введением института земских начальников, так как в их обязанности входил контроль над системой крестьянской опеки. В деревнях Нижегородской губернии «в случае злоупотребления со

489 ГАТО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

490 *Егорова* О.В. Дети-сироты и их устройство в чувашской общине [Электронный ресурс]. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-180.pdf (дата обращения: 03.06.2012).

491 *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 157.

492 Там же.

стороны опекуна земский начальник производил дознание, отстранял опекуна от должности и предавал его суду общим судебным местам»[493].

По обычному праву опека прекращалась в случае смерти подопечного или по достижении им совершеннолетия. Срок окончания опеки зависел от местных традиций. Возраст снятия опеки по документам колебался от 18 до 25 лет[494]. Обычно опеку снимали по достижению 18 лет. В Орловской губернии за совершеннолетний возраст был принят 21 год, до исполнения которого опекаемый не имел права распоряжаться деньгами и оформлять нотариальные сделки[495]. Также опека всегда прекращалась с женитьбой или замужеством. Снятие опеки и передача опекаемым их имущества производились при участии и по приговору сельского схода[496].

По окончании опеки общество, как это было, например, в Орловской губернии, продолжало «усматривать» за жизнью сироты. Если призреваемый не был способен хозяйствовать — над ним ставился смотритель, который помогал сироте своими советами, делился опытом. Если общество замечало, что от сироты нет толку, то оно вновь назначало опекуна, которому сирота должен был платить жалование (10—15 руб. в год)[497].

Порядок сельской опеки сложился исторически, являлся проявлением общинной традиции русской деревни и основывался на нормах обычного права. Принимая опеку, крестьяне руководствовались следующими мотивами: религиозными — проявление христианского милосердия, этическими — достойно выглядеть в глазах «мира», экономическими — иметь в хозяйстве рабочие руки. Добросо-

493 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 337.

494 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. С. 271; Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 228, 356, 377; Там же. 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 479.

495 *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 158, 159.

496 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 68.

497 *Соловьева И.С.* Указ. соч. С. 58.

вестное исполнение опекуном своих обязанностей достигалось контролем со стороны должностных лиц сельского самоуправления и силой общественного мнения.

Таким образом, изучение юридических обычаев крестьянства позволяет утверждать, что обычное право не только знало понятие «опеки над малолетними», но и содержало целый комплекс норм, призванных регулировать отношения в опекунской сфере. Практически все без исключения аспекты данного института основывались на юридических обычаях. Целый комплекс обычноправовых норм, действовавших в данной сфере социальных отношений, несмотря на их некоторые региональные особенности, обнаруживает большое сходство, что свидетельствует о том, что понятие «опеки» было знакомо всему крестьянскому сословию. Народные обычаи крестьянства по вопросам опекунства в целом соответствовали писаному законодательству исследуемого периода и нормам гражданского права[498].

В русской деревне существовали традиции усыновления детей: как незаконнорожденных, так и сирот, детей, оставшихся без попечения родителей. Незаконнорожденных детей в деревне чаще всего брали бездетные семьи. Крестьянину было важно воспитать себе кормильца на старость. Другой не менее важной причиной являлось стремление получить новые рабочие руки как важное подспорье в хозяйстве. Усыновление детей, как правило, происходило также при женитьбе крестьянина на вдове или девушке, у которой уже есть дети.

Детей в усыновление отдавали родители, бедные крестьяне или опекуны. В этих случаях от них требовали подписку в том, что они отказывались от всяких прав на отданного ребенка. Если усыновляемый ребенок имел более 14 лет от роду, то для усыновления требовалось его согласие. Усыновление производил один из супругов, но требовалось письменное согласие и другого.

498 *Осипова М.П.* Юридические обычаи крестьянства по опеке малолетних (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. 2010. Вып. 8 (88). С. 184.

По свидетельству П.В. Вересова, информатора этнографической программы из Новгородской губернии (1889 г.), крестьяне усыновляли чаще всего мальчиков[499] и очень редко девочек[500], что вполне объяснимо традициями деревенского быта. Никакие обряды — ни мирские, ни церковные — при усыновлении не осуществлялись. Усыновляемый принимал фамилию усыновивших. Процесс усыновления по закону требовал его регистрации в казенной палате. Это было необходимо как для ограждения законных прав усыновленного, так и для льготы при вынутии жребия или освобождения от воинской службы как единственного сына-кормильца. Усыновление от приема в дом отличалось тем, что акт об усыновлении утверждался в казенной палате, тогда как при приеме в дом только записывался в волостных книгах.

Усыновление в русской деревне осуществлялось посредством приписки к семейству с ведома общества, согласия же общества на усыновление не требовалось. Приемные дети, причисленные к семействам крестьян, не только пользовались участком земли, принадлежащим семье, к которой они приписаны, но и получали право на надел от общества участком земли. Трудовой вклад приемыша в хозяйственную деятельность крестьянского двора делал его равным членом семейной ассоциации, и в случае ее раздела, он получал такую же долю, как и родные дети[501].

Через усыновление вчерашние сельские парии обретали полноправный статус члена сельской общины. Таким образом, традиции и обычаи русской деревни обеспечивали большую правовую защищенность детям, рожденным вне брака, нежели официальный закон. Деревенская повседневность в своем историческом развитии выработала правила и традиции, которые часто были гуманнее существовавшего законодательства.

---

499 Русские крестьяне... 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 189.

500 Там же. 2009. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. С. 275.

501 *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 10. С. 303.

Преступления по обычному праву

Преступление против личности

Уголовные преступления были той сферой правоотношений жителей русской деревни, где действие норм обычного права было особо зримо. Это несмотря на то, что власть в исторической ретроспективе последовательно ограничивала действия норм обычного права в этой области. Свод законов (ст. 117 изд. 1842 г.), объединяя воззрения, положенные в основание уголовных законов в XVIII и в начале XIX в., гласил: «Все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы силой закона». Уложение о наказаниях (ст. 90 изд. 1885 г.) постановляло, что «наказания за преступления и проступки определяются не иначе как на точном основании постановлений закона», и что «суд не может определить иного наказания, кроме того, которое в законах за судимое им деяние именно предназначено»[502].

Согласно общепринятой в правовой науке классификации преступления против личности можно разделить на три группы: убийства, сексуальные преступления, телесные повреждения. К категории «убийство» относятся непреднамеренное убийство, отравление, покушение на убийство, покушение на отравление, детоубийство, неосторожные деяния, повлекшие смерть, непреднамеренное убийство, аборт. К категории «сексуальные преступления» относятся дела об изнасиловании, покушении

502 *Таганцев Н.С.* Уголовное право. Общая часть [Электронный ресурс]. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item769.html (дата обращения: 08.02.2009).

на изнасилование, растление, прелюбодеяние. К группе телесных повреждений относятся дела об избиении, нанесении побоев, нанесении тяжких увечий, нанесении тяжкой раны, обезображивании, смертельных истязаниях, жестоком обращении, самоубийстве.

Самым тяжким преступлением в русском селе, наряду с конокрадством и поджогом, традиционно считалось убийство. Намеренно лишить человека жизни, сознательно «загубить человеческую душу» в глазах крестьян являлось тяжким грехом и страшным преступлением, за которое должна следовать виновному особенно строгая и суровая кара[503]. Наличие злого умысла воспринималось жителями села как отягощающее вину обстоятельство. Предумышленное убийство, совершенное с заранее обдуманным намерением, предполагающее в субъекте присутствие хладнокровия, злой воли и решимости, признавалось крестьянами особенно преступным и совершенном при обстоятельствах, увеличивающих вину преступника[504]. Таким образом, в вопросе квалификации убийства обычно-правовые воззрения русских крестьян были практически тождественны положениям уголовного законодательства.

Степень важности этого вида преступления в крестьянском восприятии зависела от мотива его совершения. Наиболее тяжким, в глазах жителей села, было убийство, совершенное из-за корыстных побуждений и материальных интересов. Средним — когда оно произошло во время ссоры или обоюдной драки; легким — при измене жены; извинительным — во время обороны от нападения противников и при защите, при тех же условиях, родителей, жены и детей[505].

В представлениях русских крестьян убийство по неосторожности преступлением не являлось. По обычному праву ответственность не наступала при убийствах, про-

503 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 208.

504 Там же. С. 209.

505 *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 12.

изошедших в результате случайного выстрела на охоте, при валке леса и т.п.[506]. Также не считалось преступлением убийство, совершенное во время драки. Его крестьяне считали обстоятельством случайным, или безнамеренным (начиная драку, не предполагают совершить убийства)[507]. Оставались безнаказанными убийство или увечье при самозащите и охране имущества[508]. По убеждению вологодских крестьян, убийство при самозащите, защите своего имущества и близких преступлением не являлось и требовало лишь церковного покаяния[509].

Состояние аффекта рассматривалось как обстоятельство, смягчающее вину за содеянное преступление. Поэтому лицо, совершившее убийство под влиянием гнева, в состоянии запальчивости и раздражения, из ревности, под влиянием сильного испуга и т.п., по нормам обычного права совершило деяние хотя и преступное, но при обстоятельствах, уменьшающих его вину[510].

В отличие от уголовного закона обычное право допускало примирение с убийцами вне зависимости от мотивов преступления, но обязательно при желании родственников убитого. Получая деньги от убийцы, родственники рассуждали: «Мертвого не воскресишь, а живого загнешь и пользы никакой не получишь». Случалось, что общество, получив деньги от преступника, скрывало факт совершенного убийства от властей. Это не означало, что убийство в крестьянской среде являлось нормой, напротив, аномалией, стереотипизированным обычным правом и допускаемым общиной вариантом неправомерного поведения[511].

Убийство иноверца, по суждениям русских крестьян, было менее преступно, чем убийство своего, потому

506 Русские крестьяне... 2005. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 390.

507 Там же.

508 Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 341.

509 Там же. 2005. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 225.

510 Там же. 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 210.

511 *Шатковская Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века. С. 378.

что он — нехристь, немного лучше собаки; но так как и в нем имеются образ и подобие Бога, то и лишение его жизни считается тоже греховным. По суждению жителей псковских сел: «Что жалеть нехристя. Жид, что собака»[512]. На признание такого преступления привилегированным, т.е. менее важным и тяжким и менее наказуемым, оказывала влияние именно непринадлежность объекта преступления к «истинной вере» — православию[513]. Следует отметить, что убийство на почве религиозной неприязни не было характерно для русского села. Во всяком случае, нам не удалось обнаружить ни одного уголовного дела по данному виду преступления.

Квалифицированным преступлением крестьяне считали убийство восходящего родственника (матери, отца, деда, бабки), благодетеля, усыновителя, работником — своего хозяина. Также к отягощающим вину обстоятельствам относилось убийство лиц, не имеющих возможности защитить себя от насилия, т.е. беззащитных женщин, детей, престарелых, больных, калек и т.п. Основой для квалификации здесь являлась, с одной стороны, беспомощность объекта, с другой — проявленная субъектом особая жестокость и нравственная испорченность. Вполне закономерно, что убийство беременной женщины в русской деревне признавалось двойным квалифицированным преступлением, совершенным при наличии увеличивающих вину обстоятельств[514]. Взгляд сельских жителей на убийство был обусловлен как нормами обычного права, так и требованиями православной этики. При всем отличии официального и неписаного прав в оценке убийства как преступления закон и обычай во многом совпадали.

Все тяжкие преступления, коим являлось и убийство, в русской деревне можно квалифицировать по мотивам: из корыстных побуждений, мести, в ходе драки, на почве

512 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 256.

513 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 211.

514 Там же. С. 212—213.

суеверий. Сельская преступность в части совершенных убийств имела и гендерный аспект. Мужики, осужденные за убийство, совершали преступление преимущественно с целью завладения чужим имуществом. Сельские бабы становились убийцами чаще всего под влиянием эмоциональных факторов (ревности, мести и т.п.).

Многие исследователи дореволюционного периода отмечали, что среди женских убийств большая доля приходилась на мужей. Согласно данным, приводимым Е.Н. Тарновским, из 160 осужденных за мужеубийство крестьянок 22 совершили преступление из-за любви к другому; 15 — из-за пьянства и жестокого обращения; 16 — из-за отвращения к мужу в половом отношении[515].

Мотивами мужеубийства становились жестокое обращение мужа с женой, желание освободиться от супруга-деспота. Современник по этому поводу сетовал: «Какова должна быть судьба русской женщины, если на 100 женщин, осужденных за умышленное или предумышленное убийство, 45,45 состояли в брачной или внебрачной связи с потерпевшими, и только 17,36... против лиц посторонних. Видно лучше пойти на каторгу, чем переносить ту обстановку, которая нередко создается в нашей семье патриархальными нравами»[516].

С целью освободиться от постоянных истязаний и мук сельские бабы шли на убийство своих мужей. Не обладая большой физической силой, женщины проявляли изобретательность. Они убивали супруга или другое ненавистное им лицо, используя камень, топор, одеяло или другие предметы, нередко во время сна, чтобы жертва не могла оказать сопротивление. По свидетельству В.М. Хвостова, к «кровавым» способам убийства женщина прибегала лишь в крайних случаях, больше отдавая предпочтение «специальным» способам нападения — обливанию серной кислотой, отравлению и другим[517]. Причем подобные жен-

515 *Давыдов Н.В.* Женщина перед уголовным судом. М., 1906. С. 31.

516 *Спасович В.* Уголовная статистика // Вестник Европы. 1876. № 5. С. 399.

517 *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство. М.,

ские преступления чаще носили не спонтанный характер, а напротив, были тщательно спланированы. По мнению Н.В. Давыдова, женщин отличала крайне продолжительная злопамятливость: план мести она могла вынашивать в течение нескольких лет после нанесенной обиды[518].

Наиболее распространенным приемом убийства женщинами являлось отравление. По сведениям Я. Канторовича, в убийстве супруга к помощи яда прибегала каждая третья из осужденных жен, в то время как среди мужей отравителем был один из 26[519]. Однако в отличие от действующего законодательства, которое трактовало отравление как квалифицированное убийство, крестьяне воспринимали это преступление как убийство привилегированное. Такое суждение основывалось на том, что отравитель, действуя тайно и не открыто, не проявлял дерзости и смелости, или, как говорили в селе, «отчаянности»[520]. Убийство женой мужа, как и наоборот, по обычному праву и закону считалось тяжким квалифицированным преступлением, наказуемым строже простого убийства.

Среди тяжких преступлений, совершенных крестьянками, как впрочем и женщинами других сословий, большинство приходилось на детоубийство и плодоизгнание. По расчетам Фойницкого, приведенным в исследовании М.Н. Гернета, за период 1876—1885 гг. женщины составляли 98,5 % осужденных за этот вид преступления. В селах данный вид преступления был распространен более широко, чем в городах. Из 7 445 детоубийств, зарегистрированных в 1888—1893 гг., на города пришлось 1 176, а на селения — 6 269 преступлений[521]. В уездах проживало 88,5 % осужденных за детоубийство в период 1897—1906 гг.[522]

1914. С. 368.

518 *Давыдов Н.В.* Женщина перед уголовным судом. М., 1906. С. 46.

519 *Канторович Я.* Женщина в праве. СПб., 1895. С. 116.

520 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 213.

521 *Гернет М.Н.* Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 143.

522 Там же.

На долю крестьянок, по данным доктора медицины В. Линдерберга, из числа женщин, обвиненных в детоубийстве, приходилось 96 %[523]. Таким образом, это преступление было «женским» по признаку субъекта и преимущественно «сельским» по месту его совершения.

В Своде законов 1832 г. (ст. 341, 342) детоубийство трактовалось как убийство ребенка в утробе матери, а убийство родившегося младенца определялось как «чадоубийство». Ответственность за данные преступления предусматривалась как за «особенные смертоубийства», т.е. как за преступления, совершенные при отягчающих обстоятельствах. Впервые убийство матерью новорожденного ребенка стало рассматриваться как привилегированное преступление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (п. 1. части II ст. 1451). Законодатель мотивировал такое решение тем, что «положение виновной в этом преступлении необыкновенное, и она, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка, следовательно, покушается на ужасное преступление без ясного об этом перед собой сознания»[524].

Уголовное законодательство дореволюционной России подвергало детоубийц суровому наказанию. В «Уложении о наказаниях» 1885 г. ст. 1451 предусматривалось за убийство новорожденного ребенка матерью наказание в качестве 10—12 лет каторги или 4—6 лет тюремного заключения. Но если женщина оставила ребенка без помощи от «стыда и страха», то наказание могло быть уменьшено до 1,5—2,5 лет тюрьмы[525]. Ссылка на каторгу за детоубийство в Уголовном уложении 1903 г. была заменена тюремным заключением сроком от 1,5 до 6 лет[526]. Таким образом,

523 *Линденберг В.* Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании в Витебской губернии. Юрьев, 1910. С. 76.

524 *Неклюдов Н.А.* Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876. С. 316.

525 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898.

526 Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта

уголовное законодательство второй половины XIX — начала XX в. России развивалось по пути ослабления ответственности и смягчения наказания за детоубийство.

Оценка тяжести преступления по нормам обычного права была созвучна положениям официального законодательства. Правовой обычай русской деревни признавал убийство женщиной своего незаконнорожденного ребенка столь же тяжким преступлением, как и другие убийства[527]. По наблюдениям народоведа Е.Т. Соловьева, «на прелюбодеяние, разврат, детоубийство и изгнание плода народ смотрит как на грехи, из которых детоубийство и изгнание плода считаются более тяжкими»[528]. «Убить своего ребенка — последнее дело. И как Господь держит на земле таких людей, уж доподлинно Бог терпелив!» — говорили орловские крестьяне[529]. Если изгнание плода, по суждению новгородских крестьян, являлось только грехом, то детоубийство — тяжким преступлением[530]. Таким образом, убийство матерью своего новорожденного ребенка воспринималось сельскими жителями как грех, который не отмолить, и как тяжкое преступление, требующее сурового наказания.

Обо всех ставших известных в селе случаях детоубийства местные жители немедленно доносили властям. В ряде сел принимались меры профилактического характера, чтобы не допустить такого рода преступления. Так, в деревнях Новгородской губернии (1899 г.) как только становилось известно, что какая-нибудь девица забеременела, то староста созывал сход, на который призывал ее с родителями. Сход добивался признания в беременности самой девицы и подтверждения этого факта ее родителями. После чего староста предупреждал девушку: «Ты, голубушка, беременна, смотри, чтобы ребенок был цел!»,

1903 г. М., 1903.

527 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 6.

528 РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 273. Л. 4 об.

529 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 6.

530 Русские крестьяне... 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 214.

а также ее родителей: «А вы хорошенько смотрите за ней; в случае греха — отвечать будете!»[531] Можно предположить, что публичность такого действия в сочетании с последующим контролем со стороны однообщественников являлась действенными методами профилактики такого рода преступлений.

Отсутствие статистических данных о детоубийствах в России ранее середины XIX в. не дает возможность установить объективную картину этого явления. Однако можно утверждать, что во второй половине XIX в. число таких преступлений в стране возросло. По данным уголовной статистики, за детоубийство и оставление новорожденного без помощи в России была привлечена к ответственности за 1879—1888 гг. — 1 481 женщина, за 1889—1898 гг. — 2 276[532].

Следует признать, что убийство матерями младенцев в русской деревне и в начале XX в. не было событием исключительным. По наблюдению О.П. Семеновой-Тян-Шанской, проживавшей долгое время в имении своего отца, известного путешественника, в селе Гремячка Данковского уезда Рязанской губернии, «случаи убийства новорожденных незаконных младенцев очень нередки»[533]. Приведем сведения лишь по одной Курской губернии и только за один месяц, декабрь 1917 г. Вот выдержки из милицейских сводок: «12 декабря в с. Линове крестьянка Анна Исаева, родив ребенка, закопала его в солому»; «В с. Верхней Сагаровке 17 декабря крестьянская девица Анастасия Коломийцева родила ребенка и закопала его в землю»; «21 декабря в хуторе Казацко-Рученском крестьянка Евдокия Круговая, 19 лет, родив ребенка, закопала его в сарае»[534]. Приведенные примеры указывают не только на частоту детоубийств в селе, но и на характерный способ сокрытия трупов младенцев. Краткость ми-

531 Русские крестьяне... 2009. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 3. С. 352—353.

532 *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 69.

533 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 40.

534 ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 198. Л. 20, 21.

лицейских сводок не дала возможность установить, были ли приведенные факты формой пассивного детоубийства. Если да, то оставление ребенка при низких температурах являлся наиболее распространенным приемом ненасильственного лишения жизни младенца. Новорожденные весьма чувствительны к понижению температуры. Смерть от переохлаждения наступает даже при температуре плюс 5—8 градусов[535].

Сложность учета такого рода преступлений была обусловлена их латентным характером. Можно предположить, что значительное число смертей младенцев в деревне было отнесено к разряду случайных, а следовательно, не отразилось в уголовной статистике. В русском селе не редки были случаи «присыпания» младенцев, т.е. во время сна матери заминали своих детей[536]. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит специфический термин, обозначающий нечаянное убийство ребенка, — «приспать». «Приспать или заспать младенца, положить с собою, навалиться на него в беспамятном сне и задушить». «Мне всегда подозрительны “засыпания детей”, — делилась своими сомнения с читателем О.П. Семенова-Тян-Шанская, — так легко нарочно придушить маленького ребенка, навалившись на него, якобы во сне»[537]. Делалось это сознательно или нечаянно — судить трудно, но крестьяне считали «присыпание» тяжелым грехом, как, впрочем, и церковь. Можно предположить, что часть таких смертей младенцев являлась результатом умышленных действий, жертвами которых становились, как правило, нежеланные дети. Информаторы Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева сообщали, что незаконнорожденные дети чаще всего умирали в первые месяцы после рождения из-за намеренно плохого ухода, по причине «случайного» присыпания. Сами крестьяне говорили, что «зазорные все больше умирают

535 *Соловьева Н.А.* Методика расследования детоубийств: учебное пособие. Волгоград, 2004. С. 23.

536 Русские крестьяне... 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 559.

537 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 57.

потому, как матери затискивают их»[538]. Это подтверждается и данными статистики. Смертность внебрачных детей была в 2,7 раза выше, чем у законнорожденных младенцев[539]. Но такие факты «случайных» смертей не становились предметом судебного разбирательства, а требовали лишь церковного покаяния. Священник налагал на такую мать тяжелую епитимью: до 4000 земных поклонов и до 6 недель поста[540].

Мотивы детоубийства в какой-то степени определяют сущность и природу этого преступления в целом. Специфика мотивов детоубийства состоит в том, что они лишены низменного характера, это скорее мотивы «морального порядка». По мнению М.Н. Гернета, «детоубийцами являлись девушки-матери, а это обстоятельство дает все основания утверждать, что детоубийство имеет главной причиной известные взгляды современного общества на внебрачные рождения»[541]. Статистика показывает, что число детоубийств находилось в обратном отношении к числу незаконных рождений. В тех местностях, где рождения детей вне брака были редким явлением и наказывались строже, там детоубийства встречались чаще.

В объяснении обвиняемых в детоубийстве женщин в качестве причины чаще всего назывался стыд и страх. Из 228 осужденных Витебским окружным судом за 1897—1906 гг. 84 женщины указали на стыд и страх перед родителями и родственниками и на стыд перед чужими людьми. В 59 случаях было указано на беспамятство и бессознательное состояние, причем обвиняемые заявляли, что лишились сознания во время родов, а когда очнулись, ребенок был мертв[542].

Боязнь общественного мнения в подавляющем большинстве случаев доминировала в мотивах совершения

538 Русские крестьяне... 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 383.

539 *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1. С. 201.

540 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 4—5.

541 *Гернет М.Н.* Общественные причины преступности. Избранные произведения. М., 1974. С. 140.

542 *Линденберг В.* Указ. соч. С. 38.

детоубийства. Крестьянка, родившая незаконнорожденного младенца, подвергалась в деревне осуждению, а участь внебрачного ребенка была незавидной. Следует согласиться с утверждением современного исследователя Д.В. Михеля о том, что «резко отрицательное отношение общества к внебрачным детям, как и к внебрачной сексуальной жизни женщины, привело к тому, что от таких детей всячески стремились избавиться»[543]. Можно утверждать, что стереотипы традиционного общества в части допустимых форм сексуальной жизни крестьянки, отношение сельского социума к внебрачным детям и трудности в их последующей адаптации выступали объективными факторами этого преступления в крестьянской среде.

При анализе данного вида преступления нельзя сбрасывать со счетов то, что тяжелое материальное положение могло выступать одним из мотивов, а порой и основным фактором, толкнувшим крестьянку на убийство младенца. В ряде изученных дел, именно крайняя нужда указана как основная причина детоубийства. Приведем показания крестьянки Матрены К., вдовы 32 лет, дело которой слушалось в 1902 г. в Рязанском окружном суде: «Я задушила своего мальчика из-за стыда и нужды; у меня трое законных детей, все малолетние и мне их нечем кормить, так что я хожу побираться Христовым именем, а тут еще новый появился ребенок»[544]. В Тверской губернии была признана виновной в «предумышленном убийстве» крестьянка Агафья Архипова, 19 лет от роду. Из материалов дела следует, что роды проходили тяжело, состояние роженицы было неудовлетворительным. Была зима, стояли морозы, денег на пропитание не было и тогда молодая женщина решилась на убийство новорожденного — завернула младенца в юбку и бросила в колодец[545].

---

543 *Михель Д.В.* Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // Журнал исследований социальной политики. 2007. Том. 5. № 4. С. 442.

544 *Гернет М.Н.* Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 292–293.

545 *Куликова С.Г.* Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX — начало

Другим мотивом преступления являлось стремление сельских баб скрыть последствия супружеской неверности. В данном случае боязнь худой молвы и страх перед мужем, родными являлись причинами того, что женщина решалась на убийство новорожденного. Обвиняемая крестьянка Анастасия Г., привлеченная к ответственности в 1908 г., признала себя виновною и объяснила, что, будучи замужней, забеременела во время продолжительной отлучки мужа от постороннего мужчины. Еще будучи беременной, она решила убить ребенка и спрятать труп[546]. Крестьянка Самарской губернии 25 лет Елизавета К. за убийство младенца была осуждена на 6 лет каторжных работ. Она вышла замуж в 20 лет, через 2 года мужа взяли в солдаты, осталась жить в семье мужа. Забеременев в отсутствие мужа, она оправилась погостить к родным, где и родила. Сразу же после родов в хлеву, она придушила ребенка и оставила его лежать на соломе с целью закопать ночью в огороде. На суде обвиняемая показала, что поступить иначе не могла, так как ловко скрывала свою беременность, что даже родные мужа ничего не замечали, а между тем муж написал, что скоро вернется домой, а она боялась его[547]. Следовательно, в таких случаях детоубийство отнюдь не являлось результатом психотравмирующей ситуации, вызванной родами, а было решением спланированным, действием заранее подготовленным.

Характерным было и стремление матерей-детоубийц скрыть следы преступления. О.П. Семенова-Тян-Шанская по этому поводу писала следующее: «Родит баба или девка где-нибудь в клети одна, затем придушит маленького руками и бросит его либо в воду (с камнем на шее), либо в густой конопле, или на дворе, или где-нибудь в свином катухе зароет»[548]. Чаще всего труп новорожденного пытались скрыть на месте или вблизи места, где произошли тайные роды. Как правило, это привычная среда обитания

XX веков). Гагарин, 2011. С. 103.

546 *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 285.

547 *Тарновская. П.Н.* Женщины-убийцы. СПб., 1902. С. 337.

548 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 40.

крестьянской бабы: хлев, сарай, двор. По данным В. Линденберга, женщины-детоубийцы разрешались от бремени, как правило, в месте проживания. Из 228 мест родов 176 следует отнести к жилым и хозяйственным постройкам двора и только 52 места приходятся на лес, поле, дорогу, берег реки и т.п.[549]. Чаще всего сокрытие результата преступления осуществляла сама мать, но иногда ей в этом помогали близкие или родные. По сведениям из Белозерского уезда Новгородской губернии (1899 г.), «случается, матери помогают дочерям в сокрытии убитого младенца и даже сами принимают участие в умерщвлении его»[550].

Способы сокрытия трупа матерями-детоубийцами также не отличались разнообразием. Из содержания материалов следственных дел прокурора Тамбовского окружного суда следовало, что местные крестьянки избавлялись от внебрачных детей, бросая их в реку, кучи навоза, на улице, в общем клозете[551]. Река Карай Кирсановского уезда этой же губернии была традиционным местом, где женщины оставляли новорожденных[552]. Газета «Козловская мысль» от 12 мая 1915 г. в разделе криминальной хроники сообщала, что «крестьянка Анфиса Дымских, 20 лет, жительница с. Ярок Козловского уезда Тамбовской губернии, 1 мая 1915 г. родила девочку, прижитую вне брака. Боясь мести со стороны мужа, она задушила ребенка, а труп зарыла в яму вместе со сдохшей свиньей»[553]. Такие «захоронения» в селе обнаруживали, как правило, случайно. «Ребенка нашли в пруду, когда он стал усыхать»; «собака вытащила из конопли брошенного туда задушенного младенца»; «свиньи выкопали у погоста посиневшего мертвого новорожденного»[554].

549 *Линденберг В.* Указ. соч. С. 29.

550 Русские крестьяне... 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 214.

551 ГАТО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3764. Л. 10; Д. 3479. Л. 12; Д. 3478. Л. 12; Д. 3809. Л. 13; Д. 3675. Л. 11; Д. 5419. Л. 11.

552 Там же. Д. 3479. Л. 12.

553 Козловская мысль. 1915. 12 мая.

554 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 40.

Как правило, преступления совершались во время родов или сразу по их окончанию. Способы умерщвления младенцев были самые разнообразные. В частности, тамбовская крестьянка А. Макарова, желая освободиться от незаконнорожденного младенца, завернула его с головой в простыни и положила на печь в надежде, что он задохнется. Затем для верности вынесла его в холодные сени, а после обеда закопала в конюшне[555]. Чаще всего детоубийства производились путем асфиксии. По сведениям судебного медика Тардье, из 555 детских трупов, обследованных им, 281 имел следы удушения, 72 были брошены в отхожее место, удавлены 60[556]. По свидетельству В. Линдерберга, для насильственного задушения пользовались разными средствами, чаще всего рукой, причем на трупе обыкновенно находили ссадины на лице и шее. Пользовались такими мягкими веществами, как трава, земля, навоз, мякина, мякиш хлеба или закрывали нос и рот платком или коленом[557].

Материалы уголовной статистики дают основание утверждать, что суды проявляли снисходительность к матерям-детоубийцам. За период с 1897 по 1906 г. к суду по обвинению в детоубийстве и оставлении без помощи новорожденного к ответственности была привлечена 2 041 женщина, из которых 1 380 подсудимых были оправданы[558]. За тот же период в Витебской губернии из всех дел по подозрению в детоубийстве прекращено за отсутствием виновных 40 %; из остальных дел — 31 % прекращено за недостатком улик, в 8 % обвиняемые были оправданы, в 4,4 % освобождены от наказания на основании Высочайшего Манифеста, в 56,5 % приговорены к наказанию, которое в 74 % определено в виде ареста при полиции сроком от 5 дней до 3 месяцев[559].

Нередко преступные действия квалифицировались по ст. 1460 (сокрытие трупа), что влекло за собой более

555 ГАТО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 4913. Л. 16.

556 *Соловьева Н.А.* Указ. соч. С. 20.

557 *Линденберг В.* Указ. соч. С. 16.

558 *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 66.

559 *Линденберг В.* Указ. соч. С. 76.

мягкое наказание. Однако содержание указанной статьи предполагало, что ребенок, труп которого был скрыт его матерью, родился мертвым, следовательно, не допускалось ее применение в тех случаях, когда ребенок был рожден живым и умер уже после родов, а мать скрыла его тело[560].

Другая особенность рассмотрения дел такого рода заключалась в том, что судьи расценивали поведение женщин-детоубийц в момент совершения преступления как состояние сильного психического потрясения, граничащего с безумием. При этом в отношении незамужних и неграмотных крестьянок такой вердикт выносился почти автоматически[561]. Этим обстоятельством пользовались привлеченные к суду женщины, оправдывая свои действия отсутствием в то время здравого рассудка[562]. Доктор медицины А. Грегори заметил, что «женщины, совершившие убийство младенца, склонны всячески выгораживать себя и списывать все на свое самочувствие, особенно на временное помрачение сознания»[563]. Установить в ходе следствия наличие психотравмирующей ситуации было затруднительным, и поэтому судьи предпочитали трактовать возникающие сомнения в пользу обвиняемых. Следует согласиться с утверждением современного исследователя Н.А. Соловьевой о том, что «мотивация преступлений, как правило, определялась не выраженной эмоциональной напряженностью, а личностной морально-этической деградацией»[564].

Происхождение телесных повреждений на телах младенцев подсудимые, как правило, объясняли падением

560 *Таганцев Н.* Сокрытие матерью трупа ее младенца, рожденного живым // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 3. С. 200.

561 *Михель Д.В.* Указ. соч. С. 447.

562 Русские крестьяне... 2008. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 376.

563 *Грегори А.В.* Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (по данным Варшавского окружного суда за 20 лет, 1885—1904). Варшава, 1908. С. 47.

564 *Соловьева Н.А.* Указ. соч. С. 116.

плода при родах или как следствие самопомощи. Объяснение причин преступления самими подсудимыми лишь отчасти можно считать достоверными, показания свидетелей также не давали достаточных данных для создания психологического портрета обвиняемых и выявления полного комплекса мотивов, которыми было обусловлено девиантное поведение[565]. Состояние судебной медицины и содержание экспертных заключений того времени не всегда могли дать ответы на вопросы, которые ставило следствие.

Криминальный аборт (плодоизгнание, плодоистребление) законодательством второй половины XIX — начала XX в. квалифицировался как преступление против личности. В дореволюционной России аборты были юридически запрещены. По Уложению о наказаниях 1845 г. плодоизгнание было равносильно детоубийству и каралось каторжными работами сроком от 4 до 10 лет. В первом русском уголовном кодексе 1832 г. изгнание плода упоминается среди видов смертоубийства. Согласно статьям 1461, 1462 Уложения о наказаниях 1885 г. искусственный аборт наказывался 4—5 годами каторжных работ, лишением всех прав состояния, ссылкой в Сибирь на поселение. Уголовное уложение 1903 г. смягчило меры ответственности за данное преступление. «Мать, виновная в умерщвлении своего плода, наказывается заключением в исправительный дом на срок не свыше 3 лет, врач — от 1,5 до 6 лет». Как тяжкий грех расценивалось плодоизгнание церковью. Согласно церковному уставу за вытравливание плода зельем или с помощью бабки-повитухи накладывалась епитимья сроком от 5 до 15 лет.

Говорить о числе абортов в дореволюционный период чрезвычайно сложно, статистика их фактически не велась. За период с 1892 по 1905 г. в России в истреблении плода было обвинено 306 женщин, из них осуждено

565 *Косарецкая Е.Н.* Мотивационный комплекс женских преступлений во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Орловской губернии) // Управление общественными и экономическими системами. 2007. № 1 (9). С. 2—3.

108[566]. В период с 1910 по 1916 г. число осужденных за плодоизгнание в год составляло от 20 до 51 женщины[567]. Безусловно, эти цифры не отражали истинного масштаба данного явления. В действительности случаев искусственного прерывания беременности было значительно больше. Судя по источникам, иногда на искусственное прерывание беременности решались деревенские вдовы и солдатки. Первые — для того чтобы скрыть позор, вторые — из боязни мести со стороны мужа[568]. По мнению дореволюционных медиков, изучавших проблему абортов, «мотивом производства преступного выкидыша служило желание скрыть последствия внебрачных половых сношений и этим избегнуть позора и стыда»[569]. На основе данных уголовной статистики, правовед Н.С. Таганцев утверждал, «что мотивы, определяющие это преступление, совершенно аналогичны с мотивами детоубийства — это стыд за свой позор; страх общественного суда, тех материальных лишений, которые ожидают в будущем ее и ребенка»[570]. С таким утверждением был солидарен и А. Любавский. Выясняя мотивы данного вида преступления, он, в частности, писал: «Совершенное же сокрытие стыда было возможно только посредством истребления дитяти, свидетеля и виновника этого стыда»[571].

Тяжела была в селе участь согрешившей девушки. Страх позора от родных и односельчан толкал некоторых из них к уходу из жизни. Другие находили выход в том, что тщательно скрывали результат греха искусственным подтягиванием живота. Накануне ожидаемых родов такая девица находила повод уехать из деревни и, если это удавалось, разрешалась родами вдали от дома

566 *Линденберг В.* Указ. соч. С. 64.

567 Аборты в 1925 году. М., 1927. С. 13.

568 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 169, 331.

569 *Линденберг В.* Указ. соч. С. 72.

570 *Таганцев Н.С.* О преступлениях против жизни по русскому праву: в 2-х т. СПб., 1870. Т. 2. С. 260.

571 *Любавский А.* О детоубийстве // Юридический вестник. СПб., 1863. № 7. С. 22.

и там же подкидывала ребенка, живым или мертвым[572]. Иные, обнаружив «интересное положение», пытались вызвать выкидыш. По сообщениям корреспондентов Этнографического бюро, чтобы «выжать» ребенка, в деревне перетягивали живот полотенцем, веревками, поперечниками, клали тяжести[573]. С этой же целью умышленно поднимали непосильные тяжести, прыгали с высоты, били по животу тяжелыми орудиями[574]. Помимо приемов механического воздействия для вытравливания плода в деревне употребляли (часто с риском для жизни) различные химикаты. «Изгнание плода практиковалось часто, — признавал в корреспонденции В.Т. Перьков, информатор из Болховского уезда Орловской губернии, — к нему прибегали девицы и солдатки, обращаясь для этого к старухам-ворожейкам. Пили спорынь, настой на фосфорных спичках, порох, селитру, керосин, сулему, киноварь, мышьяк»[575]. В селах Калужской губернии самым распространенным способом считался раствор охотничьего пороха с сулемой[576]. Порой такие попытки вызвать искусственный выкидыш закачивались трагично. Так, в д. Макутино Новгородской губернии (1899 г.) одна девица вздумала вытравить плод раствором спичечных головок, но, не рассчитав его концентрацию, отравилась и умерла в страшных мучениях[577].

Плодоизгнание в представлении русских крестьян считалось тяжким грехом. Такая оценка содержится в большинстве изученных источников[578]. В крестьянских

572 *Мурин В.* Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926. С. 95.

573 *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 327.

574 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 375.

575 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 6.

576 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 331.

577 Там же. 2009. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 3. С. 353.

578 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 357; Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 383; Там же. 2008. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 219.

представлениях аборт по степени греховности приравнивался к убийству («загубили ведь душу») и влек за собой самое страшное наказание («в бездну за это пойдешь»). Девушка, совершившая убийство младенца во чреве, подвергалась большему осуждению, чем родившая без брака. Суждения крестьян Ростовского уезда Ярославской губернии были аналогичны: «Ежели ты приняла грех, то ты должна принять и страдания, и стыд, на то воля Божья, а если ты избегаешь, то, значит, идешь против Божьего закона, хочешь изменить его, стало быть, будешь за это отвечать перед Богом»[579]. Правда, в отдельных местностях, например в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, отношение к прерыванию беременности было не таким строгим. «Как сами матери, так и весь народ относятся к аборту легкомысленно, не считая это большим грехом», — писал Каверин в своей корреспонденции от 1 февраля 1900 г.[580].

Отношение сельского населения к этому виду преступления выражалось в том, что местные жители охотно доносили властям обо всех ставших им известными случаях прекращения беременности[581]. В ряде сел Вологодчины за забеременевшими девушками устанавливался надзор не только со стороны их родителей, но со стороны сельского старосты, десятских и сотских[582]. Не меньшее осуждение в селе вызывали и те, кто осуществлял вытравливание плода. На вопрос «Может ли бабка выгнать ребенка до сроку?» деревенские бабы отвечали: «Какая беспутевая возьмется за такое паскудное средство? Это уж прямо свою душу в ад пустить»[583].

Таким образом, убийство в обычном праве русских крестьян считалось особо тяжким преступлением, требу-

579 Русские крестьяне.... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 383.

580 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 5.

581 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 331.

582 Там же. 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 376.

583 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 559.

ющим сурового наказания преступника. В то же время традиционное правосознание русских крестьян допускало внесудебные расправы над конокрадами и поджигателями, также не считало преступлением убийство колдунов и ведьм. Традиция примирения между убийцей и семьей убитого в деревне существовала, но в изучаемый период практически не применялась. В квалификации преступления, в оценке обстоятельств, смягчающих или, напротив, отягощающих ответственность за содеянное, нормы обычного права и положения уголовного закона существенных расхождений не имели.

Преступления против личности являлись распространенными в сельской повседневности. По подсчетам исследователя Л.И. Земцова, сделанным на основе материалов 8 волостных судов Данковского и Раненбургского уездов Рязанской губернии, за период 1861—1878 гг. побои, избиения, драки составляли 41,0 % всех рассмотренных дел; оскорбление словом, клевета, ложный донос, угрозы — 20,6 %[584]. Оскорбление словом или действием в крестьянском восприятии не считались особо опасными и в ряду правонарушений стояли ниже имущественных. Это объяснялось образом жизни народа, низким уровнем крестьянской культуры и, как следствие, грубостью нравов.

В деревенской среде оскорбления и драки были явлением обыденным и в большинстве случаев не становились предметом судебного разбирательства. Словесные перепалки, которые часто возникали в крестьянском быту, сопровождались всем многообразием русской ненормативной лексики. К таким бранным оскорблениям крестьяне относились спокойно («Брань на вороту не виснет»), понимая, что ругательства произнесены сгоряча, а все сказанное — не по злобе («Собака лает — ветер носит»). Однако крестьяне воспринимали как обиду ругательство, соединенное с укоризной в чем-либо позорном — воровстве, мошенничестве[585].

584 *Земцов Л.И.* Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е — 80-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Липецк, 2004. С. 29.

585 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. XXIII.

Иногда, с целью выказать позор тому дому, к членам которого питают какую-либо ненависть, крестьяне прибегали к символическим действиям: по отношению к мужчине — отрезали хвост у лошадей, по отношению к женщине — мазали дегтем ворота дома[586]. И эти символические действия в русской деревне считались более тяжким оскорблением, чем побои.

Крестьяне, оскорбленные напрасным наветом, для защиты чести и достоинства обращались в волостной суд, прося поступить с обидчиком «по закону». Словесные обиды волостной суд рассматривал наравне с обидами действием[587]. В деревне считали, что оскорбления, высказанные публично, подрывают репутацию, бросают тень на доброе имя и приравнивали их к клевете и доносам. Поэтому в случае недоказанности обвинения обидчик строго наказывался[588]. Волостной суд, как правило, приговаривал виновного к штрафу в пользу мирских сумм.

Угроза воспринималась крестьянами как совершенное преступление («Лучше обиду делай, а не угрожай»). Угроза физической расправы («грозил меня убить», «грозил меня сжечь» и т.п.) в представлении народа являлась крупным проступком. Она почти всегда вызывала обращения с жалобой в суд, и потерпевший просил наказать обидчика «по всей строгости»[589]. Корреспондент Этнографического бюро из Орловской губернии Ф. Костин указывал на случай, когда крестьянин пригрозил с божбой убить своего брата. Брат подал жалобу в волостной суд. Там сочли дело важным и себе не подсудным и порекомендовали обратиться в общие судебные учреждения[590].

Что касается правового регулирования личных взаимоотношений между супругами, то не подлежали ведению суда такие насильственные действия, которые не

586 *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 6—7. С. 54.

587 *Белогриц-Котляревский Л.С.* Указ. соч. С. 12.

588 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 653. Л. 3, Д. 1124. Л. 15.

589 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1097. Л. 3.

590 Там же. Д. 1128. Л. 16.

причиняли существенного вреда здоровью. «На пощечины, получаемые по несколько раз в день... да умеренное наказание розгами можно также смотреть, как на желание выказать презрение к личности»[591]. Легкие побои причислялись по законам к личным оскорблениям, а на личное оскорбление, нанесенное мужем, жена не могла жаловаться суду. «Надо принять во внимание, что на юридическом языке легкими побоями называются такие, когда ребра у потерпевших не переломаны, спинной хребет остался в целости... Отсюда практическое наставление для мужей: бей жену, но руками, не пуская в дело ни гвоздей, ни смертоносных орудий... Этим золотым правилом постоянно руководствуется народ...»[592]

Интересное замечание по этому поводу сделал А.Л. Боровиковский при анализе гражданских законов: «Но кто сказал этому мужику, будто есть закон, что нельзя бить жену? Нельзя убить, изувечить, истязать..., но просто „бить“ — сделайте одолжение. Быть может, в законах написано, что и бить нельзя, но написано как-то неразборчиво, даже грамотеи юристы пришли к толкованию, что личные между супругами оскорбления — ненаказуемы... А не мешало бы издать закон: „бить жену нельзя“»[593].

Отношения в крестьянской семье были далеки от идиллии, а ругань и брань между родными были делом обычным. В делах об оскорблении между родителями и детьми судьи всегда становились на сторону родителей. Волостной суд строго карал тех, кто, нарушив сыновний долг послушания, позволял себе оскорблять или, хуже того, бить родителей. Так, Воейковский волостной суд Данковского уезда Рязанской губернии 12 ноября 1872 г. слушал словесную жалобу крестьянки сельца Богословки Матрены Спиридоновой. Истица показала, что ее сын, Михаил Кузьмин, «ругал ее сквернословными словами... начал ее бить, разбил во многих местах до крови». Судьи постановили: за оскорбление матери подвергнуть

591 *Безобразова П.В.* О правах женщин. М., 1895. С. 16.

592 Там же. С. 17.

593 *Боровиковский А.Л.* Конституция семьи. СПб., 1902. С. 4.

Кузьмина наказанию розгами в 20 ударов[594]. К такому же наказанию был приговорен волостным судом крестьянин с. Сухая Рожня Астафий Данилов 6 августа 1870 г. за избиение своих родителей[595]. Это было максимальное количество ударов, которое мог назначить волостной суд. Иной раз дела об обидах действием заканчивались примирением сторон, о чем делалась соответствующая запись в книге решений волостного суда. Нижеслободский волостной суд Олонецкой губернии за период с 1862 по 1896 г. из 10 дел об оскорблении действием родителей детьми 5 дел закончил примирением сторон[596]. Понятно, что предметом судебного разбирательства становилась лишь малая часть случаев рукоприкладства детей по отношению к родителям, имевших место в семейной повседневности.

Вплоть до конца XIX в. никакой проверки справедливости возводимых на детей обвинений не проводилось, так как считали, что «ни один родитель не согласится оклеветать напрасно своих детей». Кроме того, по народным воззрениям, родитель «по своей воле» всегда вправе наказать собственных детей[597]. Если родители в силу возраста и физической немощи не могли наказать непутевого сына или дочь, то они обращались к старосте или в волостной суд. Сына, самовольно отделившегося от отцовского дома или проявившего неуважение к родителям, подвергали телесному наказанию; провинившихся дочерей — аресту или штрафу[598]. Шидловский волостной суд Тульской губернии за оскорбление и ослушание родителей обычно приговаривал виновных к аресту на 7 суток[599].

---

594 *Земцов Л.И.* Волостной суд в России в 60-х — первой половине 70-х годов XIX века. С. 224.

595 Там же. С. 145. Док. № 183.

596 Подсчитано по: Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 98—132.

597 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века. С. 85.

598 Там же. С. 197.

599 *Маслов Е.* Несколько слов о волостных судах [Электронный ресурс]. URL: http://bogorodsk-noginsk.ru/vlasty/18_sud.html

Следует отметить, что обращения крестьян в волостные суды с жалобами на детей не были распространены в силу существовавших в русском селе стереотипов. Крестьяне говорили, что «не стоит выносить сор из избы», считая, что обращение лишь навредит семейным отношениям. По сообщению информатора Этнографического бюро из Калужской губернии (1900 г.), крестьянин д. Красниково Грибовской волости пожаловался на сына и попросил подвергнуть его телесному наказанию. Сын был лентяем, пьяницей и оскорблял отца и мать. Несмотря на это, большинство односельчан осудили отца: «Положим, малый — дрянь, а все-таки не дело отца налагать на него позор. Да и этим не исправишь, только больше озлишь», — рассуждали крестьяне[600].

По действующему законодательству обиды, наносимые детям родителями, если они не подвергали жизнь опасности, были уголовно не наказуемыми. Жалобы детей на родителей за оскорбления и побои судами не принимались. А иногда жалобщиков еще и наказывали[601]. Исключение составляли те случаи, когда побои и оскорбления детей были следствием пьянства главы семьи. Если вина родителя на суде была доказана, то его подвергали наказанию. Исследователи обычного права второй половины XIX в. приводили решения, когда по жалобе сыновей на буйство и пьянство отцов те были приговорены волостными судами к наказанию розгами[602] или аресту[603].

По мере роста крестьянского самосознания в целом и эмансипации сельских женщин, в частности к концу XIX века, в волостных судах заметно увеличилось число дел о семейных побоях. В ряде случаев суды вставали на защиту чести и достоинства женщины и наказывали семейных деспотов. Правовед А.Х. Гольмстен приводил

(дата обращения: 23.05.2009).

600 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 98.

601 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 87. Л. 2, Д. 278. Л. 24.

602 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 122—123.

603 *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 10. С. 295.

примеры, когда волостные суды за нанесение побоев женам приговаривали их мужей к наказанию розгами от 10 до 20 ударов[604]. Решительная позиция волостных судов в отношении семейного насилия находила свое подтверждение в содержании их решений. Так, крестьянин с. Воейкова Тимофей Иванов по жалобе его супруги, что тот «всегда в пьяном виде бьет ее без пощады», решением волостного суда был подвергнут 20 ударам розгами[605]. Иногда такие обращения заканчивались миром да наставлением: жене велят мужа слушаться, а мужу — жену не тиранить[606].

Чтобы не допустить повторения рукоприкладства, с мужей-дебоширов бралась подписка в том, что они будут обращаться с женой и родными должным образом[607]. Такие подписки носили предупредительный характер, и к наказанию виновных суды не прибегали[608]. Вот содержание одного из таких обязательств: «Я, нижеподписавшийся, Г., в присутствии волостного суда, обязуюсь впредь родную сестру свою не обижать и не причинять ей каких-либо побоев и дерзостей, в противном случае волостной суд волен меня, Г., наказать розгами по своему усмотрению»[609]. Развитие правовой культуры села проявлялось в том, что волостные суды видели свою задачу не только в наказании виновного, но и в профилактике преступлений.

Следует признать, что обращения крестьянок в суд с жалобами на жестокое обращение с ними мужей были все-таки явлением редким. Не всегда просительницы достигали желаемой цели. Состоящие из мужчин-мужей

604 *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. С. 87.

605 *Земцов Л.И.* Указ. соч. С. 110—111. Док. № 104.

606 *Чернов И.Д.* Об обычном семейном и наследственном праве крестьян // Труды Киевского юридического общества. Киев. 1883. С. 267.

607 *Пахман С.В.* Указ. соч. С. 68.

608 *Скоробогатый П.* Очерки крестьянского суда. М., 1882. С. 42.

609 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 3. С. 82

волостные суды порой становились на сторону обвиняемого, опасаясь своим решением поколебать авторитет и власть мужа над женой, дать «бабам повадки». Да и действенность расписок с обязательством должного обращения с супругой вызывала у современников сомнение. Один из сельских информаторов по этому поводу сообщал в Этнографическое бюро, что «подписки для мужа не имеют никакого значения, а жене скорее вредят, так как озлобляют мужа, наказанного по жалобе жены, заставляют его обращаться с ней хуже прежнего»[610].

Жалобы в волостной суд мужей на неповиновение своих жен были нечасты. Но если они возникали, то суд обыкновенно внушал женам необходимость послушания, указывая, что они должны «жить в полном повиновении и послушании». «За непослушание» мужьям жены, по приговорам волостных судов, подвергались наказанию арестом, общественными работами и даже розгами[611]. Родители не имели права давать приют своей дочери, если она самовольно ушла от мужа. В противном случае они приговаривались волостным судом к наказанию арестом и обязывались немедленно возвратить бежавшую в дом мужа[612]. Подобные жалобы мужей в волостной суд все же были исключением, обыкновенно мужья решали такие проблемы посредством семейной расправы.

В случае если совместное проживание супругов было невозможно и муж выгонял жену из дома, то суд назначал ей денежное содержание. Так, Нижеслободский волостной суд Олонецкой губернии своим решением за 1882 г. обязал мужа выдавать жене ежемесячно по 3 руб. на содержание ее и ребенка[613]. Интерес представляет решение того же суда за 1888 г. по жалобе жены на мужа о побоях и изгнании ее из дома. В приговоре было записано, так

610 *Лозовский Н.* Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6–7. С. 368.

611 Там же. С. 383.

612 *Чернов И.Д.* Указ. соч. С. 267.

613 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 102.

как муж и на суде объявил, что жить совместно с женой не станет, то взыскать с него на прокормление жены по 3 руб. 50 коп. в месяц содержания и отобрать от него женину корову, на прокорм коей представляется ей право брать у мужа потребное количество сена и соломы. Далее значится отметка следующего содержания: «По несостоятельности моего мужа, Афанасия Разумова, к платежу по сему решению денег, я изъявила желание получить урожай нынешнего года и на будущее время пользоваться наделом земли на душу мужа, о чем составлен приговор схода 21 августа»[614]. В начале XX в. описываемый обычай сохранялся. Так, Матчерский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1915 г. постановил выделить крестьянке при разводе с мужем на содержание ребенка на одну душу надельной земли, одну корову, на одну душу купчей земли и зерна[615].

По утверждению современного историка, исследователя обычного права Л.И. Земцова, «крестьянский волостной суд последовательно и целенаправленно осуждает бьющих (не только мужа, тестя, деверя, но и свекровь, и золовку) и защищает крестьянку»[616]. Если невестка подвергалась притеснению в нераздельной семье, то наказание волостной суд мог распространить и на большака и большуху. Примером может служить дело, рассмотренное 12 апреля 1871 г. Воейковским волостным судом по жалобе крестьянина с. Сухая Рожня Ефима Ермилова. Заявитель осенью 1870 г. выдал дочь свою Екатерину в замужество в дом крестьянина Ивана Ильина за сына его Антона, который без всякой причины гонит ее со двора. Суд приговорил Ивана Ильина к 10 ударам розгами, жену его к аресту на шесть дней, а сына их Антона к двадцати ударам розгами[617].

614 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 104–105.

615 ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 24. Л. 8, 12, 29.

616 *Земцов Л.И.* Крестьянский самосуд. С. 142.

617 *Земцов Л.И.* Волостной суд в России в 60-х — первой половине 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). С. 163. Док. № 224.

Строго волостной суд наказывал побои и оскорбления по отношению к ближайшим родственникам: братьям и сестрам. Так, Воейковский волостной суд в мае 1869 г. вынес решение о взыскании с крестьянки с. Богдановка Пелагеи Степановой штрафа в три рубля серебром за побои и называние б...ю своей сестры Авдотьи[618]. С крестьянина Семена Иванова, который «прибил пришвом от стана» своего родного брата Сергея, суд взыскал в пользу потерпевшего три рубля[619]. Волостной суд наказывал и за рукоприкладство со стороны родственников по свойству. В той же волости крестьянин д. Новой Иван Дмитриев был подвергнут аресту на двое суток за постоянные побои свояченицы[620]. По жалобе крестьянки Любови Алексеевой на сноху Федосью Кондратьеву, что та нанесла ей побои кулаками по лицу и по рукам била рогачем, волостной суд 14 сентября 1875 г. принял решение «за нанесение обиды свекрови подвергнуть Кондратьеву трехдневному аресту при волостном правлении и взыскать с нее в пользу судей 75 коп.»[621].

Можно предположить, что братские распри часто были не столько результатом личной неприязни, сколько следствием имущественных споров внутри неразделенной семьи. Примером может служить жалоба крестьянина Василия Никифорова на брата Тимофея, который избил его и выделяет часть имущества. Приговором от 18 апреля 1871 г. волостной суд подверг Тимофея Никифорова штрафу в три рубля, а вопрос о разделе передал сельскому обществу[622]. Раздел имущества крестьянского двора в деревне осуществлялся решением сельского схода, но если он был проведен с нарушением принятых условий, то обиженная сторона с целью восстановления справедливости обращалась в волостной суд.

618 Земцов Л.И. Волостной суд в России в 60-х — первой половине 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). С. 105. Док. № 89.

619 Там же. С. 118—119. Док. № 125.

620 Там же. С. 115. Док. № 116.

621 Там же. С. 374. Док. № 520.

622 Там же. С. 164. Док. № 228.

В случае обращения крестьян в суд последний в делах об оскорблениях словами чаще всего приговаривал виновного к штрафу в пользу потерпевшего. Так, Перкинский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии решением от 21 февраля 1872 г. приговорил взыскать с Аникея Гугучкина один рубль в пользу Федора Верташова за оскорбление того непристойными словами[623]. Оскорбления, высказанные прилюдно, оценивались более строго. В книге записей решения того же суда содержится прошение крестьянки села Черкина Агафьи Немытшевой об оскорблении ее Антоном Кудрявцевым на улице словами, как то: «воровка» и «б...ь». Суд приговорил взыскать с обидчика штраф в размере 1 руб. 50 коп., а за пьянство наказать розгами — 5 ударов[624].

Нередко розги назначались в качестве дополнительного наказания. Так, в 1891 г. Рождественский волостной суд той же губернии за учиненную драку взыскал с Петра Васильева в пользу потерпевшего 3 рубля штрафа и еще назначил ему 19 ударов розгами[625]. Суд также мог сделать замечание, выговор. Это использовалось в качестве дополнения к более строгим наказаниям. По решению суда выговор мог быть внесен в штрафную книгу. Так, решением Вишневского волостного суда крестьянин Б. за побои без всякой причины был подвергнут 20 ударам розгами с записью в штрафную книгу и штрафу в сумме 3 рублей за бесчестие[626].

Строго каралось в русском селе оскорбление должностных лиц. Жесткими приговорами волостные суды закрепляли в крестьянском сознании уважение к должностным лицам сельского самоуправления. Так, за оскорбление непристойными словами сельского старосты села Ивенья крестьянин был приговорен к 12 ударам розгами[627]. Спустя сорок лет в той же местности аналогичные

623 ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об. — 3.

624 ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 39, 40.

625 *Березанский П.* Указ. соч. С. 178, 231.

626 Там же. С. 177.

627 ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

преступления карались не менее сурово. Питерский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1915 году подверг крестьянку села Кершинские Борки Наталью Пришкину аресту на 15 суток за то, что она «обзывала всяческими неприличными словами» сельского старосту, который производил опись имущества двора ее мужа[628]. Следует заметить, что сельское начальство своим обращением иногда само провоцировало местных жителей на брань в свой адрес. По информации А. И. Михеевой из села Знаменское Орловской губернии: «Требуя подати, старшина обычно ругается всяческими неприличными словами, а иногда сажает под арест неисправных плательщиков. Грубости против своей личности ни старшина, ни писарь не потерпят»[629].

Грубость деревенских нравов и приверженность крестьян к насилию в быту являлись причиной преступлений против личности. Обычным правом драки на сельском сходе были запрещены, но общественное мнение деревни считало допустимым выяснение отношений на базаре и в кабаке. По наблюдению информатора Кашина из с. Архангельского Коротоякского уезда Воронежской губернии, «драки между крестьянами происходят главным образом в кабаках, во время престольных праздников. Масса драк происходит во время свадеб и дележей»[630]. Иной раз крестьянин, затаивший обиду, старался затащить обидчика в питейное заведение, чтобы там с ним расправиться. По сведениям из Орловской губернии, побитым в кабаке мог оказаться и старшина, и урядник, и староста. А если пострадавший пытался подать жалобу, ему разъясняли на сходке, что «хорошие люди в кабак не ходят, там всякое бывает, там и чинов нет»[631].

Деревенская потасовка являлась любимым зрелищем сельских обывателей. «Зеваки с удовольствием собираются посмотреть на дерущихся, подбадривая их криками.

628 ГАТО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 185. Л. 12, 13.

629 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1026. Л. 2.

630 Там же. Д. 450. Л. 4.

631 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1103. Л. 16.

Драки всегда кончаются миром, который скрепляется совместно выпитым магарычом», — сообщал корреспондент Этнографического бюро В. Булгакова из села Козинки Орловского уезда[632]. Чувство мести не было свойственно русскому мужику. Взаимное рукоприкладство не становились помехой в дальнейших отношениях между общинниками. Повседневный опыт указывал крестьянину на собственную предрасположенность к неконтролируемым способам поведения, поэтому забыть нелояльное поведение соседа было нетрудно.

С введением волостных судов у сельских жителей, особенно у крестьянок, ставших жертвами насилия, появилась возможность защитить свою честь и достоинство посредством обращения в суд. Как правило, суд вставал на защиту потерпевшего, и обиженный мог получить денежную компенсацию. Так, за нанесение побоев солдатке Аграфене Конопкиной крестьянином Ф. тот был оштрафован волостным судом на 5 рублей[633]. Нередко наряду со штрафом к виновному применяли и телесные наказания. В 1891 г. волостной суд рассмотрел дело о бесчестии крестьянской девицы Елены Новиковой. Суд признал крестьянина Петра Васильева, жителя деревни Решетовка Рождественской волости Козловского уезда, виновным в оскорблении и нанесении побоев Новиковой. Он взыскал с него 3 рубля в пользу потерпевшей и за драку подверг его телесному наказанию розгами в 19 ударов. Жалоба Васильева на приговор волостного суда в Борисоглебское уездное по крестьянским делам присутствие была оставлена без удовлетворения[634].

Почти во всех решениях волостных судов по делам о побоях женщин наблюдалась одна особенность: оскорбление замужней женщины каралось сильнее, нежели вдовы или девицы. За побои замужней женщины обидчик наказывался или 15—20 ударами розог, или штрафом

632 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 2.

633 ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

634 Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 704. Л. 2, 2 об.

в 5—10 рублей, тогда как за побои девушки или вдовы карали штрафом от 60 копеек до 2 рублей или подвергали трехдневному аресту[635]. Таким образом, за одно и то же преступление волостной суд определял разную меру ответственности, т.к. общественный статус замужней женщины был выше, чем у незамужних девиц и вдов.

Практика волостных судов в решении дел, связанных с преступлениями против личности, показывает, что оскорбления чести и достоинства, равно как и физические посягательства, наказывались достаточно сурово. Увеличение числа крестьянских обращений в волостные суды по делам такого рода являлось свидетельством роста самосознания населения русской деревни.

635 *Красноперов И.М.* Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 273.

Корыстные преступления

Из всего многообразия правоотношений русской деревни, в которых проявлялись различия в содержании государственного закона и сути правового обычая, рассмотрим лишь сферу корыстных преступлений. Положения официального закона и нормы обычного права существенно расходились в трактовке имущественных преступлений. Если закон стоял на страже прав собственника и преследовал любое покушение на чужую собственность, то по обычному праву некоторые кражи вообще не считались преступлением, а в оценке других наблюдался дифференцированный подход. Прощение, которое преступник испрашивал у потерпевшего и сельского схода, всегда выступало смягчающим обстоятельством.

Реформы 1860-х гг. способствовали освобождению огромного количества людей от крепостничества и ослаблению государственного и корпоративного контроля над отдельным человеком. Они открывали более широкий простор частной инициативе и предприимчивости, расширяли рамки дозволенного и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе в его криминальной форме, прежде всего преступлений против собственности частных лиц.

В русской деревне значительно росло число правонарушений, в том числе и имущественного характера. Так, в Тамбовской губернии количество зарегистрированных преступлений увеличилось: случаев воровства — с 289 в 1860 г. до 829 в 1866 г., грабежа соответственно, —

7 и 76[636]. Приведенные цифры не в полной мере отражают истинные масштабы сельской преступности, т.к. в них учтены только приговоры общих судов.

Данная тенденция сохранилась и в последующий период. По материалам Екатеринбургского окружного суда, за 1874—1917 гг. было совершено 385 крестьянских преступлений против собственности частных лиц. Это составило 19,3 % от всех крестьянских уголовных дел. Из них кражи составляют 217 дел, т.е. 11,0 % от всей совокупности рассмотренных уголовных дел[637]. Официальной судебной статистикой отмечен рост числа крестьян, осужденных за кражу, грабеж, разбой. В этих преступлениях тамбовские крестьяне в 1881 г. составляли 77,0 % от общего числа осужденных, а в 1901 — 82,4 %[638]. С введением в русской деревне института земских начальников (1889 г.) дела о кражах в их судебной деятельности встречались наиболее часто. Так, земскими начальниками Курской губернии в 1893 г. было рассмотрено 7 489 уголовных дел, из которых 1 815 — о кражах[639]. В соседней Орловской губернии за этот же год в производстве земских начальников находилось 6 135 уголовных дел, из которых на кражи приходилось 1 113 дел, а кроме этого 2 006 дел было рассмотрено по лесным порубкам[640].

Мелкие правонарушения составляли наибольшую часть противоправных действий в русской деревне. По мнению современного исследователя Б.Н. Миронова, мелких преступлений в селе совершалось в 3—4 раза больше, чем регистрировалось[641]. Дела о сельских кражах

636 Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 г. Тамбов, 1868. С. 2—4.

637 *Полищук В.А.* Уголовные преступления уральских крестьян (по материалам Уральского окружного суда) [Электронный ресурс]. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/.../016_Polishchuk.pdf (дата обращения: 07.06.2012).

638 Подсчитано по: Обзоры Тамбовской губернии за 1881—1905 гг. Тамбов, 1881—1907.

639 РГИА. Ф. 1291. Оп. 39. Д. 55. Л. 4—9.

640 Там же. Д. 18. Л. 2.

641 *Миронов Б.Н.* Преступность в России в XIX — начале XX

в большинстве своем находились в юрисдикции волостных судов. По данным за 1905 г., в 232 волостных судах Воронежской губернии в производстве было 35 397 дел, из них 4 888 дел о краже, мошенничестве и обмане[642]. Следует отметить, что более половины дел в волостных судах заканчивались примирением сторон, в том числе и по кражам, а следовательно, не фиксировались[643]. Как правило, мелкие кражи в селе не становились предметом судебного разбирательства. В случае обнаружения виновного и возвращения им похищенного дело заканчивалось миром. Потерпевшая сторона в суд не обращалась, а удовлетворялась магарычом, который выставлял уличенный вор.

Данные статистики о росте числа краж в деревне находят свое подтверждение и в наблюдениях сельских старожил, зафиксированных в этнографических источниках. По мнению крестьян Новгородской губернии (1899 г.), 3—4 десятка лет назад (т.е. в 60—70-е гг. XIX в.) воровства было в 10, а то и больше раз меньше. Старики такое положение объясняли испорченностью нравов и сожалели об отсутствии, как они говорили, «острастки». «Укради-то бывало что-нибудь в наше время, как за помещиком жили, так тебя на конюшне так отделают, что на рогоже домой принесут, — во веки веков воровать не будешь другу и недругу закажешь. А ныне что? Посадят на месяц или меньше в арестантскую либо в острог, кормят там лучше домашнего, работать не заставляют. Выйдет оттуда да еще пуще красть почнет»[644]. Таким образом, причину распространения воровства в селе сами крестьяне усматривали в отсутствии социального контроля, который осуществлял помещик, и страха перед физической расправой за совершенное преступление.

Рост преступности против собственности частных лиц свидетельствует об интенсивности проникновения модер-

---

века // Отечественная история. 1998. № 1. С. 27.

642 РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 71. Л. 14 об. — 15.

643 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 146.

644 Русские крестьяне... 2009. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 3. С. 390.

низационных отношений в крестьянскую среду. И первым показателем серьезной трансформации общинных отношений, стали участившиеся кражи. Вовлечение крестьян в капиталистические отношения способствовали увеличению влияния материального фактора на преступность[645].

Похищение чужого имущества в сельском быту было делом обыденным. Жительница деревни Талызиной Орловского уезда А. Михеева так описывала нравы своих односельчан: «Летом друг у друга воруют с поля намолоченный хлеб с тока, насыпают в голенища сапог, карманы. В рабочую пору воруют с поля снопы, верхние с конца или нижние, чтобы не было заметно»[646]. Наблюдения информатора из Вологодской губернии аналогичны по своей сути: «Воруют: хлеб из амбаров, с гумна, снопами с поля; одежду, обувь; из домашней утвари — самовары, котлы; из сеновалов — сено»[647]. В селах Новгородской губернии предметами хищения становились: домашние вещи, топор, нож, шапка; вне дома крали сбрую с лошади, колеса с телеги, земледельческие орудия с поля, дрова со двора[648]. Таким образом, в деревне прибирали к рукам, как говорили, «все, что плохо лежит».

О переменах в отношении крестьян к воровству, произошедших в порефоменный период, писал приходской священник Олонецкой губернии в 1908 г. На основе своих наблюдений за жизнью местных крестьян он делал вывод о том, что «на собственность соседей-крестьян мужик в настоящее время нисколько не постесняется посягнуть: вытащить из кармана кошелек с деньгами, украсть хлеба или сена у соседа, стянуть соху, оставленную в поле до новой работы, и произвести разные мелкие кражи: все это среди крестьянства не редкость»[649].

645 *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революция в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 639.

646 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 10.

647 Русские крестьяне... 2008. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 223.

648 Там же. 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 216

649 *Пр-ский Ал., свящ.* Из наблюдений сельского священника над деревней // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 335.

Объяснимо, что предметами краж в деревне становились инвентарь, домашняя утварь, одежда, продовольственные запасы. Хотя встречались и необычные, в современной оценке, объекты хищения, например пчелы. Особое убеждение существовало в селе относительно владения пчелами. Пчелу называли любимым творением Бога и хозяином ее считали только того, кого она сама выберет, к кому прилетит и будет жить. Считалось грехом даже переманка каким-либо путем пчел из другого улья. Воровство пчел, по мнению крестьян, было тяжкой виной, равной по степени неумышленному убийству. И поэтому, если владелец захватывал на месте преступления вора, то считал себя вправе нанести похитителю смертельные побои. Сохранились предания: бивали до такой степени, что вор, тотчас же по прибытии домой, умирал и, стыдясь своего проступка, никому не указывал имени убийцы[650].

В отличие от официального закона не всякое воровство признавалось обычным правом русского села как деяние преступное, а, следовательно, и наказуемое. Не воспринималось в русской деревне как преступление воровство плодов, овощей в крестьянских садах и огородах. «Репа да горох сеются для воров» — гласит народная пословица[651]. На срывание плодов и хищение овощей сельской молодежью местные жители смотрели как на «шалости», «баловство»[652]. О краже яблок в садах орловские крестьяне говорили: «Кабы люди не крали яблок в чужих садах, может быть, и Бог не зарождал столько плодов»[653]. Не считалось предосудительным сорвать плоды в чужом саду для собственного потребления или в качестве гостинца детям. Однако если огород, в котором росли овощи, был огорожен, то рвать там огурцы

650 *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение 1890. № 4. С. 38.

651 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 529.

652 Там же. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 483; Там же. 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 191.

653 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 10.

считалось кражей[654]. В селах Ростовского уезда Ярославской губернии за кражу с огородов репы штрафовали: взрослых — рублем, несовершеннолетних — полтинником[655].

Следует отметить, что в оценке преступления, а также лица, его совершившего, крестьяне делали различия, которые были обусловлены особенностями обычно-правовых воззрений жителей села. Более важными кражами с точки зрения жителей села считались кражи со взломом: украсть хлеб в амбаре, похитить деньги, взломать замок сундука и т.п. Если кражу совершил малолетний, то дело до суда не доводили, а расправлялся сам хозяин, поймавший вора, или его наказывали родители. Про такого вора крестьяне говорили: «Глуп еще, что его судить, а попался, оттаскал его хорошенько, чтобы больше не думал воровать. Вот тебе и весь суд»[656]. И в этой снисходительности к малолетним воришкам проявлялась народная мудрость, позволявшая, с одной стороны, наказывать правонарушения, а с другой стороны, упреждать их от желания повторить их вновь.

Чаще всего объектом посягательства становилось имущество богатых односельчан. Так, из Орловской губернии сообщали, что «у зажиточных крестьян бедные крадут без всякого смущения, и не считается грехом во время возки хлеба утащить с поля полкопны, но бедные у бедных крестьян редко воруют, разве в случае крайней нужды»[657]. Оценка крестьянами ущерба от кражи зависела прежде всего от имущественного положения потерпевшего. В правовых воззрениях крестьян, основанных на обычном праве, субъективный фактор («глядя по человеку») являлся преобладающим. К краже у бедняка в Ростовском уезде Ярославской губернии относились гораздо строже, чем у богатого крестьянина. Местные крестьяне рас-

654 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 363.

655 Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 394.

656 Там же. 2009. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. С. 619.

657 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 10.

суждали так: «Ежели у богача украдут, то это еще не беда, богач живо поправится, а бедняка обокрадут, так совсем его по миру пустят»[658]. Наибольшее осуждение в вологодских деревнях вызывала кража у бедных и сирот[659].

Крестьяне не воспринимали как преступление кражу у помещика копны ржи или овса, порубку десятка дубков в господском лесу[660]. По понятиям крестьян, воровство у помещика грехом не являлось. В комментариях редактируемого им сборника юрист Ф.Л. Барыков отмечал: «Крестьянин крадет лес у соседнего помещика. Воровство чужого леса — вещь самая обыкновенная: местным обычным правом оно признается если не вполне законным, то все-таки не заслуживающим наказания»[661]. И крестьяне воровали у барина при каждом удобном случае. Они были уверены в том, что соседи их не выдадут[662]. В с. Волконское Дмитровского уезда Орловской губернии крестьяне, не скрываясь от односельчан, производили в экономиях помещиков кражи дров, леса, корма[663]. Не считали преступлением нарубить в барском лесу дров и жители села Шелковка Обоянского уезда Курской губернии, утверждая, что «это не людское, а Божье»[664]. По подсчету Лесного департамента Министерства государственных имуществ только в казенных лесах за 1894—1900 гг. было похищено леса на 1848 тыс. руб., что лишь в ничтожной степени отражало общий ущерб от покушений крестьян на чужую собственность[665].

658 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 395.

659 Там же. 2008. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 119.

660 *Бунаков Н.* Сельская школа и народная жизнь: наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 52.

661 Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / под ред. Ф.Л. Барыкова. СПб., 1880. Т. 1. С. 330.

662 *Безродный М.* Частная земельная собственность. М., 1906. С. 76.

663 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1092. Л. 3.

664 Там же. Д. 680. Л. 1.

665 *Бутовский А.Н.* О лесопорубках // Журнал МЮ. 1900. № 7. С. 82—110.

В основе такого подхода лежали традиционный взгляд крестьян на природу собственности, восприятие труда как единственно справедливого ее источника. Исследователь дореволюционного периода И. Тютрюмов делился своими наблюдениями: «Мне лично приходилось встречать солидных крестьян, которые ни за что не согласятся „положить грех на душу“ — взять что-нибудь чужое, а между тем спокойно едут в чужую лесную дачу и хозяйничают там самым бесцеремонным образом»[666]. Крестьянская логика в данном случае проста и понятна: не может быть собственностью то, к чему не приложен труд. «Лес никто не растил, а он сам вырос, поэтому лесом может пользоваться всякий, кому заблагорассудится»[667]. И такой принцип выступал для крестьян безошибочным критерием. Вот некоторые суждения орловских крестьян, записанные корреспондентом Этнографического бюро в начале 90-х гг. XIX в. О рыбе, пойманной в чужих реках, крестьяне рассуждали так: «Он на нее овса и муки не истратил, поить не поил, ухаживать не ухаживал, а всеми делами управляет Бог, Его и рыба вся, знать, можно ловить каждому». О потраве лугов говорили примерно то же: «Он не пахал, не сеял траву, стало быть, нет тут никакого греха, покормить лошадь»[668]. По утверждению В. Бондаренко, изучавшего обычаи и нравы крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии в конце XIX в., сбор грибов и орехов в чужом лесу считается вполне дозволенным. «Они общие, Бог их зародил для всех», — говорят крестьяне. Взгляд этот до того крепко установился, что запрещения владельца, встречаемые с изумлением и ропотом, никогда не имеют значения»[669].

Принцип «трудового начала», отмеченный еще дореволюционными исследователями обычного права[670], являлся

666 *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 4. С. 276.

667 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 196.

668 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 10—11.

669 *Бондаренко В.* Указ. соч. С. 37.

670 *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 139; *Якушкин Е.И.* Указ. соч.

для русских крестьян основополагающим в определении права собственности. По убеждению жителей села, человек, затративший или употребивший известные усилия, известный труд для овладения (фактического) «ничейной вещью», благодаря этому затраченному труду становится ее полным собственником[671]. Так, в русской деревне не являлся преступлением покос травы на чужом лугу, но жатва хлеба на чужой полосе считалась кражей. Преступными также считались порубка дерева, вырывание плодового куста в чужом саду. Хищение готовых бревен, нарубленных или напиленных дров в лесу, на взгляд крестьян, является непременно преступной и наказуемой кражей[672]. В селах Тверской губернии «вытаскивание рыбы из чужих норотов, как и самовольное пользование сеном на чужих лугах, всеми считается за воровство»[673].

Порой воровство воспринималось не как преступление, а как удаль, особенно если оно совершалось где-то на стороне и не по отношению к своему брату-мужику. Крестьяне-отходники из Тамбовской губернии, служившие на пароходах, подрезали кладь и крали мануфактурный товар женам на наряды. А по возвращению домой рассказывали о своих «подвигах» односельчанам, при явном сочувствии с их стороны[674]. Не считали крестьяне зазорным для себя покупать краденые вещи[675]. В данном случае их дешевизна являлась для них достаточно весомым аргументом, чтобы не быть столь щепетильными и выяснять происхождение продаваемого товара.

Из всех имущественных преступлений самым тяжким в селе считалось конокрадство. В русской деревне пореформенного периода этот вид преступления был до-

---

С. VIII; *Качоровский К.Р.* Указ. соч. С. 134.

671 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 198.

672 Там же. С. 197.

673 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 483.

674 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 7.

675 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 363.

статочно распространен. В период 1864—1866 гг. только официально ежегодно регистрировалось заявлений о краже лошадей от 139 в Тамбовской губернии до 381 в Курской губернии. По данным А.А. Левенстима, специально изучавшего эту проблему, за 1888—1893 гг. в общих и мировых судебных учреждениях губерний Центрального Черноземья (включая Пензенскую и Рязанскую) за конокрадство было осуждено 1 976 человек[676]. Это очевидно малая часть данного вида преступления. Борьба правоохранительных органов с конокрадством в селе по существу не была организована. Розыск украденных лошадей становился личным делом пострадавших. В случае обнаружения конокрада в деревне с ним расправлялись, как правило, посредством самосуда, о чем подробно будет изложено в следующей главе.

Официальное законодательство и нормы обычного права отличались не только в оценке имущественных правонарушений как преступных деяний, но и разнились в оценке меры ответственности виновных за совершенное преступление. Кража рассматривалась в русской деревне как личная обида и частное дело потерпевшего. Ключевым фактором при выборе наказания становилась сумма причиненного ущерба[677]. По нормам обычного права при возмещении потерпевшему убытка и заключении мирового соглашения виновный освобождался от наказания[678]. Волостной суд, по наблюдению юриста К.Ф. Чепурного, смотрел на кражу как на дело частное, а поэтому наказывал за нее довольно легко: незначительным арестом, иногда оставляя совсем без наказания, если стороны помирились[679]. На основе анализа решений волостных судов исследователь обычного права, юрист А. Кистяковский пришел к выводу о том, что «арест и телесные наказания, которые по Уложению о наказаниях считаются более тяж-

676 *Левенстим А.А.* Конокрадство с юридической и бытовой стороны // Вестник права. 1899. № 2. С. 48—49.

677 *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 210—211.

678 *Карцев А.* Наше сельское правосудие // Вестник Европы. 1882. № 1. С. 331.

679 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 23.

кими наказаниями, чем штраф, назначаются за воровство гораздо реже, чем за другие преступления. За воровство очень часто волостные суды подвергают только штрафу с взысканием потерь, причиненных воровством»[680].

Анализ решений Нижеслободского волостного суда Кадниковского уезда Вологодской губернии за период с 1862 по 1895 г. показывает, что значительно увеличилось число дел о кражах, рассмотренных судом: с 2 до 108. Розги как форма наказания за воровство, чаще применяемая судом в первые два пореформенных десятилетия, в дальнейшем заменяются арестом. В книге решений волостного суда в 7 делах о кражах, рассмотренных в 1862—1882 гг., наказание розгами определено в 5 случаях, арест — в 2. Напротив, в 1882—1895 гг. в 17 делах о кражах виновные приговаривались к наказанию арестом по 11 делам, штрафом — по 4, розгами — по 2[681]. Данная тенденция свидетельствовала, во-первых, о росте правовой культуры крестьянства, во-вторых, о том, что судьи при вынесении решений стали в большей мере руководствоваться требованиями действующего законодательства.

В основе обыденного правосознания жителей деревни лежали принципы уравнительности, примата общественного над личным, приоритетности хозяйственных интересов. Причину преступления крестьяне усматривали в греховной природе человека. Правонарушение рассматривалось как личная обида пострадавшего и оценивалось в категориях, далеких от норм классического права. Нравственный императив был преобладающим в обычно-правовых воззрениях русского крестьянства. Вполне закономерно, что обыденные понятия, которые выступали для сельских жителей критериями в оценке тех или иных деяний, отличались от их трактовки в формальном праве. Расхождение норм обычного права с официаль-

680 Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке — начале XX века. М.: Современные тетради, 2003. С. 295—296.

681 Подсчитано по: Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 794—823.

ным законом в оценке преступлений было обусловлено спецификой общественного уклада села.

В оценке имущественных преступлений и лиц, их совершивших, нормы обычного права, в отличие от положений уголовного закона, были более справедливы в выяснении обстоятельств произошедшего правонарушения, в большей мере учитывали его субъективную сторону и адекватность наказания тяжести содеянного.

Прелюбодеяние и блуд

Критерием оценки добропорядочности женщины в русском селе являлись как ее целомудрие до брака, так и верность в семейных отношениях. Соблюдение этих традиционных установок достигалось страхом Божьим, т.е. боязнью совершить смертных грех, и силой общественного мнения села, которое в условиях «прозрачности» деревенских отношений выступало действенным фактором контроля.

Высоко ли ценилась девичья честь в русской деревне конца XIX века? В оценке специалистов нет единства, что, наверное, вполне закономерно. М.М. Громыко с излишней категоричностью утверждает, что девушки, как правило, строго воздерживались от половых отношений до брака[682]. Напротив, на вольное отношение между полами в своей работе обращает внимание исследователь Т.А. Бернштам, которая использовала материалы губерний с развитым отхожим промыслом[683]. Этнограф С.С. Крюкова на основе изучения брачных традиций второй половины XIX в. пришла к выводу о том, что потеря девственности в деревне считалась позором. Подобное требование не распространялось на молодых людей[684]. В этом проявлялся двойной стандарт в оценке добрачного

682 *Громыко М.М.* Мир русской деревни. С. 96.

683 *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988. С. 2, 43, 258.

684 *Крюкова С.С.* Брачные традиции южнорусских губерний II половины XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 44.

поведения представителей разного пола. Таким образом, при наличии в русском селе общепринятого запрета на половые отношения до брака в ряде мест на его соблюдение смотрели не столь строго.

По свидетельству сельского корреспондента бюро из Вологодской губернии, «потеря девственности в деревне считалась грехом, нецеломудренных девушек в селе осуждали, их избегали брать в жены»[685]. В большинстве деревень черноземных губерний, где еще были сильны патриархальные устои, преобладал традиционный взгляд на эту проблему, половые отношения крестьянки до замужества расценивались как большой грех. Если факт грехопадения девушки становился достоянием сельской гласности, то ослушница ощущала на себе всю силу общественного мнения жителей деревни. Вот как описывал эти последствия корреспондент Этнографического бюро из Орловской губернии: «Подруги относятся к ней с насмешками и не принимают ее более в хороводы и игры, считая за большой срам водиться с ней, сторонятся от нее, как от зачумленной. Парни и молодые мужики насмехаются и позволяют себе разные вольности, все остальные относятся с негодованием, называя распутной, греховодницей и блудницей, которая осрамила всю деревню. Отец и мать ее бьют, проклинают, остальные члены семьи с ней не разговаривают»[686]. Именно боязнь осуждения заставляла деревенских влюбленных заглушать голос плоти. Некоторые из них, правда, действовали по принципу «кто грешит в тиши, тот греха не совершает». Житель села Костино-Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии П. Каверин сообщал: «Между молодежью часто доходит до половой связи. Связи эти чисто минутные. Открытые связи считаются большим позором. Девичья честь ставится невысоко, потерявшая ее почти ничего не теряет при выходе замуж»[687].

685 Русские крестьяне... 2005. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 218.

686 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 1.

687 Там же. Д. 2024. Л. 4.

Сближение полов в деревне происходило в рамках традиционных форм сельского досуга. В летнюю пору сельская молодежь собиралась на «улице», где парни и девушки пели любовные песни и вели разговоры, полные недвусмысленных намеков и непристойных шуток. На праздники уходили за околицу, подальше от родительского ока, и там устраивали игры, сопровождавшиеся элементами чувственности (погоней, возней). С наступлением сумерек водили хоровод, во время которого парни брали из круга своих возлюбленных и отводили их в сторону. В Белгородской губернии такое интимное общение называлось «стоганием»[688].

После Покрова основным местом встреч деревенских женихов и невест становились посиделки. Девушки в складчину снимали избу, в которой собирались по вечерам якобы для совместной работы. Но прихваченная из дому прялка была все же более для родителей, а сама девушка спешила на вечерку совсем для иного. Вот как описывал А.П. Звонков поведение сельской молодежи на посиделках в деревнях Елатомского уезда Тамбовской губернии: «Тихо собираются парни кругом избы и разом врываются потом через двери и окна, тушат свечи и бросаются, кто на кого попало. Писк девушек заглушается хохотом ребят; все заканчивается миром; обиженный пол награждается скудными гостинцами. Девушки садятся за донца, но постоянные объятия и прижимания мешают работе. Завязывается ссора, в результате которой ребята-победители утаскивают девушек кто на полати, кто на двор, кто в сенцы. Игры носят дикий характер, в основе которых лежит половое чувство»[689]. В северных уездах Ярославской губернии практиковались «гаски». Огонь на беседах гасился, и молодежь вступала очень часто при этом в свальный грех[690]. О вольном поведении сельской молодежи на посиделках и половых сношениях после них

688 АРГО. Разряд 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1–2.

689 Цит. по: *Семенов Ю.И.* Пережитки первобытных форм отношения полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 45.

690 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 324.

сообщалось в информации из Кадниковского уезда Вологодчины[691]. Между крестьянами малороссийских губерний существовал аналогичный вид разврата, известный под именем «вечерниц», который заключался в том, что по окончании сельских работ, осенью, молодежь, парни и девушки, каждый вечер собирались в какую-нибудь хату к бессемейной вдове, принося ей кто деньги, кто разные угощенья, водку, брагу и пр. Затем устраивалась пирушка, по окончанию которой ее участники попарно ложились спать[692]. Знаток обычного права Е.И. Якушкин сообщал, что «во многих местах на посиделках, беседах и вечеринках по окончанию пирушки девушки и парни ложатся спать попарно. Родители смотрят на вечеринки как на дело обыкновенное и выказывают недовольство, только если девушка забеременеет»[693].

Добропорядочное поведение до брака достигалось посредством обрядовых традиций. До середины XIX в. в русской деревне существовал обычай публичного освидетельствования невинности невесты. После первой брачной ночи с молодой жены снимали рубаху и тщательно ее обследовали. Затем ее, со следами дефлорации, вывешивали в избе на видное место, а над крышей поднимали красный флаг[694]. В Воронежской губернии еще в 80-е гг. XIX века существовал обычай поднимать молодых. Новобрачная в одной рубахе вставала с постели и встречала свекровь и родню жениха. Такая демонстрация, восходящая своими корнями к языческим верованиям, имела цель публично удостоверить невинность невесты[695]. Тяжелыми были последствия для «нечестной» невесты. Ее отцу на второй день свадьбы подносили вина в дырявой

691 Русские крестьяне.... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 672.

692 *Приклонский И.* Проституция и ее организация: исторический очерк. М., 1903. С. 10.

693 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 32.

694 *Кистяков А Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа // Сборник народных юридических обычаев. Б.м., б.г. Т. 1. С. 164.

695 *Селиванов А.И.* Этнографические очерки Воронежского края // Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 86.

посуде[696], родню с бранью выгоняли, саму избивали до полусмерти и заставляли трехкратно ползать на коленях вокруг церкви[697].

Соблюдения добрачного целомудрия в русском селе добивались как родительским контролем, так и силой общественного мнения. Родители строго следили за тем, чтобы девушка до срока не забаловалась. А «прозрачность» отношений в деревне всегда позволяла оперативно реагировать на случаи недозволительного, с точки зрения народной морали, поведения сельских невест. По народным понятиям, разврат являлся грехом, так как он задевал честь семьи (отца, матери, мужа). С целью публичного порицания за блуд в русском селе прибегали к символическим действиям позорящего характера. Гулящим девкам отрезали косу, мазали ворота дегтем, завязывали рубаху на голове и по пояс голыми гнали по селу[698]. В орловских селах парни, преимущественно из тех, кто побывал на стороне, для унижения девушек плохого поведения обливают им платья купоросом и острой водкой[699]. Еще строже наказывали замужних женщин, уличенных в прелюбодеянии. Их жестоко избивали, затем нагими запрягали в оглоблю или привязывали к телеге, водили по улице, щелкая по спине кнутом[700].

Деформация нравственных устоев русского села стала особенно заметна в начале XX в. Благочинные округов Тамбовской епархии, характеризуя состояние деревенской паствы, в своих рапортах отмечали «непристойные песни и пляски», «нравственную распущенность», «разгул и большие вольности», «нарушение уз брачных и девственных»[701]. В отчете в Святейший синод за 1905 г.

696 *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 17; Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 198, 530; Там же. Ч. 1. С. 573; Там же Ч. 2. С. 95, 726.

697 *Кистяков А.Ф.* Указ. соч. С. 167.

698 *Безгин В.Б.* Крестьянский самосуд и семейная расправа // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 154.

699 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 4.

700 *Безгин В.Б.* Указ. соч. С. 154.

701 ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 2 об., 9, 25 об.

курский владыка признавал, что в деревне происходит «ослабление семейных уз, незаконное сожительство, как следствие — увеличение числа внебрачных детей»[702].

Много ли было в селе рождений вне брака? Очевидно одно, что незаконнорожденные дети в городе появлялись чаще, чем в деревне. По сведениям за 1898 г., в Воронежской губернии родилось детей — 145 007, из них в уездах — 139 801, в городах — 5 126, в т.ч. незаконнорожденных в уездах — 902 (0,7 %), в городах — 477 (9 %)[703]. В этом же году в Тамбовской губернии в уездах зарегистрировано 796 незаконнорожденных (0,6 %) на 128 482 рождения, в то время как в городах рожденных вне брака было 598 (6,3 %) из 9 455 рожденных детей[704]. Приведенными цифрами следует оперировать осторожно, так как некоторые крестьянки, с целью скрыть грех, предпочитали рожать в городах. Также можно предположить, что часть детей, родившихся вне брака в городе, приходилась на сельских женщин, находившихся там в качестве прислуги, кухарки и т.п.

Под влиянием модернизации, возросшей социальной мобильности сельского населения, ломки патриархального уклада деревни на добрачные связи стали смотреть спокойнее. Отец и мать легче соглашались с выбором сына, если он говорил, что между ним и избранницей уже был грех. Чаще стало встречаться вступление в половую связь после сговора, когда «вино выпито». После «запоя» в деревнях Моршанского уезда Тамбовской губернии жених не только навещал невесту, но и оставался у нее ночевать. По обычаю это не должно было приводить к интимным отношениям, но, как говорили старые женщины: «Нельзя-то нельзя, да не всегда ведь удержишь мужика»[705]. Зов плоти порой заглушал голос разума. И этой слабости крестьяне тоже находили оправдание. В оценке подобных ситуаций логика крестьянских рассуждений была примерно

702 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2095. Л. 17.

703 *Никольский П.* Интересы и нужды епархиальной жизни. Воронеж, 1901. С. 70.

704 Обзор Тамбовской губернии за 1898 г. Тамбов, 1899. С. 52.

705 Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет Т.А. Листовой. Л. 8.

такой: «Царь не может реку остановить, а молодой человек не может свою кровь унять, когда она разлютуется» или «Царь не волен в ветрах, а человек в своей плоти»[706].

К распутству замужних женщин в селе относились строже, чем девушек, что вполне объяснимо патриархальными взглядами деревенских жителей. «Такие бабы вдвойне грешат, — говорили крестьяне, — и чистоту нарушают, и закон развращают». Таких женщин в селе называли «растащихами дома», «несоблюдихами»[707]. Большинство крестьян расценивали супружескую неверность как тяжкий грех. Жители сел Ярославской губернии, например, говорили, что «лучше пусть будет жена воровкой, пьяницей, чем блудницей!»[708] По свидетельству этнографических источников, «нарушения супружеской верности очень редки в селах»[709].

По традиции на внебрачное сожительство русский народ смотрел строго и считал его большим грехом[710]. В крестьянской среде конца XIX — начала XX в. сохранялось понятие святости венца. Жители села осуждали незаконное сожительство, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчанный брак в деревне был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Большее презрение в таких случаях падало на женщину-полюбовницу. Ее ставили в один ряд с гулящими девками и подвергали всяческим оскорблениям[711].

Профессиональной проституции в деревне не существовало, в этом солидарны практически все исследователи. По наблюдению информаторов Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, проституцией в селе промышляли преимущественно солдатки. Про них в деревне говорили, что

706 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 9.

707 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 378.

708 Там же. С. 365.

709 Там же. С. 434.

710 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. С. 213.

711 *Милоголова И.Н.* Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2. С. 19.

они «наволочки затылком стирают»[712]. По сведениям из Нижегородской губернии, «вдовы и солдатки составляют главный контингент местных сельских проституток»[713].

Длительное отсутствие мужа-солдата становилось тяжелым испытанием для полной плотского желания деревенской молодухи. Один из корреспондентов Этнографического бюро писал: «...выходя замуж в большинстве случаев лет в 17—18, к 21 году солдатки-крестьянки остаются без мужей. Крестьяне вообще не стесняются в отправлении своей естественной потребности, а у себя дома — еще меньше. Не от пения соловья, восхода и захода солнца разгорается страсть у солдатки, а от того, что она является невольной свидетельницей супружеских отношений старшей своей невестки и ее мужа»[714].

Крестьянки ярославского села, оправдывая поведение своих товарок, рассуждали так: «Муж не терпит, а она и подавно не будет терпеть, — он раззадорил ее да и ушел, не женился бы коли до солдатчины...»[715]. В некоторых деревнях Воронежской губернии «на связь солдаток с посторонними мало обращали внимания, и она не преследовалась обществом, а дети, прижитые солдатками незаконно, пользовались такими же правами, как и законные»[716]. По свидетельству из Мещевского уезда Калужской губернии, «довольно часты случаи ухода от жен-солдаток, так как последние редко выдерживают 4—5-летнее отсутствие мужа, поддаются соблазну и иногда без мужа рожают детей»[717].

712 Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 276.

713 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 161.

714 Цит. по: *Щербинин П.П.* Незаконнорожденные дети в семьях солдаток в XVIII—XIX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XIX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 142.

715 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 379—380.

716 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 428. Л. 5.

717 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 552.

Другой причиной измены крестьянских жен своим мужьям могла быть их неспособность к плотскому соитию. Мужскую импотенцию в деревне называли «нестоихой». «Какой это муж! И на человека не похож; никогда не пожалеет»[718]. В приведенной фразе калужской крестьянки слово «жалеет» означает половую страсть. Неспособность мужа к супружеской жизни выступала серьезным аргументом в оправдании внебрачных связей. «Что ж с больным лежать — только себя мучить», — говорили в таких случаях деревенские бабы[719].

Сторонние заработки крестьянок, к которым были вынуждены прибегать сельские семьи, также выступали благодатной почвой для адюльтера. По наблюдениям П. Каверина, информатора из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, «главной причиной потери девственности и падения нравов вообще нужно считать отхожие промыслы. Уже с ранней весны девушки идут к купцу, так у нас называют всех землевладельцев, на работу. А там полный простор для беспутства»[720]. Близость помещичьих усадеб с прислугой — лакеями, кучерами и т.д. — всегда значительно влияла на деревенскую нравственность, понижая ее[721]. По свидетельству псковских крестьян, помещики в прошлом нередко заводили у себя целые гаремы[722].

Негативное влияние на нравственную атмосферу села оказывали отхожие промыслы. В уездах Ярославской губернии бедные семьи посылали лишних женщин и девушек на зиму в прислуги в города, где они в большинстве случаев быстро теряли невинность[723]. Рост числа крестьян-отходников способствовал падению нравственности в деревне. Как сообщал писатель В. Михневич, крестьяне, «которые в своем примитивном состоянии всегда твердо

718 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 552.

719 Там же.

720 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 15.

721 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 503.

722 Там же. 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 246.

723 Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 199.

придерживались принципов крепкого семейного начала и которые по своей натуре никогда не были расположены к разврату, теперь сильно деморализуются и без стеснения нарушают „седьмую заповедь“, когда они пребывают в городах в поисках работ»[724]. Попадая в городской вертеп, знакомясь с доступными женщинами, крестьяне быстро усваивали вкус свободной любви. Крестьянка Орловского уезда А. Михеева, сетуя на падение нравов в селе, признавала, что «мужики как поживут на стороне, то по возвращению заводят любовниц. В разврат пускались часто вдовы и замужние женщины, если муж много старше или в долгой отлучке»[725].

Проявления сельской проституции отмечались обычно в больших фабричных и торгово-промышленных селах, «в селениях, лежащих близ значительных железнодорожных станций или на тракте, к которому приходят партии рабочих, в селениях, служащих рынками найма»[726]. Излюбленным местом сельских жриц любви являлся трактир. Здесь они находили клиентов, а свидания происходили в окрестном лесу, который к вечеру был буквально наводнен любовными парами[727]. Спрос на сексуальные услуги закономерно возрастал в тех селах, где были размещены воинские команды. По утверждению информатора из Вологодской губернии, разврат в с. Вознесенском появился со времени расквартирования в нем отряда солдат в 60 чел., осуществлявших конвоирование арестантов из одного острога в другой[728]. В селах и деревнях с незначительным пришлым населением, жители которых занимались главным образом земледелием или кустарными промыслами, профессиональная проституция практически отсутствовала[729].

724 *Михневич В.* Язвы Петербурга: опыт историко-статистического исследования. СПб., 1886. С. 332.

725 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1320. Л. 3.

726 *Ильюхов А.А.* Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 505.

727 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. С. 306.

728 Там же.

729 *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право [Электронный

По суждениям извне, принадлежащим представителям просвещенного общества, складывалось впечатление о доступности русской бабы. Так, этнограф О.П. Семенова-Тян-Шанская считала, что любую бабу можно было легко купить деньгами или подарком. Одна крестьянка наивно признавалась: «Прижила себе на горе сына и всего за пустяк, за десяток яблок»[730]. Писатель А.Н. Энгельгардт утверждал, что «нравы деревенских баб и девок до невероятности просты: деньги, какой-нибудь платок, при известных обстоятельствах, лишь бы никто не знал, лишь бы все было шито-крыто, делают все»[731]. «Случайная» проституция практиковалась не только женщинами, пожившими в городах, но и бабами, которые долго проработали в помещичьих усадьбах[732].

Изученный материал дает основание утверждать, что в отдельных селах страны существовала т.н. гостеприимная проституция. По наблюдениям публициста С. Шашкова, «на севере России хозяин, отдавая в наем квартиру, предлагает жильцу свою супругу или дочь, увеличивая, разумеется, при этом квартирную плату»[733]. В ряде сел Болховского уезда Орловской губернии существовал обычай почетным гостям (старшине, волостному писарю, судьям, заезжим купцам) предлагать для плотских утех своих жен или невесток, если находился сын в отлучке. При этом прагматичные крестьяне не забывали брать плату за оказанные услуги. В с. Мешкове и с. Коневке того же уезда бедные крестьяне без смущения посылали своих жен к приказчику или к какому-либо состоятельно-

---

ресурс]: пособие для студентов. СПб., 1903. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3908.html (дата обращения: 24.08.2009).

730 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 39.

731 *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. Письмо седьмое // Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. М., 1987. С. 185.

732 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 199.

733 *Шашков С.С.* Очерк русской женщины. СПб., 1871. С. 253.

му лицу за деньгами на табак или на хлеб, заставляя их расплачиваться своим телом[734].

Крестьянки являлись основным контингентом городских домов терпимости, который формировался из числа бывших селянок, приезжавших в город на заработки. По мнению А.И. Федорова, «самая большая часть домов терпимости принадлежит к крестьянскому сословию, меньшая — к мещанскому»[735]. Создание разветвленной сети железных дорог, соединившей многие крупные города империи, поддерживало постоянный приток в город сельских в поисках работы. Большая часть молодого женского населения из разоренной деревни не могла найти сносную работу или устраивалась без достаточного денежного довольствия, что автоматически толкало на рынок сексуальных услуг[736]. Если в начале 90-х гг. XIX в. крестьянки составляли 47,6 %[737] от общего числа проституток Петербурга, то в 1910 г. их доля выросла до 70 %[738]. И это явление можно назвать вполне закономерным. Соблазн большого города сильнее всего действовал на людей, впервые с ним столкнувшихся. И чем мощнее становились миграционные потоки, тем больше усложнялся процесс адаптации приезжих к новым условиям жизни в городе[739].

Девиантность в сексуальных отношениях русских крестьян конца XIX — начала XX в. была обусловлена трансформацией традиционного уклада жизни русского села. Возросшая социальная мобильность сельского населения

734 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 4, Д. 1011. Л. 10, 12.

735 *Федоров А.И.* Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в Санкт-Петербурге. СПб., 1897. С. 20.

736 *Голосенко И.* Русская дореволюционная социология о феномене проституции [Электронный ресурс]. URL: http://socnet.narod.ru/Rubez/10-11/golosenko.htm (дата обращения: 24.08.2009).

737 *Бентович Б.* Торгующие телом: очерки современной проституции. СПб., 1909. С. 40.

738 *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Гетеры, авлетриды и тайные проститутки. Милость к падшим [Электронный ресурс] // Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994. URL: http://www.a-z.ru/women/texts/lebir-1.htm (дата обращения: 14.07.2009).

739 Там же. С. 53.

при ослаблении регламентирующей роли семьи, прихода, общины вела к подрыву нравственных устоев деревни, а следовательно, к большей свободе в сфере половых отношений. Участившиеся связи крестьян с городом, а порой и перемена их социального статуса, разрушали прочность семейных уз, меняли традиционные представления о девичьей чести и супружеской верности.

Половые преступления

В пореформенный период на фоне ухудшения криминальной ситуации в России в целом был отмечен и рост числа сексуальных преступлений. Число таких преступлений, зафиксированных полицией, составляло в среднем в год (тыс.): 1874—1883 гг. — 1,8; 1884—1893 гг. — 3,1; 1894—1905 гг. — 9,7[740]. Данные статистики указывают на то, что за три десятилетия количество сексуальных преступлений в стране выросло более чем в пять раз. Причина заключалась в том, что в ходе модернизации общественной жизни менялись ценностные ориентации и стандарты поведения, а это неизбежно вело к росту отклоняющегося поведения и преступности.

Преступления против чести и достоинства женщины не были широко распространены в русской деревне. За десятилетие с 1857 по 1866 г. в Тамбовской губернии было зарегистрировано 8 596 преступлений, из них растлений и изнасилований — 90, что составило 1,04 % от общего числа совершенных преступлений[741]. Криминогенность крестьянства была значительно ниже уровня преступности представителей других сословий. По данным статистики в Тамбовской губернии, в период с 1881 по 1906 г. за преступления против чести и целомудрия женщин было осуждено 162 человека, в том числе крестьян —

740 *Миронов Б.Н.* Социальная история России в период империи (XVIII — начало XX в.): в 2-х т. СПб., 2000. Т. 2. С. 90.

741 Подсчитано по: Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 г. Тамбов, 1868. С. 2—4.

120, или 74 % от всех осужденных за этот вид преступления[742]. При этом крестьяне в этот период составляли более 90 % населения губернии. Таким образом, исследуемый тип преступлений был в большей мере присущ городскому населению, чем сельскому.

Приведенные выше данные свидетельствуют о незначительном числе таких преступлений, имевших место в сельской среде. Учитывая латентный характер половых преступлений, можно предположить, что как сегодня, так и в прошлом статистика вряд ли отражала всю полноту действительной ситуации. При всей «прозрачности» деревенских отношений факты изнасилования, прежде всего незамужних женщин, часто оставались неизвестными по причине того, что потерпевшие об этом не заявляли. А не делали они этого из-за того, что не хотели стать объектом деревенских сплетен и боялись тем самым подорвать добропорядочную репутацию своей семьи. Был еще один момент, который их удерживал от заявления о совершенном преступлении. Он заключался в том, что жалоба об изнасиловании требовала последующего медицинского освидетельствования. Такой врачебный осмотр, обыденный для следственной практики, вызывал у сельских баб панический страх. В деревне считали, что «бабе свое нутро пред людьми выворачивать зазорно»[743]. Консерватизм взглядов сельских жителей отчасти способствовал сокрытию информации о совершенных преступлениях.

В обыденном восприятии жителей русского села поругание чести женщины считалось грехом и тяжким преступлением. По сообщению корреспондента Этнографического бюро из Тамбовской губернии, «изнасилование женщин, безразлично возрастов и положения, по народным воззрениям считается самым бесчестнейшим преступлением. Изнасилованная девушка ничего не теряет, выходя замуж, зато насильник делается общим посмешищем:

742 Подсчитано по: Обзоры Тамбовской губернии за 1881—1906 гг. Тамбов, 1881—1907.

743 *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1907. С. 273.

его народ сторонится, не каждая девушка решится выйти за него замуж, будь он даже богат»[744]. Правда, в отдельных селениях Орловской губернии случаи изнасилования не встречали столь сурового осуждения, напротив, к ним относились достаточно равнодушно. В случае изнасилования женщины здесь говорили: «Не околица — затворица», а про девушек: «Сука не захочет, кобель не вскочит»[745]. Однако факты изнасилования женщин не были для русской деревни явлением распространенным. По утверждению сельского информатора из Болховского уезда Орловской губернии, «изнасилования случаются очень редко»[746].

По уголовному праву Российской империи изнасилование квалифицировалось как тяжкое преступление. Действующее законодательство за преступления против чести и целомудрия женщины или девицы, достигшей 14 лет, предусматривало наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылку на каторжные работы сроком от четырех до восьми лет[747]. В сельской действительности посягательство на честь и достоинство женщины редко становилось предметом судебного разбирательства. Если это случалось, наказание преступников было не таким строгим, как в официальном законодательстве. В 1884 г. один из волостных судов Бузулукского уезда Самарской губернии приговорил двух крестьян за изнасилование девушки к уплате 10 руб. в пользу родителей девушки и покупке ½ ведра водки в пользу судей[748]. Порой дела такого рода в деревне решали на сельском сходе. По наблюдению кн. Кострова, изучавшего обычное право старожил Томской губернии, насильников наказывали на сельском сходе розгами, а растление очень часто кончалось мировой с обиженной девушкой и ее родственниками[749]. Такая прак-

744 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

745 Там же. Д. 1054. Л. 4.

746 Там же. Д. 1011. Л. 7.

747 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898. С. 697.

748 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 62.

749 *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожил Томской губернии. Томск, 1876. С. 10.

тика, по мнению исследователей, имела достаточно широкое распространение. Правовед А.Г. Смирнов (1877 г.) приводил два решения волостных судов. В одном из них волостной суд по жалобе крестьянской девушки, подвергшейся насилию, определил взыскать за изнасилование с виновного в пользу потерпевшей 24 руб. и 1 руб. в пользу общественных сумм. В другом случае за покушение на изнасилование суд назначил штраф в пользу жалобщицы в размере 9 руб.[750]

Нормы обычного права, бытовавшие в русской деревне, допускали в качестве возмездия месть обидчику. В русском селе были известны случаи самосуда по отношению к насильникам. Так, в Песоцкой волости столичной губернии за изнасилование жены муж со своим приятелем зазвал насильника в баню и повредил ему часть полового органа, отпустивши его, зимой, голого. Местные жители, узнав об этом, одобрительно говорили: «Ловко он его обработал!»[751] В этой же местности молодые ребята жестоко избили мужика, изнасиловавшего малолетнюю девочку. И в этом случае самоуправство деревенских молодцов нашло самую горячую поддержку со стороны односельчан. Они утверждали: «Убить его надо, пакостника!»[752]

По сведениям, собранным князем Н. Костровым за двадцатипятилетний период (1836—1861 гг.), судами Томской губернии было рассмотрено 155 случаев насильственного растления. 19 из числа этих преступлений имели характер инцеста. Одно относилось к растлению дедом внучки, семь — к растлению отцами несовершеннолетних дочерей, три — отчимами падчериц, три — дядями племянниц, два — двоюродными братьями сестер,

750 *Смирнов А.Г.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // «А се грехи злые, смертные...»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века: в 3-х кн. Кн. 1. М., 2004. С. 408.

751 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 374.

752 Там же.

три — малолетними малолетних (14-летний мальчик 3 и 4-летних девочек и 11-летний 4-летнюю). В марте 1845 г. 70 летний крестьянин д. Верхнее-Маицкой Каинского округа Томской губернии Антон Пономарев, напившись пьян, растлил 9-летнюю внучку, девочку Авдотью Пономареву[753]. В июне 1855 г. несколько крестьян с. Шиницина Каинского округа поймали на месте крестьянина Ивана Махина, 70 лет, в прелюбодейной связи с падчерицей Акулиной, 14 лет. Следствием было установлено, что Махин растлил Акулину в 1853 г. и с того времени постоянно жил с ней. Кроме того, в 1855 г. он растлил и другую падчерицу свою, Марью, 9 лет, и так же жил с ней в течение двух недель, пока не был арестован[754]. Государственные крестьяне с. Васильевки Бузулукского уезда, 10 марта 1861 г. объявили местному волостному правлению, что их односелец Тимофей Усков 4 марта был пойман ими на кровосмешении с дочерью своей Агафьею, которая сказала им тогда, что она «грех творит по сильным от отца побоям»[755].

В повседневности русского села сексуальное насилие над детьми не относилось к преступлениям, часто совершаемым. Они носили гетеросексуальный характер: нами не обнаружен ни один эпизод, когда жертвой посягательства стал бы крестьянский мальчик. Отношение жителей русского села к такого рода преступлениям можно установить по свидетельству самих крестьян. К изнасилованию несовершеннолетних девушек в русской деревне относились строже всего: по мнению крестьян, «тот человек, кто совершил такое, становился наравне с сатаной».

Об отношении сельских жителей к данному преступлению можно судить по реакции крестьян на факты насилия над детьми. Корреспондент Этнографического бюро из Новгородской губернии (1899 г.) в своем сообщении приводил случай изнасилования малолетней де-

753 *Костров Н.А.* Указ. соч. С. 74.

754 Там же. С. 77—78.

755 Дело о деревенском инцесте имперского масштаба. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1796000/print. (дата обращения 10.04.2013).

вочки, произошедший в д. Макутине Череповецкого уезда. У крестьянина Харитона Васильева жила в няньках 13-летняя девочка. К нему на ночлег напросился мужик из соседней волости и ночью изнасиловал няньку, покинув дом пока хозяева спали. Утром, узнав о произведенном насилии, крестьянин запряг лошадей и погнался за преступником, захватив с собой в товарищи двух соседей. Насильника настигли в соседнем селе, где он и был задержан местным сельским старостой и передан в руки станового пристава. Преступник был осужден и сослан в Сибирь[756].

О статистике преступлений, связанных с сексуальным насилием над детьми, говорить сложно, поскольку учет их не велся, а в сводки о происшествиях такие факты попадали редко. Так, в полицейской ведомости за 1877 г. зафиксирован случай сексуального насилия над малолетней девочкой, произошедший в пригородной слободе Кирсанова Тамбовской губернии, где крестьянин Свешников, заметив шедших сзади дворов крестьянских девочек, поймал и растлил 10-летнюю Акулину Понясову, угрожая ей ножом. Преступник был задержан и передан судебной власти[757].

Более информативны судебные дела, поэтому мы решили сосредоточить свое внимание на анализе тех немногих фактов, которые были обнаружены в их материалах. Приведем один из таких. Судебным следователем 2-го участка Шацкого уезда Тамбовской губернии 9 мая 1879 г. было возбуждено дело об изнасиловании крестьянской девочки Татьяны Поповой, 10 лет. О произошедшем преступлении властям сообщил волостной старшина на основании словесного заявления отца девочки, крестьянина села Ново-Березов Степана Филипповича Попова[758]. Из показаний потерпевшей следовало, что в воскресенье, 29 апреля, после обеда она с подружкой пошла играть на

756 Русские крестьяне... 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 3. С. 346.

757 РГИА. Ф. 1286. Оп. 37. Д 1258. Л. 133 об.

758 ГАТО. Ф. 69. Оп. 50. Д. 32. Л. 2.

луг. Когда они проходили мимо гумна, то встретили односельчанина Ивана Сафоновича Рассказова, 30 лет, который схватил ее и потащил на гумно. Затем, со слов потерпевшей, он «заворотил сарафан и рубаху, вынул свою „чичирку“ из портков и стал ею пихать пониже живота, от чего из этого места пошла кровь и замарала рубаху, которую мать потом вымыла»[759]. Свидетели, отставной рядовой Кондратий Муравлев и крестьянин Афанасий Поворов, по существу ничего показать не смогли и факт изнасилования не подтвердили. Подружка потерпевшей Елена Берестинская показала, что Иван Рассказов, встретив их, стал играть с Татьяной, а она сама пошла дальше, так как впереди шел ее пьяный отец, и она боялась, чтобы он не упал и не выронил денег[760].

Из протокола № 3 от 23 мая 1879 г. следует, что земский врач Лимберг в присутствии понятых провел судебно-медицинское освидетельствование Татьяны Поповой. В результате чего он пришел к выводу, что «девственная плева цела, и никаких повреждений половых органов не существует, а следовательно, изнасилования не было»[761]. Постановлением от 25 июня 1879 г. дело было прекращено, однако Тамбовский окружной суд определением от 7 августа 1879 г. в прекращении дела отказал и возвратил его для дальнейшего производства по обвинению Ивана Рассказова в попытке изнасилования[762]. Отсутствие в изученных документах судебного решения не позволило выяснить, чем закончилось это дело. Однако можно утверждать, что если изнасилования девочки и не произошло, то действия сексуального характера определенно имели место.

Нами были обнаружены и факты инцеста в крестьянской семье. Вот один из таких эпизодов, ставший предметом судебного разбирательства. В апреле 1878 г. в Тамбовском окружном суде разбиралось дело по обвинению

759 ГАТО. Ф. 69. Оп. 50. Д. 32. Л. 4—4 об.

760 Там же. Л. 5 об. — 6 об.

761 Там же. Л. 7.

762 Там же. Л. 8.

крестьянина села Царевки Кирсановского уезда Егора Цуканова, 30 лет от роду, по обвинению в растлении девицы Христианы Афанасьевой, 12 лет. Из рапорта сотского села Царевки от 14 февраля 1877 г. следует, что крестьянин Егор Михайлович Цуканов изнасиловал свояченицу Христиану. В результате судебно-медицинского осмотра потерпевшей было установлено, что вход во влагалище расширен и имеется разрыв девственной плевы, который произошел вследствие введения во влагалище детородного члена[763].

Аналогичное преступление зафиксировано в следственных материалах дел прокурора Тамбовского окружного суда. Из донесения урядника Архангельской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Щербакова от 20 июля 1915 г. явствует, что девица Пелагея Хорошилова, 16 лет, крестьянка села Архангельского, заявила о том, что в первых числах июля при уборке в поле ржи ее изнасиловал родной отец, Василий Артемович Хорошилов, 37 лет от роду. Свидетелем произошедшего насилия был ее двоюродный брат, Василий Рыльков, 10 лет. Она также добавила, что раньше заявить об этом не могла потому, что отец ее никуда не пускал и угрожал ее задушить[764]. При освидетельствовании П. Хорошиловой был обнаружен надрыв девственной плевы, уже зарубцевавшийся[765].

Факты насилия над несовершеннолетними в русской деревне не часто, но были отмечаемы в сводках о происшествиях, публикуемых провинциальными газетами. Вот одно из таких сообщений, обнаруженное в местной печати. По сообщению корреспондента газеты «Тамбовский край», в селе Дерябкино Ростошинской волости Борисоглебского уезда крестьянин Емельян Луньков, 17 лет, в июне 1914 г. изнасиловал девочку 11 лет. Преступник схватил игравшую у дома своего отца Праскофью и, затащив ее в дом, надругался над ней. Девочка сначала об

763 ГАТО. Ф. 69. Оп. 50. Д. 32. Л. 9—9 об.

764 Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3999. Л. 6.

765 Там же. Л. 19 об.

этом никому не сказала, но затем, сильно заболев, рассказала о произошедшем матери[766]. Чем закончилось следствие и какое наказание понес насильник, нам установить не удалось.

На практике сексуальные действия насильственного характера по отношению к несовершеннолетним редко являлись предметом судебного разбирательства. По сообщению (1899 г.) корреспондента Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, жителя села Крестовоздвиженские Рябинки Болховского уезда Орловской губернии, «при изнасиловании несовершеннолетней родители судились с виновником преступления или брали с него мировую — несколько рублей денег»[767]. Правовые традиции русского села допускали полюбовное решение конфликта сторон как в гражданских, так и в уголовных делах. Такая сделка, по свидетельству сельских жителей, практиковалась в преступлениях против целомудрия[768].

Существование практики примирения в делах об изнасиловании несовершеннолетних детей в досудебном порядке подтверждается как свидетельствами самих крестьян, так и суждениями сторонних лиц. Вот некоторые из них. О.П. Семенова-Тянь-Шанская в своем этнографическом исследовании «Жизнь Ивана» приводит случай, когда караульный яблоневого сада, возраста 20 лет, изнасиловал 13-летнюю девочку, и мать этой девочки примирилась с обидчиком за 3 рубля[769]. По сообщению (1899 г.) информатора из Санкт-Петербургской губернии, молодой крестьянин д. Кусково, отличавшийся распутным поведением, изнасиловал девочку-сироту 15 лет. Тетка потерпевшей хода делу не дала, за что насильник работал на нее целый год бесплатно[770]. В Любимском уезде Яро-

766 Тамбовский край. 1914. 26 июня.

767 Там же. Д. 1054. Л. 4.

768 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 47.

769 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 39.

770 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 374.

лавской губернии богатый крестьянин Н.К. изнасиловал жившую у него в услужении работницу Анну Н., девушку 19 лет. Дело также до суда не дошло, стороны «смирились». Н.К. сшил потерпевшей девушке новое пальто, платье, а родителям ее выдал пятьдесят руб. серебром[771].

Даже будучи осужденными за такие преступления, крестьяне верили, что их примирение с потерпевшей является основанием для освобождения их от наказания. Вот один из таких примеров. 26 февраля 1908 г. к судебному следователю Грайворонского уезда Курской губернии обратилась 15-летняя девочка, крестьянка села Казачья Лисичка, Елена Богданова, и заявила, что 23 февраля, в то время, когда она брала в сарае корм для лошадей, к ней сзади подбежал крестьянин Тимофей Ланшин, повалил на солому и изнасиловал. Суд признал Ланшина виновным в совершенном им проступке и назначил наказание в виде тюремного заключения. Находясь там, он подал прошение: «Прошу освободить меня из тюрьмы ввиду примирения с Еленой Богдановой и ее отцом, вину мою они простили, а Елена согласилась выйти за меня замуж»[772].

Таким образом, правовыми обычаями русского села считались допустимыми как самочинная расправа с насильником, так и примирение сторон при условии материальной компенсации потерпевшей. Позитивное право предполагало иную ответственность за данный вид преступления. Уголовное законодательство Российской империи квалифицировало изнасилование несовершеннолетних как тяжкое преступление. По ст. 1523 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., «за растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, если оно было сопровождаемо насилием, вино-

771 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 20.

772 *Шепелева М.П.* Характеристика уголовных преступников Курской губернии в конце XIX — начале XX в.: гендерные различия и сословная специфика // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. Т. 2. № 3 (18).

вный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком от десяти до двенадцати лет»[773].

До судов доходила лишь малая толика дел об изнасиловании женщин. По этой причине уголовная статистика вряд ли поможет восстановить объективную картину по данной проблеме. С этой оговоркой все же обратимся к этому источнику. Согласно данным ведомостей судебно-медицинских исследований по Тамбовской губернии, растлений и изнасилований в уездах было зарегистрировано в 1870 г. — 7; 1884 г. — 26; 1900 — 31[774]. Даже такое выборочное сравнение за 30 лет указывает на рост сексуальных преступлений. По нашему мнению, за указанный срок выросло не число изнасилований, а увеличилось количество обращений потерпевших. По мере роста самосознания сельской женщины усилилось и стремление защитить свою честь и женское достоинство. Этот вид преступления перестал носить латентный характер.

Исследуя данный вид преступления, следует сказать и о причинах деревенских изнасилований. Нужно признать, что сам крестьянский быт создавал условия для проявления сексуальной агрессии. Половые отношения в семейной повседневности были лишены интимности. В крестьянской избе все спали вместе: и млад и стар, мужчины и женщины. Крестьянские дети могли не раз являться невольными свидетелями соитий своих родителей. Земский врач А.А. Жуковский писал: «Днем и ночью, во время работы и отдыха, сна и развлечений они (т.е. женщины) постоянно находятся в самых близких отношениях с мужчинами, подобно им грубыми, не умеющими обуздать своих страстей и не привыкшими уважать права женщин. Ни в одном слое общества не бывает такого большого числа изнасилований незрелыми мальчиками малолетних девочек, как в простом народе»[775].

773 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898. С. 693.

774 ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1. Л. 150; Там же. Оп. 4. Д. 8. Л. 6.

775 Цит. по: *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996. С. 120.

Анализ содержания судебных дел показал, что преступниками оказывались люди разных возрастных категорий и морально-нравственного облика[776]. Но причиной подобных преступлений не всегда служила только нравственная распущенность мужчин. Своеобразной провокацией сексуальной агрессии мужчин являлся обычай летних ночевок незамужних девушек в так называемых «мазанках» и амбарах. Так создавались оптимальные условия для интимных свиданий, которые порой заканчивались плачевным образом[777].

Некоторые женщины намеренно провоцировали подобные ситуации с целью наживы[778]. Девушки, вступавшие в добрачные связи, не особо тяготились вопросами нравственности до тех пор, пока потенциальные женихи не отказывались жениться. Нового обещания жениться порой хватало для прекращения судебного преследования[779]. В противном случае несостоявшиеся невесты, считая себя потерпевшими, обращались в суд за восстановлением поруганной чести[780]. Так, крестьянка д. Тихвиновки Инаковской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии Марина Уварова обратилась (1914 г.) в окружной суд с обвинением Павла Овчинникова в обольщении. Из показаний потерпевшей следовало, что после лишения ее невинности она имела с Овчинниковым сношения много раз и даже родила от него дочь. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления[781].

Имели место в деревне и так называемые мнимые изнасилования. Примером может служить дело (1914 г.) крестьянина Василия Гребенникова по обвинению его в изнасиловании Анны Карнауховой, 14 лет, крестьянки Космодевьянской слободы Лысогороской волости Там-

776 ГАТО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3233, 3660. Л. 8; Там же. Д. 5054. Л. 3.

777 Там же. Д. 3223. Л. 21.

778 ГАТО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3658. Л. 13, 13 об.

779 Там же. Л. 48.

780 Там же. Д. 3487. Л. 9, 11.

781 Там же. Д. 4157. Л. 10—17.

бовского уезда. Из показаний потерпевшей следовало, что хозяин, будучи пьяным, позвал ее в ригу резать сечку для скота, где и изнасиловал. В результате судебно-медицинского освидетельствования было установлено, что Карнаухова насилию не подвергалась, и судебное разбирательство было прекращено[782].

Одним из видов половых преступлений, преследуемые уголовным законом, являлся инцест (кровосмешение). По канонам Православной церкви, половая связь в кровном родстве и по свойству считалась тяжким грехом. В соответствии с требованием церковного устава на кровосмесителей накладывалась епитимья. Российский закон признавал инцест деянием преступным, уголовно наказуемым и жестоко карал виновных в нем. Воинским уставом Перта I артикулом 173 за кровосмешение в восходящей или нисходящей линии предусматривалась смертная казнь[783]. Уложением о наказаниях 1885 г. виновные в кровосмешении приговаривались «к лишению всех прав состояния и к ссылке в отдаленные места Сибири для заключения там в тюрьме в уединении на шесть лет и восемь месяцев»[784]. При кровосмешении во второй степени родства срок тюремного заключения сокращался вдвое[785].

В правовой традиции русского села кровосмешение воспринималось как грех и преступление, виновник которого, по убеждению крестьян, должен был быть подвергнут осуждению и тяжелому наказанию. Исходя из таких взглядов, сельские жители, как правило, передавали преступника в руки властей[786]. По понятию крестьян, кровосмешение разграничивалось по степени важности и преступности. Считая тяжким грехом и преступлением половые отношения в кровном родстве, жители села при-

782 ГАТО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3796. Л. 12–15.

783 Российское законодательство в X–XX вв.: в 9-ти т. М., 1986. Т. 4. С. 360.

784 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898. С. 751.

785 Там же. С. 753.

786 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 330.

давали меньшее значение случаям кровосмешения при свойстве, еще меньшее — при духовном родстве[787].

В крестьянском дворе, когда бок о бок жило несколько семей, порой возникали замысловатые любовные треугольники. Знаток обычного права Е.И. Якушкин в своем исследовании приводит пример, когда крестьянин 71 года был пойман односельчанами на месте преступной связи с женой родного внука[788]. По сведениям (1899 г.) из Пошехонского уезда Ярославской губернии, в местных селах имелись случаи сожительства тещи с зятем, преступной связи со свояченицей[789]. В орловском с. Коневке было «распространено сожительство между деверем и невесткой. В некоторых семействах младшие братья потому и не женились, что жили со своими невестками».[790] По мнению тамбовских крестьян, кровосмешение с женой брата вызывалось качественным превосходством того брата, который отбил жену. Братья не особенно ссорились по этому поводу, а окружающие к такому явлению относились снисходительно. Дела о кровосмешении не доходили до волостного суда, и кровосмесителей никто не наказывал[791].

Среди преступлений на сексуальной почве наибольшее распространение в русском селе имело снохачество. Следует признать, что половая близость между главой крестьянской семьи (большаком) и снохой не была явлением исключительным, а для патриархального уклада сельского быта — в какой-то мере и обыденным. «Нигде, кажется, кроме России, — писал В.Д. Набоков, — нет, по крайне мере, того, чтобы один вид кровосмешения приобрел характер почти нормального бытового явления, получив соответствующее техническое название — снохачество»[792]. Наблюдатели отмечали, что этот обычай был

787 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 330.

788 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 391.

789 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 504.

790 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 19.

791 Там же. Д. 2036. Л. 3.

792 Цит. по: *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 52.

жив и в конце XIX века, причем одной из причин его сохранения являлся сезонный отток молодых мужчин на заработки. Хотя эта форма кровосмешения была осуждаема просвещенным обществом, крестьяне ее не считали серьезным правонарушением[793]. В ряде мест, где снохачество было распространено, этому пороку не придавали особого значения. Более того, иногда о снохаче с долей сочувствия говорили: «Сноху любит. Он с ней живет как с женой, понравилась ему»[794]. По наблюдению краеведа и этнографа А.В. Балова, в ярославских селах «снохачество, или незаконное сожительство свекра со снохой, явление довольно нередкое»[795].

Причину существования этой формы удовлетворения сексуальных потребностей следует видеть в особенностях крестьянского быта. Одна из причин — это ранние браки. В середине XIX в., по сведениям А.П. Звонкова, в селах Елатомского уезда Тамбовской губернии было принято женить 12—13-летних мальчиков на невестах 16—17 лет. Отцы, склонные к снохачеству, умышленно женили своих сыновей молодыми для того, чтобы пользоваться их неопытностью[796]. Другая причина снохачества — уже упомянутые выше отхожие промыслы крестьян. «Молодой супруг не проживет иной раз и году, как отец отправляет его на Волгу или куда-нибудь в работники. Жена остается одна под слабым контролем свекрови»[797]. Из Болховского уезда Орловской губернии информатор в 1899 г. сообщал: «Снохачество здесь распространено потому, что мужья уходят на заработки, видятся с женами только два раза в год, свекор же остается дома и распоряжается по своему

793 *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву // Юридический вестник. 1877. № 3—4. С. 110—112.

794 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 5.

795 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 464.

796 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

797 *Звонков А.П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. I. С. 128—129.

усмотрению»[798]. Автор корреспонденции из Пошехонского уезда Ярославской губернии отмечал, что при господстве в уезде отхожих промыслов молодые люди нередко через месяц или два уезжают на чужую сторону на год, а то и более, как, например, все лица, живущие в услужении в торговых заведениях г. Петербурга и Москвы[799]. Аналогичны по содержанию сведения из Медынского уезда Калужской губернии: «Часты случаи в семьях, где молодой муж, работая на фабрике, годами отсутствует или отбывает военную службу, а свекор начинает снохачить самым дерзким и грубым образом»[800].

Механизм склонения снохи к сожительству со свекром был достаточно прост. Пользуясь отсутствием сына (отход, служба), а иногда и в его присутствии свекор принуждал сноху к половой близости. В ход шли все средства: и уговоры, и подарки, и посулы легкой работы. Обычно такая целенаправленная осада давала свой результат. В ином случае уделом молодухи становилась непосильная работа, сопровождаемая придирками, ругательствами, а нередко и побоями[801]. Жизнь женщин, отказавших своим свекрам в их плотских желаниях, по мнению сельского корреспондента из Калужской губернии, становилась невыносимо мучительной[802]. По словам крестьянки, испытавшей на себе снохачество, в случае отказа свекру тот мстил снохе, наговаривая на нее сыну всякие гадости о том, что та имела в его отсутствие связь с посторонними мужчинами[803]. Дореволюционный цивилист Е.Т. Соловьев в своем труде отмечал, что, «когда сноха не желает быть сожительницей свекра, ей достаются от него жестокие побои, арест в подполе, погребе или в холодном амбаре»[804].

798 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 19.

799 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губ. Ч. 1. С. 464.

800 Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 433.

801 *Весин Л.* Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. Кн. X. С. 54.

802 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 433.

803 Там же. С. 553.

804 *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: очерки народного юридического быта. Казань, 1888. С. 10.

Типичный пример склонения свекром снох к половой близости приведен в корреспонденции (1899 г.) жителя села Крестовоздвиженские Рябинки Болховского уезда Орловской губернии В.Т. Перькова. «Богатый крестьянин Семин 46 лет, имея болезненную жену, услал двух своих сыновей на „шахты“, сам остался с двумя невестками. Начал он подбиваться к жене старшего сына Григория, а так как крестьянские женщины очень слабы к нарядам и имеют пристрастие к спиртным напиткам, то понятно, что свекор в скорости сошелся с невесткой. Далее он начал „лабуниться“ к младшей. Долго она не сдавалась, но вследствие притеснения и подарков — согласилась. Младшая невестка, заметив „амуры“ свекра со старшей, привела свекровь в сарай во время их соития. Кончилось дело тем, что старухе муж купил синий кубовый сарафан, а невесткам подарил по платку»[805].

Семейные любовные коллизии не всегда разрешались столь благополучно. Противоестественная половая связь в крестьянской семье порой имела трагический финал. По сообщению «Донских областных ведомостей» за 1873 г., жена убила мужа, уличив его в снохачестве[806]. Крестьянин с. Поповка Подгоренской волости Козловского уезда Тамбовской губернии Филимон Волков убил свою жену за незаконное сожительство ее с его отцом[807]. Случай убийства сыном отца-снохача имел место в с. Бежаницы Псковской губернии[808]. В начале XX в. в окружном суде слушалось дело Матрены К. и ее свекра Дмитрия К., обвиняемых в детоубийстве. Обвиняемая Матрена К., крестьянка, замужняя, 30 лет, на расспросы полицейского урядника призналась ему, что в продолжение 6 лет, подчиняясь настоянию свекра, состоит в связи с ним, прижила от него сына, которому в настоящее время около 5 лет. От него же она забеременела вторично. Свекор Дмитрий

805 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 2.

806 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 120.

807 Козловская газета. 1902. 3 октября.

808 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 247.

К., крестьянин, 59 лет, узнав о приближении родов, приказал ей идти в ригу и, как только она родила, схватил ребенка, зарыл его в землю в сарае[809]. В с. Чистые Бочкари Костромской губернии мать крестьянина Кочнева, находившаяся с ним в любовной связи, отравила свою сноху. Поводом к отравлению послужила ревность. Любовную связь матери и сына подтвердили на следствии их родственники[810].

Редко молодые бабы пытались найти защиту от посягательств со стороны свекра в волостном суде, но, как правило, те устранялись от разбора таких дел. Правда, И.Г. Оршанский в своем исследовании приводит пример, когда по жалобе снохи на уговор свекра к снохачеству последний решением волостного суда был лишен «большины»[811]. Но это было скорее исключением, чем правилом. В тех случаях, когда преступная связь свекра со снохой открывалась, виновной, как правило, признавалась женщина, которую ожидала жестокая расправа со стороны мужа. Вот характерный итог самочинной расправы. «Жена была избита до полусмерти; волосы наполовину были вырваны, лицо превращено в один сплошной синяк, тело исщипано, одежда изорвана в мелкие клочки, так что женщина очутилась на улице совсем нагая»[812].

Следует отметить, что при определенной распространенности этого преступного порока в русской деревне крестьяне прекрасно осознавали всю тяжесть греха такой связи. Так, в Орловской губернии кровосмешение оценивалось как большое преступление перед православной верой, за которое не будет прощения от Бога на том свете[813]. Ярославские крестьяне приравнивали снохачество к кровосмешению с дочерью. «Муж и жена — одно тело, един дух.

809 *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 285.

810 Тамбовский край. 1914. 17 июня.

811 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 58.

812 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 553.

813 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1320. Л. 4.

Отец, живший с женой сына, все равно, что живет со своим сыном или дочерью»[814]. По отзывам крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, снохачество встречалось часто, но традиционно считалось в селе самым позорным грехом. Снохачи на сходе при решении общественных дел игнорировались, так как каждый мог им сказать: «Убирайся к черту, снохач, не твое тут дело»[815]. В селах Псковщины к снохачеству относились неодобрительно: снохачей в местных деревнях величали «блудниками», «срамниками»[816]. Крестьяне Калужской губернии в качестве наказания удаляли снохачей из сельского общества[817].

По признанию сельского информатора из Тверской губернии, «на взаимные отношения членов семейства снохачество имеет самое пагубное влияние: в большинстве случаев результатом его бывают ссоры, ругань, раздел и каторжная жизнь жены, иногда — уход ее из дома, но до волостного суда дела о снохачестве не доходят»[818]. Аналогичен вывод, содержащийся в корреспонденции, присланной из Ярославской губернии: «Нам никогда не приходилось слышать, чтобы дело о снохачестве разбиралось на волостном суде»[819]. При этом действующее уголовное законодательство за кровосмешение в первой степени свойства (т.е. с тещей или свекром, зятем или снохой) предусматривало наказание в виде ссылки на жительство в Сибирь или отдачу в исправительные арестантские отделения[820]. Таким образом, оценка данного преступления в обыденном сознании крестьян существенно отличалась от требований официального законодательства.

814 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 200.

815 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

816 Русские крестьяне... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 246.

817 Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 330.

818 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 478.

819 Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 201.

820 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898. С. 753.

По мере распада патриархальной семьи и увеличения числа крестьянских разделов снохачество как явление сельского быта стало сходить на нет. Эта тенденция была подмечена информаторами Этнографического бюро. Один из них, житель Васильсурского уезда Нижегородской губернии С.В. Корвин-Круковский, в частности, сообщал, что «с ослаблением родительской власти, с более частыми и распространенными в настоящее время семейными разделами и выделами, более частые в старину случаи снохачества в настоящее время становятся все более и более редкими»[821].

О сексуальных инверсиях в крестьянской среде писать труднее всего в силу скрытости этого явления, а соответственно, и отсутствия источников. Однако можно определенно утверждать, что половые извращения для сельского населения были характерны в меньшей мере, чем для просвещенной части общества. По свидетельству публициста конца XIX в. С.С. Шашкова, «противоестественные пороки распространены ужасно. Педерастия свирепствует не только на Кавказе и в других азиатских местностях, но и в Петербурге и везде, даже в деревнях. Она распространена в войсках и особенно в закрытых учебных заведениях»[822]. Напротив, Н. Костров отмечал, что в сибирских деревнях этот порок почти неизвестен. По его данным, за период с 1836 по 1861 г. было всего 4 дела по обвинению в гомосексуализме, из которых в 3-х были замешаны малолетние дети[823].

Впервые уголовная ответственность за половую связь между мужчинами была предусмотрена в российском законодательстве второй половины XVII в. В качестве наказания содомитов сжигали. В ст. 166 Воинского устава Петра I за добровольное мужеложство предписывалось «жестоко на теле наказать обоих». Насильственные действия карались смертной казнью или вечной ссылкой на

821 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 153.

822 *Шашков С.С.* Указ. соч. С. 250—251.

823 *Костров Н.* Указ. соч. С. 76.

галеры[824]. По своду законов 1842 г. уличенных в педерастии лишали всех прав состояния, наказывали плетью и ссылали на каторжные работы. Согласно ст. 996 Уложения 1885 г. за квалифицированные виды извращений (педерастия с насилием, с малолетним или слабоумным) назначались каторжные работы сроком от 10 до 12 лет[825]. В Уложении 1903 г. наказание за мужеложство было смягчено. Педерастия с обоюдного согласия каралась заключением в тюрьму сроком не менее трех месяцев. При наличии отягчающих условий срок заключения увеличивался до трех лет. Насилие по отношению к ребенку, не достигшему 14 лет, наказывалось каторжными работами на срок до 8 лет[826].

К фактам лесбийской любви отечественное законодательство было более снисходительным. Половое сношение между женщинами, совершенное не публично и по взаимному согласию, уголовному преследованию не подлежало. Однако ответственности подлежало сношение с ребенком до 14 лет. За этот вид преступления закон предусматривал наказание в виде заключения в исправительный дом на срок не более трех лет. В случаях квалифицированных — злоупотребление властью и угроза — наказание усиливалось: заключение в исправительный дом сроком не менее трех лет.

Что касается правоприменительной практики, то нам не удалось обнаружить ни одного уголовного дела по обвинению крестьянок в данном виде преступления. Однако следует отметить, что дореволюционный исследователь права профессор И. Тарновский утверждал, что гомосексуализм не является таким уж противоестественным, как считали многие. Он подчеркивал масштабы распространения лесбиянства в качестве народного обычая среди лиц, находящихся на нижних ступенях социальной

824 Российское законодательство в X–XX вв. Т. 4. С. 358-359.

825 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898. С. 513.

826 Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. М., 1903. С. 165–167.

лестницы[827]. Крестьянское общество воспринимало сексуальные отношения, адаптируя их к гетеросексуальной схеме. Американский исследователь Лора Энгельштейн в своем исследовании приводит пример крестьянки Марии Шашниной. Она сумела обеспечить полное удовлетворение сексуальных потребностей ряда жительниц своей деревни на «манер мужчины», как позже они признавали на суде[828]. В этнографических источниках имеется лишь одно упоминание о девице 28 лет, имевшей связь с молодой вдовой соседней деревни. В селе ее называли «двухсбруйной», из чего можно предположить, что речь шла о женщине-гермафродите[829].

Изученные источники дают возможность утверждать, что мужской гомосексуализм, наказуемый по уголовному праву, не был распространен в крестьянской среде. К ответственности по обвинению в педерастии, согласно сведениям уголовной статистики, в период с 1874 по 1904 г. в России было привлечено 1066 мужчин, из которых 440 было осуждено[830]. На 100 осужденных за это преступление на долю крестьян приходилось 56,6 %, в то время как в общих данных о преступлениях их доля составляла 68,6 %[831]. Этот порок был в большей мере характерен для российских городов. Удельный вес жителей города составлял 12,8 % от всего числа населения страны, в то же время 45 % осужденных за содомию составляли горожане. На долю сельских жителей приходилось 55 % осужденных педерастов, при том что 87,2 % россиян проживало в деревнях[832]. Интересна статистика в плане занятий осужденных. Среди осужденных за му-

827 *Тарновский И.* Извращение полового чувства у женщин. СПб., 1895. С. 131.

828 *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 165.

829 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 65.

830 *Пятницкий Б.И.* Половые извращения и уголовное право. Могилев, 1910. С. 11.

831 Там же. С. 12—13.

832 *Пятницкий Б.И.* Половые извращения и уголовное право. Могилев, 1910. С. 18—19.

желожство 31,6 % приходилось на занятых в сельском хозяйстве, а на фабрично-заводских рабочих, поденщиков и прислугу — 37,4 %[833].

Одним из каналов проникновения в сельскую среду преступной страсти следует признать отхожий промысел. В 1860-е гг. предметом судебного разбирательства стала проституция в петербургских банях артелей банщиков. Столичные педерасты находили себе партнеров среди молодых извозчиков, дворников, подмастерий, одним словом, вчерашних выходцев из деревни[834]. Таким образом, преступному пороку в большей мере были подвержены маргинальные слои общества. Определенное влияние в плане сексуальной ориентации на русское село оказало просвещенное общество, которому в большей мере были присущи половые извращения[835]. Профессор В. Тарновский, ссылаясь на мнение известных ему гомосексуалистов, сообщал, что по их отзывам «русский простолюдин относится крайне снисходительно к порочным предложениям, „барским наклонностям“, как он их называет»[836].

Педерастия в крестьянской среде не получила широкого распространения: жители села относились к содомскому греху с нескрываемым отвращением[837]. Назвать в русском селе кого-то «мужеложником» значит жестоко обидеть. В феврале 1869 г. крестьянин Боровлянской волости Барнаульского округа Томской губернии Михей Щукин назвал так крестьянина Матвея Усольцева. Хотя на суде он объяснил, что это была с его стороны шутка, волостной суд присудил к штрафу за бесчестье в пользу

833 Пятницкий Б.И. Половые извращения и уголовное право. Могилев, 1910. С. 13—14.

834 *Мержеевский В.* Судебная гинекология: руководство для врачей и юристов. СПб., 1878. С. 238.

835 *Барсенев В.В., Марков А.Р.* Полиция и геи: эпизод из эпохи Александра III [Электронный ресурс]. URL: http://anti-gey-kompromat.blogspot.com/2008/02/blog-post_6649.html (дата обращения: 10.08.2009).

836 Цит. по: *Пятницкий Б.И.* Указ. соч. С. 9.

837 Русские крестьяне... Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 505.

обиженного в размере 3 руб., а в качестве дополнительного наказания назначил ему 15 ударов розгами[838].

Таким образом, общественное мнение села табуировало проявления гомосексуальных отношений в крестьянской среде. Хотя нельзя исключить, что крестьяне, имевшие такую наклонность, могли искать себе сексуальных партнеров в городе. Например, по данным полицейского отчета по Тамбову за 1874 г., в купальнях под городским садом замечены были в мужеложстве козловский мещанин Николай Попов и крестьянин Никифор Сыроежкин[839].

Выявленные нами данные фрагментарны, но в общем позволяют сказать, что установленные случаи «любви по-гречески» в среде русских крестьян были немногочисленны, хотя юристы и этнографы проявляли профессиональный интерес к этому вопросу. Эти наблюдения подтверждаются и полным отсутствием соответствующей темы в крестьянском фольклоре.

Следует признать, что половые инверсии в сельскую среду вносились преимущественно извне. Неслучайно те немногие факты гомосексуализма в русской деревне, ставшие достоянием гласности, были связаны с представителями иного сословия, а порой и другой этнической принадлежности. В Пошехонском уезде Ярославской губернии был известен помещик, который удовлетворял свою страсть, покупая услуги надлежащих субъектов из местных крестьян. Как к самому помещику, так и к его сексуальным партнерам народ относился с отвращением и ненавистью. В этой местности поселился швейцарец-сыровар, который вовлек в порок педерастии слабоумного пастуха[840]. По сведениям уголовной статистики, процент осужденных за гомосексуализм иностранцев превышает более чем в семь раз процент их в общих данных о преступности (4,77 % и 0,67 %)[841]. В калужских селах противоестественные пороки за преступление не считались,

838 *Костров Н.* Указ. соч. С. 76.

839 РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. Д. 1309. Л. 162 об.

840 *Костров Н.* Указ. соч. С. 76.

841 *Пятницкий Б.И.* Указ. соч. С. 13.

над ними лишь смеялись, особенно над мужеложством. Местные крестьяне, ходившие на заработки в Крым, по возвращении рассказывали о крымских татарах, особенно склонных к педерастии, и смеялись друг над другом, называя «татарской женкой»[842]. Мнение русских крестьян о предрасположенности татар к мужеложству подтверждается данными судебной статистики. Так, доля представителей этого народа (10,45 %), осужденных за педерастию, в десять раз больше, чем привлеченных за все виды преступлений (1,21 %)[843].

Первые сведения о наказаниях за скотоложство относятся к первой половине XII века. В Уставе Ярослава о церковных судах говорится, что «с животиною (т.е. блудить со скотом) — 12 гривен, а в епитимью вложить». Воинским уставом артикулом 165 предписывалось виновных в этом преступлении «жестоко на теле наказать»[844]. Свод законов 1842 г. карал сей порок лишением прав состояния, наказанием плетьми и ссылкой на поселение. Уложением о наказаниях 1885 г. ст. 997 ссылка на поселение была заменена ссылкой в отдаленные места Сибири[845]. Уголовное уложение 1903 г. преследовало скотоложство только в случае публичности действия, заключением в тюрьму на срок не более шести месяцев, в случае причинения мучений животному — арестом не более семи дней или штрафом до 25 рублей[846].

По мнению автора очерка «Русская проституция» С.С. Шашкова, «скотоложство распространено, кажется, еще больше, чем педерастия. В некоторых местностях, например, в северо-восточных губерниях, крестьяне пользуются им даже как медицинским средством, будто бы избавляющим от лихорадки»[847]. По наблюдениям кн. Ко-

842 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 558.

843 *Пятницкий Б.И.* Указ. соч. С. 15.

844 Российское законодательство в X–XX вв. Т. 4. С. 358.

845 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898. С. 513.

846 Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. М., 1903. С. 173.

847 *Шашков С.С.* Указ. соч. С. 251.

строва, исследовавшего юридические обычаи населения Томской губернии, скотоложство в селе — явление не редкое. Среди местных крестьян оно совершалось из суеверия, т.к. считалось единственным средством от продолжительной лихорадки[848]. Таким образом, оба автора мотивом совокупления с животными считали бытовавшие в данных селах суеверия.

Утверждение данных авторов о распространенности скотоложства в русских селах не нашло своего подтверждения в изученных нами источниках. Напротив, есть основание утверждать, что этот грех, а в оценке уголовного права и преступление, не был свойственен русским крестьянам. По сообщению сельских корреспондентов, «противоестественные пороки не существуют»[849], «скотоложство встречается как очень редкое исключение между идиотами и слабоумными пастухами»[850]. Криминалист В.О. Мержеевский, изучивший сведения по Петербургскому окружному суду за период с 1866 по 1872 г., обнаружил только 30 дел о скотоложстве. Среди обвиняемых было 23 крестьянина, 4 нижних чинов, 2 мещанина и 1 иностранец[851].

Скотоложство, как и мужеложство, воспринималось крестьянами прежде всего как великий грех, а лишь потом как преступление. По сообщению информатора (1899 г.), крестьяне одного из сел Болховского уезда Орловской губернии говорили, что в недавнее время одного крестьянина судили за содомию и сослали в Сибирь. В то же время над мужиком, замеченным в скотоложстве, только издевались и не давали ему прохода насмешками, но наказания не было[852]. Мужики д. Козлово Ростовского уезда Ярославской губернии жаловались земскому начальнику на своего односельчанина за то, что он «портит их кур»,

848 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 391.

849 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 558.

850 Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 505.

851 *Мержеевский В.* Указ. соч. С. 268.

852 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 5.

от чего у тех выходит наружу вся внутренность[853]. В одном из селений Симской волости той же губернии крестьянин вступил в половую связь с овцой. Крестьяне овцу эту убили, потому что, по их мнению, такая овца принесет зверя — наполовину человека, а наполовину скота[854]. Из с. Покровского Шухтовской волости Новгородской губернии (1899 г.) информатор А.Н. Власов сообщал, что местный житель, холостой крестьянин 40 лет, Максим Федоров, «содержал полюбовницу-кобылу, на которой его не раз видели соседи»[855].

То, что факты скотоложства имели место в сельской среде, подтверждается и материалами полицейского ведомства. В рапортах уездных исправников Тамбовской губернии за 1908 г. отмечено два таких эпизода. Пристав 5-го стана Тамбовского уезда рапортом от 7 июня 1908 г. доносил о том, что крестьянин с. Шадровка Курдюковской волости Яков Еремеевич Казьмин, 50 лет от роду, совершил скотоложство с лошадью крестьянина с. Пановы Кусты Прохорова Тихоновича Попова. Преступник был задержан и вместе с дознанием сопровожден в распоряжение судебного следователя[856]. В рапорте от 14 сентября 1908 г. тамбовский уездный исправник сообщал, что в имении землевладельца Ивана Хренникова Лавровской волости конторщик Иван Иванович Аверьянов 30 августа с.г. был застигнут на скотном дворе совершающим плотское совокупление с собакой — самкой по прозвищу «Тигра». Обвиняемый Аверьянов от роду 41 года, семейный, имеет жену и детей[857].

Считая соитие со скотиной делом греховным и богомерзким, крестьяне верили, что Бог непременно покарает скотоложников. Информатор Этнографического бюро, жительница Орловского уезда той же губернии, А. Михе-

853 Русские крестьяне... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 381.

854 Там же.

855 Там же. 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 3. С. 349.

856 ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6676. Л. 294.

857 Там же. Д. 6677. Л. 603.

ева сообщала: «В народе распространен порок скотоложства, этот порок тщательно скрывается, только поговаривают тогда, когда спрашивают у кого-нибудь, где отмолить этот грех и как. Занимаются этим старые солдаты, не имеющие семьи. В народе считают, что у таких людей всегда родятся дети-уроды. У одного мужика родилась девочка без ручек, у другого — мальчик без зрачков»[858].

В других селах к зоофилам местные жители относились не столь терпимо и не полагались только на Божий суд. Человека, замеченного в противоестественном пороке, немедленно изгоняли из деревни и отправляли на богомолье, причем давали ему от общества удостоверение, в котором было сказано, что такой-то был послан на богомолье за такое-то преступление. Самый меньший срок богомолья был 1,5 года, а самый большой — 4,5[859]. Сельский корреспондент этнографического фонда из Болховского уезда Орловской губернии Ф. Костин приводил случай, когда местный крестьянин застал Кирилла Передкова на лесной поляне во время его соития с кобылой. Весть об этом быстро облетела село. Был созван сход, куда привели крестьянина вместе с «возлюбленной», а затем их «обвенчали». Отец прилюдно проклял скотоложника, которого изгнали из общества, отправив по монастырям замаливать грех. Спустя три года Кирилл Передков вернулся и был принят обратно в общество, но дурное прозвище осталось за ним, как, впрочем, и соответствующее отношение земляков[860].

Неприятие сельскими жителями греха скотоложства было обусловлено и тем, что всякий такой факт, ставший достоянием гласности, подрывал репутацию общины в целом. Например, жителей с. Семьяны Нижегородской губернии обитатели соседних деревень называли «кобылятниками», что воспринималось теми как позорное и оскорбительное ругательство. Причиной тому стал крестьянин, который был пойман в противоестественном со-

858 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1320. Л. 5.

859 Там же. Д. 1011. Л. 20.

860 Там же. Л. 21—26.

вокуплении «с кобылой»[861]. Девушки селений Мещевского уезда Калужской губернии, для того чтобы посмеяться над парнем, который им неприятен, называли его «кобыльником» или «коровником»[862]. Таким образом, в русском селе сила общественного порицания являлась более действенным средством, чем закон.

Осуществленное исследование позволяет сделать некоторые выводы. Религиозные установки, осуждающие проявления сексуальной активности вне рамок семьи, являлись фактором, сдерживающим девиантное поведение в половой жизни русских крестьян. Отношение деревенских жителей к изнасилованиям определялось правовыми традициями села и социальным статусом потерпевших. Самочинная расправа с насильником, а в большей мере примирение сторон при условии материальной компенсации в делах такого рода являлись действием норм обычного права. По мере роста правосознания сельские женщины стали чаще обращаться в судебные органы с целью защиты своей чести и достоинства. Противоестественные пороки традиционно воспринимались в русском селе как тяжкий грех перед Богом и в меньшей мере — как преступление перед законом. Для правотворческой деятельности и судебной практики российского государства изученного периода характерно как смягчение наказания, так и увеличение числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за половые преступления.

861 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 29—30.

862 Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 558.

Крестьянское правосудие

Сельские суды

До введения Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. российское сельское население формально не имело общего сословного суда. На практике основным органом для разрешения конфликтных ситуаций в деревне по-прежнему выступали общинные суды. Члены комиссии по преобразованию волостных судов пришли к выводу, что «начало обычая крестьян судиться своим домашним судом так же старо, как стар сам русский народ»[863]. И.Г. Оршанский утверждал, что коллективное разбирательство дел при участии всех членов общины «русский народ считал лучшей формой самоуправления и самосуда»[864]. По мнению С.В. Пахмана, народные суды существовали исстари, без каких-либо указаний закона[865].

В пореформенный период в русской деревне продолжала функционировать система неформального сельского суда. Она была представлена сельским сходом, судом стариков, семейным судом, судом сельского старосты, судом соседей и самосудом. Их решения основывались исключительно на обычном праве.

Весь быт крестьянского населения, установившийся, сложившийся исторически, объяснял стремление отдельных крестьян подчиниться суду своих односельчан, часто не имеющему ничего общего с формальным судом,

863 *Чернявский С.П.* Народный суд. Каменец-Подольск, 1901. С. 32.

864 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 12.

865 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 379.

писаным законом, но вполне удовлетворяющему совести и экономическим понятиям сельского обывателя. М.И. Зарудный в своем исследовании отмечал, что крестьянин во всех своих сомнениях и спорах обращался к миру, оберегающему хозяйственные интересы каждого общинника для собственной пользы. «Как мир решит, — говорил крестьянин, — я миру не противник»[866]. По информации из Елатомского уезда Тамбовской губернии, в конце XIX в. «оскорбление, потравы, лесные порубки и т.п. мелкие споры об имуществе на сельских сходах разбирают сплошь и рядом. Не подчиняются этому суду только самые упорные и при исключительных обстоятельствах»[867].

Традиции патриархальной семьи наряду с родственными связями, которые объединяли иной раз до половины деревни, обусловили существование семейных судов или судов родственников. Они рассматривали исключительно проступки, совершенные членами семейства как в домашнем обиходе, так и вне его. Семейный суд вершил домохозяин, в случае необходимости прибегая к совету мужчин-домочадцев. Как правило, семейный суд был скорым, и если он кого-то из родных признавал виновным, то наказание осуществлялось незамедлительно. Случалось, что провинившийся член семьи пытался найти защиту у общественных судов. Но те в большинстве случаев занимали сторону большака и утверждали его решение[868].

По мере развития крестьянского индивидуализма происходило все более заметное отторжение старых обычных норм в сфере семейных отношений. В начале XX в. отчетливо обозначилось недовольство прежними патриархальными порядками и стремление к их законодательному пересмотру. Так, в одном из крестьянских ходатайств предлагалось «постановить статью в законе, чтобы отец не обижал родных детей своевольно и своебылинно по его усмот-

866 *Зарудный М.И.* Указ. соч. С. 55.

867 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 10.

868 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 831. Л. 21; Там же. Д. 1708. Л. 48.

рению, кому дать больше, а кому меньше. Прежний закон опирался на родителей — как отец хочет, так и творит!»[869]

Одной из форм общинного суда в русских селах был суд стариков. В нем участвовали наиболее опытные люди в деревне, прекрасно знавшие обычаи и традиции, обычно-правовые нормы. Они, как правило, избирались в определенном числе для разрешения различных конфликтов или приглашались сельским старостой для рассмотрения дел крестьян-общинников в индивидуальном порядке. По данным К.Ф. Чепурного, он был распространен в русской деревне практически повсеместно: из 82 волостей его деятельность не была зафиксирована лишь в 3[870].

Общественный суд выбирали тогда, когда всем сходом сразу нельзя решить дело, нередко он предшествовал сходу. Суд состоял их 4-х крестьян с хорошей репутацией не моложе 45—50 лет и старосты. Задача суда состояла в том, чтобы не допустить по возможности односельчан с жалобой друг на друга к начальству, рассудить спор своими силами, внутри общины. Суд стариков решал спорные случаи семейных разделов, драки, потравы, оскорбления, нарушения запрета работы в праздничные дни. При необходимости суд выносил и наказания. Так, в Тамбовской губернии суд стариков в Кулеватовской волости приговаривал виновных крестьян к аресту на короткий срок, в Перкинской, Отъясовской, Питерской волостях — к небольшому штрафу[871]. Наиболее часто к суду стариков прибегали для разбора дел об обидах и оскорблениях. Крестьяне считали, что в делах такого рода старики — более беспристрастные судьи на том основании, что ввиду близости смерти они не хотели брать греха на душу. Свою роль играло традиционное для деревни уважение к старшим по возрасту. Старики признавались более подходящими судьями, потому что от них не обидно было выслушивать выговор и даже брань[872].

869 Неизвестная Россия. М., 1992. Т. 2. С. 183.

870 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 2.

871 *Березанский П.* Указ. соч. С. 15.

872 *Тенишев В.В.* Правосудие в крестьянском быту. Брянск,

Приверженность крестьян неформальному сельскому суду, и в частности суду стариков, Н.В. Калачов объяснял их близостью крестьянским интересам: «Стоит послушать, особенно на сельских сходах, в которых подчас и доныне решаются стариками тяжебные дела, хозяйственные споры и общественные распорядки, их полные практического смысла доводы... Это ясное понимание своих и общественных нужд, эти трезвые суждения, не поддающиеся ни житейской неприязни к подсудимым, ни страху перед сильными людьми, ни презрению к беспомощным и слабым, — все это невольно располагает в пользу этих неграмотных, но крайне рассудительных стариков»[873]. Сами крестьяне необходимость суда стариков объясняли так: «Если бы все прямо в суде судиться, в волость ходить, то очень часто надо было бы бывать там, потому в крестьянском хозяйстве нельзя, чтобы каждодневно мелких дел возникало; поэтому неужели из-за каждой малости в суде судиться?»[874]

Таким образом, суд патриархов в русской деревне основывался на обычаях, носителями которых выступали сельские старожилы. Богатый жизненный опыт в сочетании со знанием сути рассматриваемых дел позволял суду стариков успешно разрешать конфликтные ситуации, возникавшие в сельской повседневности.

Высшим должностным лицом в сельском обществе являлся староста. Он избирался на сельском сходе. Его функции были весьма разнообразны. Староста созывал и распускал сельский сход, председательствовал на нем, приводил в исполнение мирской приговор, наблюдал за исправным содержанием мостов, дорог, соблюдением правил строительного и пожарного уставов, контролировал сбор податей и порядок отбывания повинностей, принимал необходимые меры для охранения благочестия.

1907. С. 48.

873 *Калачов Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. VIII. С. 144.

874 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. I. С. 383.

Староста должен был иметь огромный опыт и быть приверженным кодексу моральных устоев: строгое поведение в быту, в семье, уважение к старшим, добросовестное отношение к работе. В его обязанности входило безусловное исполнение требований местной полиции, судебных следователей, распоряжений земского начальника и всех установлений властей. Он мог подвергать наказанию в виде общественных работ до 20 дней, штрафу в пользу мирских сумм до 1 руб. или аресту до 2 суток, и он этой властью при необходимости пользовался[875]. Однако эти действия старосты могли быть обжалованы в 7-дневный срок через мирового посредника.

В сельской повседневности часто возникали конфликтные ситуации, и старосте практически ежедневно приходилось вмешиваться в споры для их полюбовного решения. Так, в Изосимовской волости Тамбовской губернии крестьяне говорили: «Жалобы приносятся прежде всего старосте, который старается смирить тяжущихся»[876]. Таким образом, в глазах крестьян староста выступал представителем неформального сельского судопроизводства. Крестьяне Покровской волости той же губернии заявляли, что когда в какой драке или ссоре обращались к старосте, то он склонял стороны к миролюбию. Суд старосты носил характер примирительного разбирательства[877]. В то же время при необходимости охраны общественного спокойствия староста не останавливался перед применением жестких мер по отношению к нарушителям порядка.

Одной из простых форм общинного суда являлся суд старосты. В обыденных спорах, а порой и ссорах крестьяне в целях установления правоты охотно обращались к старосте, чтобы тот их «урезонил и примирил».[878] Исследователь обычного гражданского права России С.В. Пахман отметил: «Обыкновенно сельские старосты разбирают и решают дела маловажные: брань, драку и т.п., а для

875 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 22–26.

876 *Березанский П.* Указ. соч. С. 14.

877 Там же.

878 *Птицын В.В.* Указ. соч. С. 20.

дел более важных собирают какой-либо другой, принятый в данной местности обычаем суд, или же тяжущиеся обращаются прямо в волостной суд»[879]. Разбирательство у старост было обусловлено тем, что в большей части волостей жалобы, обращаемые в волостной суд, подавались через старосту, который пользовался этим, чтобы до рассмотрения дела в волостном суде привести стороны к миру[880].

Староста не судил единолично, а для разбора дел приглашал стариков или добросовестных односельчан. Обращение местных жителей к суду старосты было обусловлено и тем, что тот мог действовать по закону, применяя к виновным наказание. Так, к старосте деревни Саловка Валуйского уезда Воронежской губернии 15 марта 1881 г. обратился Иван Малов, который просил разобраться с его братом Федором. Они с братом разделили имущество, а надел остался общим. Но Федор захватил весь участок и начал его пахать. Староста воспретил это, однако Федор продолжал распашку, за что и был арестован на сутки[881]. Наказания староста употреблял как крайнюю меру, а в большинстве случаев он стремился примирить односельчан, чтобы восстановить между ними добрые отношения и не доводить дело до суда.

Сельский сход как традиционная форма крестьянского самоуправления обладал и судебными функциями. Главным субъектом обычного права в деревне была признана община (сельское общество). Последняя получила следующие права: внутридеревенского распоряжения землей, принадлежащей крестьянам на правах собственности; контроля за целостностью межевых знаков на крестьянских землях; увольнения из своей среды порочных членов и др. Сохранение и законодательное закрепление коллективной общинной собственности на землю ограничивало право крестьян быть полновластными участниками гражданских правоотношений. Правоспособность крестьян

879 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 383.

880 *Скоробогатый П.* Устройство крестьянских судов. М., 1880. С. 2.

881 ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 65.

была существенно ограничена и в других отраслях права.

По сведениям знатока обычного права Е.И. Якушкина, сход для разбирательства судебных дел мог быть полным, состоящим из всех домохозяев, или малым, на который созывались только некоторые. Такие сходы по составу были различны: состоящие из нескольких стариков, приглашаемых для разбора дел старостой; домохозяев, избранных в волостные судьи, или выборных на волостной сход[882]. Разбирательства судебных дел волостными сходами отмечены в Самарской, Владимирской и Саратовской губерниях[883].

При решении вопросов наследования крестьянского имущества, как и при рассмотрении ряда других имущественных дел (например, опеки, раздела имущества между братьями, выдела одного из членов семьи и др.), согласно ст. 21, 38, сельские обыватели могли применять нормы обычного права. Ст. 107 устанавливала приоритет местных обычаев над законами при производстве и решении дел волостными судами[884].

Сельские сходы часто разбирали взаимные несогласия супругов, буйство в семье, прелюбодеяния и иного рода семейные дела[885]. Е. Якушкин отмечал, что разлучение супругов по приговору сходов встречалось довольно часто. Развод совершался большей частью по обоюдному согласию супругов, но иногда и по требованию одного из них[886]. Гражданский развод в селе санкционировался негласно общиной и общественным мнением. По наблюдениям Ф. Костина из Орловского уезда: «В нашей местности разводы бывают при вмешательстве сельского схода

882 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. XVI.

883 Там же. С. XVII.

884 *Шатковская Т.В.* Особенности легализации российским государством обычно-правовых норм во второй половине XIX века (по документам крестьянской реформы 1861 г.) // Материалы III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы научных исследований — 2007». Днепропетровск, 2007. Т. 6. С. 15.

885 Там же.

886 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 23.

и народного суда. При таких разводах вторично жениться супругам, конечно, нельзя, но они имеют полное право, по народному мнению, жить раздельно, не притесняя один другого. Когда желают разойтись и просят об этом общество, то должны указать причины. Когда есть дети, то их оставляют с отцом, будь они девочка или мальчик. Но если мать пожелает взять с собой девочку, то это ей позволяется. Если муж и жена разводятся, не имея детей, то ей разрешается взять свое имущество и приданое. Если разводятся супруги, имея детей, то жене не все выдается, а часть холстов, детских рубашек оставляется. После развода муж не обязан выдавать жене ни месячины, ни других пособий, и она должна жить, как хочет. Когда после развода у крестьян от любовниц рождаются дети, то они были обязаны кормить их до совершеннолетия, и если девочка, то выдать замуж, если мальчик, определить его куда-то в зятья или в усыновление. Но большей частью таких детей определяют в воспитательные дома или подкидывают»[887].

Сельская община выступала хранительницей нравственных устоев деревни, осуществляя подчас жесткий контроль над поведением своих членов. Выполнение неписаных норм сельского общежития достигалось прежде всего силой общественного мнения, а в случае необходимости и теми многообразными санкциями, которые мир применял к нарушителям. Замкнутость сельского сообщества и «прозрачность» внутридеревенских отношений практически не оставляли возможности скрыть тот или иной неблаговидный проступок. Безупречная репутация имела для крестьянина большое значение. Она служила основой авторитета и уважения со стороны односельчан, являлась надежной гарантией при совершении имущественных сделок, придавала значимость высказываниям на сельском сходе. И напротив, крестьян, снискавших себе дурную репутацию, сторонились, избегали иметь с ними деловые отношения, старались не вступать с ними в брак, духовное родство. Часто их изводили насмешками, обидными прозвищами, а при

887 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1245. Л. 11, 12.

случае попрекали за прошлые грехи. Такой сельский бойкот порой был страшнее розог волостного суда.

Крестьянский мир проявлял заботу о духовном развитии и нравственном облике односельчан. На сельском сходе принимали решения о строительстве церквей и содержании причта, об открытии школ для обучения сельских детей, разбирали случаи безнравственного поведения местных жителей и т.п. Так, на волостном сходе Садовской волости Бобровского уезда Воронежской губернии 9 декабря 1889 г. было принято решение, которое обязывало сельских выборных лиц следить за тем, чтобы «лица моложе 17 лет не допускать в трактиры и пивные». Далее в мирском приговоре указывалось на то, что «пьяных малолеток сельская полиция и старосты должны были забирать в сельскую управу, освобождать их по вытрезвлению не иначе как по просьбе родителей и опекунов»[888].

Суд сельского схода по закону являлся судом для рассмотрения дел о семейных разделах, земельных спорах и разделе наследства. Наряду с этим он осуществлял и неофициальную функцию, выступая для однообщественников последней инстанцией для решения большинства незначительных дел. К сельскому сходу обращались также, если решения суда стариков, сельского старосты не удовлетворили тяжущиеся стороны, т.е. он неформально выполнял функции апелляционного органа. Приговор сельского схода носил для крестьян характер окончательного решения, которое, как правило, не обжаловалось. Обращение крестьян к суду своих односельчан для разрешения возникающих жизненных коллизий — яркое свидетельство доверия коллективному разуму схода. Вверяя решение тяжбы общинному суду, селяне прежде всего надеялись на справедливое (основанное на обычае) и быстрое (без излишних формальностей) решение вопроса.

Суд сельского схода, как это было в Тамбовской губернии, имел характер примирительного разбирательства. Это делалось с целью не доводить до волостных судов мелких дел и тем самым освободить тяжущиеся стороны

888 ГАРФ. Ф. 102. Оп. ДП. 2 д-во (1889). Д. 158. Ч. 15. Л. 9 об.

от излишней траты времени для явки на волостной суд, когда они от места его нахождения живут более или менее отдаленно: верст за 20 или 25, в другом селении[889]. По сведениям из Валуйского уезда Воронежской губернии, если сход разбирал случай мелкой кражи, побоев или какой-либо другой обиды, и виновный был уличен, то он должен был просить прощение у стариков и особенно у обиженного. После этого на виновного накладывался штраф[890]. В селах Казанской губернии крестьяне во всех делах обращались сперва к старосте, который мирил тяжущихся, а в случае неуспеха созывался сельский сход. Сход всегда мирил, а иногда и решал дело[891]. По мнению жителей Бугурусланского уезда Самарской губернии, «все дела больше согласием кончаются: подерутся мужики, или из-за земли какая ссора выйдет, или наследством согласиться не могут, сейчас на сход идут и говорят: „У нас так и так — разберите нас“. Сход и склоняет их к миру»[892].

При определении меры ответственности за содеянное «мир» учитывал не только тяжесть проступка, но и личность виновного. Сельский сход обращал внимание на хозяйственную состоятельность, семейное положение, репутацию преступника, одним словом, «судили по человеку». Правовед И.Г. Оршанский замечал, что «для народного суда личность обвиняемого имеет первенствующее значение: как члена мира, как соседа, домохозяина и плательщика налогов. Все это имеет значение в выносимом решении. О личности выносят суждение на основе всестороннего знакомства „мира“ с каждым членом, что возможно только в условиях крестьянского быта»[893]. Такая «прозрачность» сельских отношений позволяла не только выяснить мотивы совершенного преступления и определить степень его социальной опасности, но и вынести справедливый при-

889 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 106.

890 *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 99.

891 *Скоробогатый П.* Указ. соч. С. 13.

892 Там же. С. 17.

893 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 146—147.

говор с учетом всех смягчающих вину обстоятельств.

В деятельности крестьянских судей смешивались судебные и административные функции. Они активно участвовали в предварительном расследовании, выступали хранителями фискальных интересов общества. Главная задача сельского суда, по мнению П. Скробогатого, состояла в соблюдении общинной справедливости — уравнении прав и выгод обоих тяжущихся[894].

Исстари сельский «мир» самым решительным образом избавлялся от криминального элемента в своей среде. Нередко за особо тяжкие преступления ссылали в Сибирь. Так, по данным 1860 г., из Казанской губернии было сослано в Сибирь по приговорам сельских обществ государственных крестьян — 46 человек, из удельных — 5; 13 человек по решению крестьянских сходов отдали в рекруты «за дурное поведение»[895].

Закон предоставлял общине право удаления человека из крестьянской среды за антиобщественное поведение. Так, сельский сход с. Старая Дегтянка Козловского уезда Тамбовской губернии 23 июня 1891 г. приговорил изгнать из общества Лариона Нестерова за дурное поведение, которое выразилось в кражах и пьянстве[896]. Нередко эти меры носили и профилактический характер. Крестьяне применяли их по отношению к тем, кто, по их мнению, был нечист на руку. Исследователь С.В. Кузнецов приводит пример составления приговора в отношении крестьян, подозреваемых в краже хлеба из амбара. Большинством голосов они, как вредные люди, были удалены из общества[897]. Своим приговором общество с. Атманов Угол Моршанского уезда Тамбовской губернии от 10 августа 1891 г. удалило из жительства сразу 5 жителей села. Три

894 *Скоробогатый П.* Указ. соч. С. 63, 64.

895 *Егоров Е.В.* Наказание по обычному и государственному праву в чувашской дореволюционной деревне [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/Egorov_D.pdf (дата обращения: 23.09.2010).

896 ГАТО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 715. Л. 16.

897 *Кузнецов С.В.* Культура русской деревни // Очерки русской культуры. М., 1998. Т. 1. Общественно-культурная среда. С. 230.

брата Черниковых были замечены в краже барана, пилы, овса. Василий Пивоваров и Вукол Неверов украли колеса, муку, пшено. Самое главное, что все пятеро подозревались в угоне 20 лошадей, пропавших еще осенью. И хотя вина крестьян доказана не была, мир посчитал, что оснований для данного решения достаточно[898]. В 1908 г. крестьяне с. Гладышево Тамбовского уезда постановили на сельском сходе выселить из села крестьянина Романова за порочное поведение. До этого уже были выселены три человека. Приговор был утвержден более чем двумя третями голосовавших и передан мировому посреднику[899]. Сеславинский волостной суд Усманского уезда Тамбовской губернии постановил: «На основании 233 и 396 ст. Устава сельского судопроизводства, крестьян С.Ф. Шанина и Н.С. Тульских, не исправившихся предпринимаемыми над ними местным начальством законными мерами, и как суду известно, что они кроме объясненных проступков несколько раз были замечены в других подобных поступках, за которые не были судимы и наказаны, предоставив обществу поступить с ними на основании означенных выше статей, т.е. не признает ли оно полезным и нужным удалить их из своего общества с ссылкой в Сибирь на поселение»[900].

Сельские общества достаточно активно пользовались правом удаления из общины односельчан, совершивших преступление. В 1895 г. по суду на поселение в Сибирь было сослано 2 713 человек, а по приговорам сельских обществ — 5 398[901]. Примечательно, что число сосланных в Сибирь без суда было вдвое больше, чем отправленных на поселение по судебным решениям. Крестьяне шли на эту крайнюю меру, несмотря на то, что затраты по высылке ложились на само сельское общество[902].

898 ГАТО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 715. Л. 16.

899 Там же. Д. 222в. Л. 36—37.

900 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 362.

901 *Левенстим А.А.* Указ. соч. С. 45.

902 *Астырев Н.М.* Указ. соч. С. 264.

Обычай утверждения завещания на сельском сходе был обусловлен традициями и особенностями крестьянского быта. Свобода завещания у крестьян была ограничена, завещать имущество кому-то, помимо законных наследников, было нельзя. По справедливому суждению современника, сельское общество являлось контролирующим органом, который наблюдал за соблюдением обычных правил о наследстве в завещательных распоряжениях своих членов; круговая порука делала такое вмешательство необходимым[903].

Если говорить о наказаниях, налагаемых сельскими сходами, то одним из наиболее распространенных следует признать розги. Саратовские крестьяне на сей счет свидетельствовали, что розгами весьма часто наказывают на сельском сходе за маловажные проступки, чтобы «поучить» виноватого, не доводя дело до волостного суда[904].

Не менее распространенной формой наказания на сходе было угощение водкой, налагаемое обществом на своих членов за неисполнение ими обязанностей в отношении к обществу. Так, в Озерецкой волости Московской губернии, если крестьянин не городил свою изгородь или не выходил на работу для исправления натуральных повинностей, то сельский сход в виде наказания, приговаривал его поставить известное количество водки, которая затем и распивалась всем обществом[905]. Водка также использовалась при заключении мировых сделок на сельском сходе. Магарыч выступал средством склонить противника к миру, вознаграждением судей за их участие в разбирательстве дела и как наказание провинившимся[906].

Важную роль играла водка при приведении в исполнение решения сельского схода. Автор корреспонденции из с. Овстуга Брянского уезда Курской губернии (1898 г.) сообщал, что «если магарыч поставлен, приговор приво-

903 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 86.

904 *Якушкин Е.* Указ. соч. С. 44.

905 *Скоробогатый П.* Указ. соч. С. 27.

906 Там же.

дится в исполнение сразу, иначе дело будет вестись до тех пор, пока крестьянин не угостит мир»[907]. Угощение сельского схода вином осуществлялось и при других правовых решениях: установлении опеки, усыновлении, избрании на должность[908].

Вино являлось непременным атрибутом сельского правосудия. И эта традиция отличалась единообразием в различных частях сельской России. На Вологодчине по местному обычаю крестьянин, уличенный в преступлении, независимо от наказания выставлял общине водку, которую распивали всем миром[909]. В казачьих станицах Дона «виновный большею частью сам покупал обществу водку и все, что требовали; если же он не делал этого добровольно, то общество само брало в его счет. Для этого оно снимало с виновного платье или брало другое какое имущество и закладывало кабатчику или продавало тут же с аукциона желающим из присутствующих. Это называлось ободрать виноватого. Подобное обдирание бывало нередко и без всякого суда»[910]. В деревнях Рыльского уезда Курской губернии (1895 г.) за мелкие преступления, преимущественно кражи, суд стариков приговаривал виновного к штрафу в размере четверти или половины ведра водки[911]. Писарь составлял мировую о том, что такие-то в присутствии старосты помирились и обязаны друг на друга суду не жаловаться. Староста свидетельствовал документ своей подписью. Вино распивалось участниками примирения[912]. Для виновного заключение мировой сделки было

907 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1078. Л. 86.

908 Там же. Д. 1048. Л. 3.

909 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 583.

910 *Тимощенков И.В.* Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2. С. 158.

911 Архив Института этнологии и антропологии РАН. Коллекция ОЛЕАЭ. Д. 108. Л. 8 об.

912 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века. С. 158–159.

выгодно, на магарыч он тратил 1—2 руб., а в волостном суде сумма штрафа могла бы составить 5—10 руб.[913]

Водка играла роль отступного в деревенских спорах и конфликтах. Правый или потерпевший назначал виноватому то количество вина, за которое он соглашался помириться. «Ставь вино, а то хуже будет, суду пожалуюсь». Обычно сходились на 1/4 или 1/2 ведра[914]. По сообщению из Нижегородской губернии (1899 г.): «При заключении частных мировых сделок „магарычи“ покупает виновная сторона потерпевшей с тем, чтобы покончить дело миром и не доводить его до судебного разбирательства»[915]. В источниках встречаются упоминания о том, что виновный в совершении какого-либо преступного деяния, чтобы не быть выданным в руки властей, угощал сельский сход водкой. Принимая угощение водкой, мир давал прощение за совершенное правонарушение. Аналогичным образом откупались должностные лица при обнаружении растраты ими общественных сумм[916].

Кроме упомянутых судов, в русских селах также встречался суд волостного схода. Деятельность таких судов была отмечена исследователями во Владимирской, Самарской, Саратовской и других губерниях. В делах, касающихся договоров между сельскими обществами разных волостей, устраивали окрестные суды, двухволостные. Например, крестьяне Соболевской волости Юрьевского уезда Костромской губернии, имея дело с крестьянами другой волости, устроили двухволостной суд, на котором было представлено по трое судей, выбранных от этих сел, которые совместно и решили спорное дело[917].

К концу XIX века общинные суды являлись неотъемлемой частью правовой реальности русского села. Ко-

913 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 36.

914 *Пахман С.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 383.

915 Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 59.

916 Там же. С. 55.

917 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 107.

миссия по преобразованию местного самоуправления, руководимая М.С. Кохановым, даже пришла к выводу «о необходимости предания законной силы сельским судам, выдержавшим испытание временем»[918]. Однако нельзя не согласиться с мнением знатока обычного права А. Леонтьева о том, что общинные суды хотя и сильны своей стариной, но перестали в полной мере удовлетворять потребности крестьян в правосудии[919]. Модернизационные процессы ломали сословную замкнутость крестьянства, формировали новые социально-экономические отношения в селе. Крестьяне все чаще были недовольны решением общинных судов, требуя возможности апелляции к судам по закону.

---

918 Цит. по: *Шатковская Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века. С. 467.

919 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 59.

Самосуд русских крестьян

Специальных исследований, посвященных самосудам, в дореволюционной и советской историографии практически нет. Определить роль самосуда в жизни деревни пытались исследователи народных обычаев. Их работы носят преимущественно описательный характер. Примеры крестьянских самосудов и их классификацию приводит в своем исследовании В.В. Тенишев[920]. По мнению И. Оршанского, они были обусловлены общинным укладом русской деревни и соответствовали народным понятиям о справедливости[921]. Е. Якушкин рассматривал самосуд как одну из форм сельского суда, считая его личной расправой потерпевшего над обвиняемым[922]. Самобытной формой общественного наказания считали самосуды исследователи советской поры В. Челидзе, Е. Бусыгин и др.[923]. С позиции правовой ментальности русских крестьян трактует этот феномен правовых обычаев исследователь Т.В. Шатковская[924]. Обстоятельную статью пробле-

920 *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907.

921 *Оршанский И.Г.* Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.

922 *Якушкин Е.И.* Обычное право: мат-лы для библиографии обычного права. М., 1910. Вып. 1.

923 *Чалидзе В.* Уголовная Россия. М., 1990; *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973.

924 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских кре-

ме крестьянского самосуда посвятил историк С. Фрэнк. Он считает самосуд проявлением народной культуры[925]. Современный исследователь Т.И. Трошина, изучив явление самосуда в революционную эпоху и трактуя его как форму социального контроля, приходит к выводу о том, что он служил «целям сохранения социальности, поддержки внутригрупповой солидарности, поощрения к совершению одобряемых поступков и проявлению желаемых коллективу моделей поведения»[926].

Согласно нормам обычного права самыми тяжкими преступлениями в деревне являлись поджог, конокрадство, воровство. В крестьянском представлении кража считалась более опасным и вредным преступлением, чем преступления против веры, личности, семейного союза и чистоты нравов. Потерпевший рассматривал кражу его зерна или его коня как покушение на него самого вопреки официальной трактовке такого рода преступлений уголовным кодексом. Из всех имущественных преступлений самым тяжким в селе считалось конокрадство. Конокрадство, по мнению крестьян, — преступление более опасное, чем воровство, исключая кражи церковных денег и утвари[927]. По сообщению из Тверской губернии: «На конокрадство смотрит народ как на тяжкое преступление, потому что лошадь для крестьянина настолько необходима, что без нее он пропадет»[928]. В Калужской губернии крестьяне считали, что «без лошади и мужик не хозяин, поэтому в случа-

стьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000.

925 *Фрэнк С.* Народная юстиция, община и культура крестьянства 1870—1900 // История ментальностей и историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 233—238.

926 *Трошина Т.И.* Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыты (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. С. 195.

927 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 22.

928 Русские крестьяне... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 484.

ях угона лошади они принимали все меры к розыску похищенного животного и наказанию виновного»[929]. Крестьяне сознавали, что невозможно сидеть сложа руки ввиду грозящей опасности остаться без лошади. Мужик полагал: раз преступление направлено против него лично, то и наказание должно быть прямым и непосредственным. Он не мог быть уверен в том, что преступника вообще накажут: конокрады умело скрывались, и волостные власти чаще всего не могли своими силами справиться с этим бедствием[930].

Факты самосуда над конокрадами были отмечены большинством дореволюционных исследователей русской деревни[931]. Священник села Петрушково Карачевского уезда Орловской губернии Птицын в сообщении 25 мая 1897 г. так описывал местный самосуд: «С ворами и конокрадами крестьяне расправляются по-своему и могут убить совсем, если вовремя пойман, а увечья часто бывают таким людям»[932]. К конокрадам, застигнутым на месте преступления, крестьяне были безжалостны. Сельский обычай требовал немедленной и самочинной расправы над похитителями лошадей. Вот некоторые примеры таких самосудов. В д. Танеевке Обоянского уезда Курской губернии «крестьяне как-то гнались за вором, укравшим лошадь, и, поймав его в лесу, убили»[933]. Житель с. Казинки Орловского уезда той же губернии В. Булгаков 30 июня 1898 г. сообщал в Этнографическое бюро: «Крестьяне с конокрадами поступают очень жестко, если поймают с лошадьми. Доносят начальству они редко, а большей частью расправляются самосудом, т.е. бьют его до тех пор,

929 Русские крестьяне... 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 185.

930 Там же. С. 236.

931 *Поликарпов Ф.* Нижнедевицкий уезд: этнографические характеристики. СПб., 1912. С. 142; *Тенишев В.Н.* Указ. соч. С. 33, 47; *Семенов С.П.* Из истории одной деревни (записки волоколамского крестьянина) // Русская мысль. 1902. Кн. 7. С. 23; *Пахман С.В.* Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 1. С. 17 и др.

932 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

933 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 685. Л. 6.

пока он упадет полумертвым»[934]. Крестьяне с. Красного Холма так «поучили» кольями одного конокрада, что тот умер от побоев[935]. В малороссийских селениях Рыльского уезда Курской губернии пойманному конокраду в задний проход вставляли ключку (крючок, которым дергали сено из стога) или же, раздев донага, привязывали в лесу к дереву на съедение комарам[936]. Казаки безжалостно избивали воров и конокрадов кулаками, кнутами и палками, нанося им при этом серьезные увечья, иногда даже выкалывали глаза. Очень часто профессиональных воров и конокрадов забивали насмерть или с камнем бросали в воду[937]. Этнограф Е.Т. Соловьев в своей статье о преступлениях в крестьянской среде (1900 г.) приводит примеры, когда пойманным конокрадам вбивали в голову гвозди и загоняли деревянные шпильки под ногти[938]. Единственное, что могло спасти конокрада или поджигателя от смерти, — это самооговор в убийстве. По юридическим обычаям крестьяне считали себя не вправе судить за грех (т.е. убийство) и передавали задержанного в руки властей.

В случаях «хищения в особо крупных размерах» (лошади, коровы, мешки с мукой или зерном и т.п.) виновного ждало суровое наказание. Примеры, почерпнутые из периодики тех лет, весьма разнообразны: вору за кражу коровы выбили молотком зубы[939]; за кражу посошников с сохи вора избили до потери сознания, после чего разрезали живот[940]; конокрадов повесили за большие пальцы

934 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 13.

935 Московские ведомости. 1879. № 57.

936 Архив ИЭА РАН. К. 14 (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 108. Л. 4.

937 *Краснов С.Ю.* Наказание виновных по обычному праву донских казаков во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. URL: http://fstanitsa.ru/traditions (дата обращения: 19.11.2010).

938 Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 281.

939 Московские ведомости. 1879. № 57.

940 Русский курьер. 1880. № 203.

рук над костром до страшных ожогов[941]; конокраду вбили гвозди в пятки[942]; за кражу меда вора опустили головой в воду и держали, пока не умер[943]; за кражу хлеба воров избили и привязали к хвостам лошадей, гоняя их по мерзлому полю, пока они не умерли[944]; у конокрада сдирали с рук и ног кожу, вытягивали жилы и в завершение топорами на мелкие части разрубили голову[945]; крестьянин избил конокрада и щепкой выколупал ему глаза[946]; конокраду привязали один конец веревки к шее, другой к ногам, натянув ее так, что лопнул позвоночник[947]; вор был найден убитым с размозженной головой, в заднее проходное отверстие была вставлена палка, другой конец которой вышел через рот[948].

Решение о самосуде принималось, как правило, на сходе, домохозяевами 35—40 лет во главе со старостой. Приговор выносился втайне от местных властей, чтобы они своим вмешательством не препятствовали расправе. Практически всегда уличенного вора ждала смерть. Так, крестьяне деревни Григорьевской Самарской губернии 3 декабря 1872 г. собрались на сходку и порешили поймать Василия Андронова, обвиняемого в конокрадстве и поджоге, и разобраться с ним. Под предводительством старосты он был найден и убит. В Казанской губернии крупный вор по общему согласию крестьян был убит на берегу реки сельским старостой железным ломом и зарыт в песок. В Саратовской губернии шестерых конокрадов повесили и бросили в снег. Застигнутого с поличным конокрада застрелили из ружья в Вятской губернии. Крестьяне Самарской губернии делали на «каштанов» (т.е. конокрадов) облавы, а при их поимке бросали жребий,

941 Московские ведомости. 1881. № 71.

942 Неделя. 1878. № 26.

943 Русский курьер. 1879. № 101.

944 Новости. 1883. № 45.

945 Русские ведомости. 1885. № 14.

946 Там же. 1884. № 136.

947 Там же. 1884. № 153.

948 СПб ведомости. 1873. № 134.

кому приводить приговор мирского схода в действие[949]. Даже если вора не убивали, его ожидала суровая кара. В случае предания конокрадов волостному суду, тот приговаривал их к максимально возможному наказанию — 20 ударам розгами[950]. А в ряде сел Саратовской губернии, вопреки закону, приговаривали к 100 и 200 ударам[951]. Часто такие экзекуции заканчивались смертью.

Староста или волостной старшина обычно являлись сами на место экзекуции. Наконец, один из них останавливал жителей деревни: «Будет, ребята, бить, а то, пожалуй, насмерть мошенника забьем, тогда отвечать за него придется». Избиение прекращалось, и жертву тащили под арест, где и оставляли за крепким караулом. Нередко бывали такие случаи, что на утро в арестантской находили труп помещенного в нее вора. Если вор оставался живым, то его обычно держали под арестом несколько дней, пока он не поправлялся от побоев, с целью избавления от следов на теле. После этого вора передавали в руки власти. При следствии весьма трудно было обнаружить обстоятельства такого истязания вора, потому что не только крестьяне, но даже церковнослужители деревни, где происходил самосуд, не хотели показывать против лиц, участвовавших в нем, т.е. всей деревни[952].

Бытование в русской деревне самочинных расправ над преступниками было обусловлено традиционным крестьянским представлением о праве общества карать виновного. Жестокость крестьянских самосудов преследовала цель внушить общинникам страх перед неминуемым наказанием и тем самым предотвратить повторение по-

949 *Матвеев П.А.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 1. С. 30; *Соловьев Е.Т.* Преступление и наказание по понятиям крестьян Поволжья // Там же. СПб., 1900. Т. 2. С. 281, 282; *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 19.

950 *Духовский М.В.* Имущественные преступления по решениям волостных судов. М., 1891. С. 107, 108.

951 *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. XII.

952 Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке — начале XX века. М., 2003. С. 104—106.

добных преступлений. Речь идет не просто о существовании самосуда как архаически сохранившегося пережитка, а о создании новой нормы обычного права применительно к конкретным участникам и видам преступлений.

Не менее жестоко в деревне расправлялись и с поджигателями. Пожар для деревянных строений села был поистине страшным бедствием. Последствием огненной стихии являлось полное разорение крестьянского хозяйства. Поэтому жители села не церемонились с теми, кто пускал «красного петуха». Если поджигателя задерживали на месте преступления, то его жестоко избивали так, что он умирал[953]. По сообщению корреспондента «Тамбовских губернских ведомостей» (1884 г.), в селе Коровине Тамбовского уезда крестьянина, заподозренного в поджоге, привязали к хвосту лошади, которую затем несколько часов гоняли по полю[954]. Дореволюционный исследователь Д.Н. Жбанков приводит пример (1900 г.) самосуда местных жителей над поджигателем в д. Лепеши Гродненской губернии. Он, в частности, пишет, что толпа во время пожара схватила заподозренного в поджоге и подвергла его страшным истязаниям: раскаленным железом ему выжгли глаза и жгли все тело, а один из крестьян взял топор и отрубил ему голову[955].

Традиция крестьянского самосуда отличалась особой устойчивостью. Используя сами разрушительную силу огненной стихии в борьбе с ненавистным помещиком, крестьяне были непримиримы к тем, кто поджигал избы и имущество. В 1911 г., по сообщению в департамент полиции, в с. Ростоши Борисоглебского уезда Тамбовской губернии был избит и брошен в огонь крестьянин Пастухов, задержанный местными жителями за поджог риги[956]. В корреспонденции из деревни Муравьево Краснохолмского уезда Тверской губернии за 1920 г. дано

953 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 101.

954 Тамбовские губернские ведомости. 1884. № 27.

955 *Жбанков Д.Н.* Телесные наказания в России в XX веке. СПб., 1901. С. 23.

956 ГАРФ. Ф. 102. Оп. Д-4. 1911. Д. 449. Л. 101 об.

описание сельского самосуда. Селькор, очевидец произошедшего события, рассказал о расправе местных жителей над Клавдией Морозовой, обвиненной в пожаре, который уничтожил половину деревни. Приведу отрывок из этого письма. «Раздался крик „Бей ее!“, и вся озверевшая толпа с проклятиями, иступленными воплями набросилась на Морозову. Милиционер ничего не мог поделать, и дикий самосуд свершился, в нем приняли участие и дети. Били ее каблуками, поленьями, вырывали волосы, рвали одежду, особенно зверствовали женщины, с матерей брали пример и дети. Морозову убили. Но убить толпе было мало: на тело плевали, ругали, потом потащили топить в пруду»[957].

Как уже говорилось ранее, обычное право допускало самочинную расправу потерпевшего над вором. Как правило, такое физическое воздействие на преступника носило коллективный характер. Из Новгородской губернии сельский информатор сообщал, что «крестьяне самосудом расправляются с пойманным вором на месте преступления: побьют хорошенько да и отпустят»[958]. В одном из сел Подорванской волости Ярославской губернии произошел случай самочинной расправы над крестьянином, который был застигнут за кражей холстов с поля. Несчастному дали полсотни ударов железным молотком по пяткам так, что он сделался безногим на всю жизнь[959].

Решительно крестьяне расправлялись и с ворами, застигнутыми на месте преступления. Автор обзора об обычаях крестьян Орловской губернии в конце XIX в. писал, что «преступникам мстят, только захвативши на месте преступления, — бьют, иногда и убивают до смерти. Бьют все: как хозяин, так и соседи»[960]. В декабре 1911 г. в департамент полиции МВД поступила информация о том, что «в с. Никольском Богучарского уезда Воронежской губернии совершен самосуд над тремя крестьянами

957 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 254. Л. 106.

958 Русские крестьяне...2009.Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2.С. 618.

959 Там же. 2005. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 527—528.

960 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 6.

за кражу со взломом из амбара. Один преступник убит, другой искалечен, третьему удалось бежать. За самосуд арестовано 6 крестьян»[961]. Самосуд был не только результатом эмоционального всплеска, проявлением коллективной агрессии, т.е. непосредственной реакцией на произошедшее преступление, но и действием, отсроченным во времени, не спонтанным, а обдуманным. В с. Троицком Новохоперского уезда Воронежской губернии 13 апреля 1911 г. были задержаны крестьяне Митасов и Попов, укравшие на мельнице рожь и муку. При конвоировании задержанных толпа крестьян пыталась отбить их у стражников для учинения самосуда над ворами[962]. Вмешательство со стороны власти воспринималось крестьянами как досадное препятствие, могущее помешать справедливому возмездию.

Самосуд являлся не просто личной расправой потерпевшего, в наказании участвовали и другие члены общины. В жестокой самочинной расправе соединялись воедино чувства мести, злобы и страха. Именно страх превращал деревню в коллективного убийцу. Объясняя этот феномен, писатель-демократ Н.М. Астырев в «Записках волостного писаря» утверждал, что крестьяне, воспитанные на страхе, сами прибегали к этому методу воздействия. «Отсюда и сцены дикого самоуправства, — писал автор, — когда при отсутствии улик за какое-либо деяние, наводящее страх (колдовство, поджог, конокрадство), доходят своими средствами: бьют, калечат, убивают и жгут»[963]. Чувство коллективного страха перед преступником, который разгуливал на свободе, а следовательно, мог и впредь учинить подобное, и толкало сельский мир на скорую расправу. В народе говорили: «Ничем вора не уймешь, коль до смерти не убьешь»[964].

Другой причиной было то, что крестьяне не верили в заслуженное возмездие преступника. Так, в селе Низовом Тамбовского уезда в 1884 г. участились случаи само-

961 ГАРФ. Ф. 102. Оп. Д4. 1911. Д. 449. Л. 104 об.

962 Там же. Л. 52 об.

963 *Астырев Н.М.* Указ. соч. С. 263.

964 *Всеволожская Е.* Указ. соч. С. 31.

управства с ворами. Местные жители говорили: «Поди, там, таскайся по судам, с каким-нибудь негодяем, вором, а лучше всего топором в голову, да и в прорубь»[965]. Такие народные расправы в конце XIX в. заканчивались ежегодными убийствами. Приведем лишь один пример. В 1899 г. уездный исправник проводил расследование в селе Щучьем Бобровского уезда Воронежской губернии по делу об убийстве трех крестьян. Выяснилось, что «крестьяне убиты всем обществом, по мнению которого они постоянно занимались кражами, сбытом краденых вещей и вообще были людьми небезопасными для окружающего населения»[966]. Следовательно, крестьянская традиция допускала осуществление самосуда не только по отношению к преступнику, застигнутому на месте преступления, но и к тем, кто вел криминальный образ жизни и потому был потенциально опасен для общества.

Крестьяне были убеждены в своем праве вершить самосуд, и при таких расправах они не считали убийство грехом. Убитого самосудом общество тайком хоронило, зачисляя его в список без вести пропавших. Судебные власти пытались расследовать факты самосудов, ставшие им известными. Все усилия полиции выяснить обстоятельства произошедшего, найти преступника, как правило, были безрезультатны. Определить виновного было весьма затруднительно по причине того, что на все вопросы следователя крестьяне неизменно отвечали, что «били всем миром», или говорили: «Да мы легонько его, только поучить хотели. Это он больше с испугу умер»[967]. Те немногие дела, которые доходили до суда, заканчивались оправдательным приговором, который выносили присяжные из крестьян[968]. Традиция самочинных расправ отличалась устойчивостью, что подтверждалось фактами крестьянских самосудов, отмеченными в советской деревне в 20-е гг. XX века[969].

965 Тамбовские губернские ведомости. 1884. № 27.

966 ГАРФ. Ф. 102. Оп. ДП. 2-е д-во. Д. 158. Ч. 15. Л. 9 об.

967 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 685. Л. 6.

968 *Всеволожская Е.* Указ. соч. С. 31.

969 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 254. Л. 105, 106.

За менее тяжкие преступления, такие как кража одежды, обуви, пищи, воров в селе подвергали «посрамлению». Обычное право предусматривало наказания, вовсе неизвестные официальному законодательству. Одно из таких — обычай срамить преступника, т.е. подвергать его публичной экзекуции, унижающей его честь и достоинство. Крестьяне объясняли существование этого обычая тем, что «сраму и огласки более всего боятся»[970].

По мнению М.В. Духовского, позорящие наказания применялись волостными судами в 1870-е гг. Ссылаясь на материалы трудов комиссии по преобразованию волостных судов, он приводит несколько примеров таких решений. В Черкасском уезде Киевской губернии за кражу 16 снопов овса крестьян М. был приговорен к вождению по селу с навешанными на шею снопами, «дабы осрамить его»[971]. В той же губернии Семеновский волостной суд крестьянку А. П. за кражу курицы приговорил к штрафу в один руб., а также в пример другим для стыда провести ее с ворованной курицей через село[972]. Аналогичные наказания выносили и суды великорусских губерний[973].

Такая форма самосуда носила прежде всего демонстрационный характер. Символикой и ритуалом «вождения» вора община показывала свою власть и предупреждала жителей деревни, что в случае воровства кары не избежит никто. По приговору сельского схода уличенного вора, порой нагишом, с украденной вещью или соломенным хомутом водили по селу, стуча в ведра и кастрюли. Во время такого шествия по селу каждый желающий мог ударить преступника[974]. Били по шее и в спину, чтобы истязаемый не мог определить, кто наносит удары. После такого публичного наказания вора сажали в «холодную», а затем передавали в руки властей[975].

970 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 140.

971 *Духовской М.В.* Указ. соч. С. 120.

972 Там же.

973 Там же.

974 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

975 *Соловьев Е.Т.* Самосуды у крестьян Чистопольского уезда

С этой же целью, «для сраму», применялись общественные работы. Женщин заставляли мыть полы в волостном правлении или принародно мести улицы на базаре. В селе Новая слобода Острогожского уезда Воронежской губернии мать и дочь за дурное поведение очищали слободскую площадь от навоза. Мужики в качестве наказания исправляли дороги, чинили мосты, копали канавы[976].

С введением в русском селе волостной юстиции «оскорбительные» наказания стали применяться реже. Однако в материалах комиссии по преобразованию волостных судов содержатся приговоры о вождении воров-рецидивистов по селу с навешенными на шею украденными вещами[977]. Таким образом, в ряде мест волостные суды продолжали применять виды наказания, непредусмотренные действующим законодательством.

Коллективные расправы над преступником в ходе самосуда выступали действенным средством поддержания сельской солидарности. Община решительно пресекала споры, проявление вражды между односельчанами, т.е. все то, что могло разрушить социальные связи и общность действий. Участие селян в самосудах служило и возможностью выхода агрессии, затаенной вражды. Мирской приговор, предшествующий самосуду в глазах крестьян придавал самосуду законную силу и делал месть со стороны жертвы маловероятной. В этом следует видеть одно из проявлений коллективистских начал общинного сознания.

Не менее жестоким был семейный самосуд. Вот пример такой домашней расправы. Свекровь застала невестку в соитии с холостым братом мужа. На семейном совете порешили наказать «гулену». Муж, свекровь и старший брат попеременно избивали ее плетью. В результате истязания несчастная более месяца лежала при смерти[978].

Казанской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 1. С. 15–16.

976 *Зарудный М.И.* Указ. соч. С. 180; *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 15–16; *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 28.

977 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 378, 385; Т. 2. С. 380, 534.

978 *Тенишев В.В.* Указ. соч. С. 64.

В другом случае для расправы оказалось достаточным одного подозрения в супружеской неверности. Мать и сын в течение нескольких дней били беременную невестку. После очередного избиения она «выкинула» ребенка и сошла с ума[979].

Безотчетная власть мужа над своей женой отражена в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «Хоть веревки из нее вью»; «Жалей как шубу, а бей, как душу»[980]. Этот варварский обычай, шокировавший просвещенную публику, в деревне являлся делом обыденным. С точки зрения норм обычного права побои жены не считались преступлением, в отличие от официального права. Рукоприкладство в деревне было чуть ли не нормой семейных отношений. «Бить их надо — бабу да не бить, да это и жить будет нельзя». Мужик бил свою жену беспощадно, с большей жестокостью, чем собаку или лошадь. Били обычно в пьяном виде за то, что жена скажет поперек, или били из-за ревности. Били палкой и рогачем, и сапогами, ведром и чем попало[981]. Порой такие расправы заканчивались трагически. В местных газетах того времени периодически появлялись сообщения о скорбном финале семейных расправ. Приведем лишь одно из них. «Тамбовские губернские ведомости» в номере 22 за 1884 г. писали, что в деревне Александровке Моршанского уезда 21 февраля крестьянка, 30 лет от роду, умерла от побоев, нанесенных ей мужем.

Проблема, на наш взгляд, заключалась не в особой жестокости русского мужика, а в необходимости ему следовать традиции, соответствовать образу «грозного мужа». «Крестьянин сознает, что он глава жены, что жена должна бояться своего мужа, вот он и выражает свое превосходство перед нею, внушает ей боязнь, уважение к себе

979 Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 293.

980 *Бунаков Н.* Сельская школа и народная жизнь. СПб., 1907. С. 50, 51; *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской области // Сборник для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890. Вып. 2. С. 54.

981 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 5.

кулаком, да вожжами», — делился своими впечатлениями о деревенских нравах священник из Курской губернии[982]. Корреспондент В. Перьков из Болховского уезда Орловской губернии сообщал: «Власть мужа состояла в том, что он мог от нее требовать работы и полнейшего повиновения во всем. Он мог ее бить, и соседи относятся к этому хладнокровно. „Сама себе раба, коль не чисто жнет“, — говорят они»[983]. Общественное мнение села в таких ситуациях всегда было на стороне мужа. Соседи, не говоря уже о посторонних людях, в семейные ссоры не вмешивались. «Свои собаки дерутся, чужая не приставай», — говорили в селе. Иногда крестьяне колотили своих жен до полусмерти, особенно в пьяном виде, но жаловались бабы посторонним очень редко. «Муж больно бьет, зато потом медом отольется»[984]. То есть и сама женщина относилась к побоям как к чему-то неизбежному, явлению обыденному, своеобразному проявлению мужниной любви. Не отсюда ли пословица «Бьет — значит любит»?

В сельской повседневности поводов для семейного рукоприкладства всегда было более чем достаточно. «Горе той бабе, которая не очень ловко прядет, не успела мужу изготовить портянки. Да и ловкую бабу бьют, надо же ее учить»[985]. Такая «учеба» в селе воспринималась не только как право, но и как обязанность мужа. Крестьяне говорили, что «бабу не учить — толку не видать». О живучести таких взглядов в сельской среде свидетельствуют данные по Больше-Верейской волости Воронежской губернии, собранные краеведом Ф. Железновым. В своем исследовании за 1926 г. он приводил результаты ответа крестьян на вопрос «Надо ли бить жену?». Около 60 % опрошенных крестьян ответили утвердительно, считая это «учебой». И только 40 % сельских мужчин считали, что делать этого не следует[986].

982 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 23.

983 Там же. Д. 1011. Л. 2, 3.

984 Там же. Д. 1215. Л. 3.

985 *Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 16.

986 *Железнов Ф.* Воронежская деревня. Больше-Верейская

Главной причиной семейного самосуда являлся факт супружеской измены. Прелюбодеяние в обычном праве не признавалось основанием для расторжения брака. В этом случае от обманутого мужа ожидали вразумления неверной жены, а не развода. Жен, уличенных в измене, жестоко избивали. На такие расправы в селе смотрели как на полезное дело: по понятиям крестьян, с женой всегда нужно обращаться строго — чтобы она не забаловалась. «Жену не бить — толку не быть!»[987]

Вот описания нескольких эпизодов расправ мужей с неверными женами, произведенных в селах Орловского уезда в конце XIX в. «Жену, захваченную на месте преступления, муж, крестьянин села Мешкова, привязал вожжами к воротам, а косами за кольцо в воротах и начал бить. Он бил ее до посинения и иссечения тела. Затем несчастная при всей родне три раза поклонилась мужу в ноги и просила прощения. После этого ее принудили пойти по селу и, заходя в каждый дом, заказывать женщинам не делать этого». «В деревне Кривцовой мужья наказывали своих жен за прелюбодеяние, связав им назад руки, а сами брали жен за косы и секли ременным кнутом (женщины при этом были в одних рубахах), объясняя, за что они их бьют». «В деревне Суворовке муж на жене-прелюбодейке пачкал дегтем рубаху и запрягал в телегу без дуги, а хомут надевал на голову. Волосы обязательно были распущены. Муж садился на телегу, брал в руки кнут и при огромном стечении народа ехал вдоль деревни, что ни есть силы подгоняя ее кнутом, приговаривая: „Ну, черная, не ленись, вези своего законного мужа“. В соседнем селе Людском обманутый муж сначала, совсем не по-людски, бил жену ремнем, затем привязывал к столбу на улице, распустив волосы и обсыпав пухом. После этого он бил ее по щекам ладонями и плевал в лицо: „Больно и стыдно тебе от моего наказания, а мне еще было больнее и стыднее, когда я узнал, что ты развратничала“[988].

волость. Воронеж, 1926. Вып. II. С. 28.

987 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 13.

988 Там же. Д. 1245. Л. 8, 9.

Публичность наказания и его назидательный характер являлись непременными атрибутами семейного самосуда.

Насилие порождало насилие, создавало примеры для подражания. И то, что шокировало стороннего наблюдателя, воспринималось в деревне как обыденное явление. Интересное суждение о сельских нравах приводил в своих мемуарах А. Новиков, прослуживший семь лет в должности участкового земского начальника Козловского уезда Тамбовской губернии. Он писал: «В крестьянской семье более чем где-либо проявляется победа грубой физической силы; уже молодой муж начинает бить свою жену; подрастают дети, отец и мать берутся их пороть; старится мужик, вырастает сын, и он начинает бить старика. Впрочем, бить на крестьянском языке называется учить: муж учит жену, родители учат детей, да и сын учит старика-отца, потому что тот выжил из ума. Нигде вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье»[989].

Русская баба, являясь объектом насилия, репродуцировала его. Сама, терпя побои, воспринимая их как должное, она культивировала эту «традицию» у подрастающего поколения. Приведу описание сцены семейной расправы, произошедшей в селе Александровке. Этот документ обнаружен мной в архиве редакции «Красный пахарь» и датирован 1920 г. «На расправу сбежалась вся деревня и любовалась избиением как бесплатным зрелищем. Кто-то послал за милиционером, тот не спешил, говоря: „Ничего, бабы живучи!“ „Марья Трифоновна, — обратилась одна из баб к свекрови. — За что вы человека убиваете?“. Та ответила: „За дело. Нас еще не так били“. Другая баба, глядя на это избиение, сказала своему сыну: „Сашка, ты, что ж, не поучишь жену?“. И Сашка, совсем парнишка, дает тычок своей жене, на что мать замечет: „Разве так бьют?“, по ее мнению, так бить нельзя — надо бить сильнее, чтобы искалечить женщину. Неудивительно, что маленькие дети, привыкнув к таким расправам, кричат избиваемой отцом матери: „Дура ты, дура, мало еще тебе!“»

989 *Новиков А.* Указ. соч. С. 9—10.

Крестьянство России на рубеже веков сохраняло юридические обычаи, выработанные веками. Об официальных законах деревня имела смутное представление и продолжала регулировать свои семейные и общественные отношения нормами обычного права. Стремление крестьян подчиняться суду своих односельчан, часто ничего общего не имеющего с судом формальным, следует объяснить тем, что он вполне удовлетворял нормам народной морали. Сохранение самосуда в крестьянской среде отражало приверженность жителей села традициям общинного уклада. Карательный характер народных расправ был направлен против преступлений, последствия которых грозили существованию крестьянского хозяйства. Жестокость наказания была обусловлена как желанием отомстить, так и стремлением предотвратить рецидив подобных преступлений. Убийство преступника в ходе самосуда не считалось грехом и воспринималось как заслуженная кара.

Волостной суд

Крестьянская реформа 1861 г., коренным образом изменившая социальный строй России, весьма остро поставила и вопрос о необходимости создания правоохранительной и судебной систем, адекватных задачам времени. Внимание реформаторов изначально в большей степени привлекали проблемы формирования системы общих (коронных) судов, в то же время им предстояло найти ответ на принципиальные вызовы, порожденные потребностью в организации судопроизводства на огромных пространствах сельской России. Следует подчеркнуть, что создание комплекса судебных институтов для крестьянской массы было предопределено конкретными российскими реалиями, состоявшими, с одной стороны, в тотальной неграмотности села, создававшей практически непреодолимые преграды на пути использования норм формальной законности, а с другой — в отсутствии сколько-нибудь образованных кадров, способных осуществлять судопроизводство. Учитывая это, правительство уже в 1861 г. пошло на формирование системы самодеятельных волостных крестьянских судов, призванных рассматривать дела, возникавшие между крестьянами-общинниками на основе народного правосознания, «обычая»[990].

Волостной суд, законодательно созданный в результате проведенной крестьянской реформы 1861 г., стал

990 *Галкин А.Г.* Правосудие для крестьян: волостные и мировые суды в оценке крестьян и образованного общества (1870—1880-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4 (9). С. 191.

важнейшим элементом крестьянского самоуправления и механизмом реализации норм обычного права. Он представлял собой учреждение, которое совместило в себе три довольно разнородных начала: сословности, судебной автономии крестьянского населения и руководства в судебных решениях обычным правом.

Создание крестьянского суда было вызвано необходимостью ликвидации помещичьего права вотчинной полиции и регулирования отношений в крестьянской среде. В ведение суда входили все споры и тяжбы до 100 рублей как движимого, так и недвижимого имущества в пределах крестьянского надела. Суд рассматривал дела о наследстве, опеке, займах, обязательствах, а также маловажные проступки по уголовным делам[991]. Из разъяснений Сената следовало, что для признания дела подсудным волостному суду требовалось наличие трех условий: 1) поступок должен быть совершен лицами, принадлежащими к крестьянскому сословию; 2) проступок должен быть совершен в пределах сельской местности; 3) проступок не должен превышать пределов подсудности волостного суда[992].

В решении большинства дел суду разрешалось руководствоваться не существующим законодательством, а местными обычаями. Сословный характер суда подчеркивал юридическую обособленность крестьянства и самобытность правовых воззрений сельского населения. Наряду с общинными судами волостной суд следует рассматривать как составляющую часть сельской повседневности. Согласно ст. 95. Общего положения в ведении волостного суда находились как «споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам». Одним словом, изначально в пределах юрисдикции волостных судов оказались конфликты и правонарушения, которые были порождены самой деревенской действительностью и наиболее часто возникали в крестьянской среде. По мнению исследователя

991 *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 58.

992 Кассационное решение. 1871. № 1215.

волостных судов П.А. Гильдебрандта, 95 % всех крестьян России разбирали свои споры в волостных судах[993].

В случаях, когда дела рассматривались в соответствии со ст. 96—102 Общего положения о крестьянах, решения волостного суда считались окончательными и не подлежали обжалованию, в противном случае решения волостного суда могли быть отменены местным уездным съездом мировых посредников по инициативе лиц, которых решение или приговор касается. Но в случае превышения волостными судьями своих полномочий их решения могли быть отменены мировым съездом и без просьбы заинтересованных лиц. Решения волостных судов, согласно разъяснению министерства внутренних дел от 2 мая 1870 г., вступали в силу по отношению к заинтересованным в деле лицам и подлежали исполнению, «когда на решение объявлено удовольствие; когда хотя бы удовольствие и не было объявлено, но просьбы об отмене решения в месячный срок не поступало». Решения суда считались окончательными, за исключением трех случаев: 1) рассмотрение неподсудного волостному суду дела; 2) определение наказания, превышающего предоставленную волостным судам власть; 3) решение дела без вызова сторон.

Суд имел право накладывать наказания в виде ареста до 7 дней, общественных работ до 6 дней, денежного штрафа до 3 рублей, порки розгами до 20 ударов. Решение суда считалось окончательным. Оно могло быть обжаловано в случаях принятия к своему разбору неподсудного дела; определения наказания, превышающего предоставленную суду власть; решения суда без вызова сторон[994].

Волостным судьей, в соответствии с Общим положением о крестьянах, могли быть лица: 1) не моложе 25 лет; 2) не подвергавшиеся телесному наказанию по решению суда, не оставленные судом в подозрении; 3) не состоявшие под судом и следствием и заведомо развратного поведения. Выбранные судьи не могли отказаться от своей

993 *Гильдебрант П.А.* Труды этнографическо-статистической экспедиции. СПб., 1872. С. 3—14.

994 Там же.

должности, за исключением случаев, когда: 1) лицу более 60-ти лет; 2) лицо прослужило полный срок по выбору; 3) лицо подвержено сильным телесным недугам; 4) по решению схода, в случае, когда причины были признаны уважительными.

Формирование волостного суда осуществлялось на основе установленного законом порядка. Состав судей, числом от 4 до 12, избирался на волостном сходе. Присутствие состояло не менее чем из 3 судей. Вознаграждение судей устанавливалось по решению волостного схода, но в 60—70-е гг. XIX в., по мнению исследователя Л.И. Земцова, было редкостью[995]. Освобождение членов волостного суда от натуральных повинностей на практике осуществлялось не везде. Так, по данным комиссии Любощинского, из 82 обследованных волостей освобождение от повинностей членов волостного суда встречалось только в 21 волости, а жалованье — лишь в 8 волостях. В целом по стране жалованье получали примерно треть судей, и оно составляло в зависимости от местности от 5 до 60 рублей в год[996]. Конечно, такое незначительное вознаграждение не стимулировало крестьян занимать судебные должности. В ряде мест крестьяне относились к судам как к новой повинности («берем в суды, как в солдаты»)[997]. В некоторых волостях крестьяне старались избежать выборов в волостные судьи, опасаясь, что исполнение этих обязанностей негативно отразится на состоянии их хозяйства. «У порядочного хозяина свои дела есть, ему нельзя терять по целым дням время да сидеть в правлении, а бездомному бедняку уже все едино, потому терять-то нечего»[998]. Нежелание нажить себе врагов также являлось одной из причин уклонения крестьян от членства в волостном суде. По наблюдению М. Зарудного, «судье нередко приходилось определять наказание,

995 *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века. С. 13.

996 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 242. Л. 22.

997 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 4.

998 *Зарудный М.И.* Указ. соч. С. 170.

возбуждающее недовольство и злобу, а ссориться с односельчанином никому не хотелось»[999]. Тамбовские крестьяне по этому поводу говорили, что «кому охота и время даром терять, и врагов наживать»[1000].

Комиссия М.И. Любощинского, обследовавшая состояние волостных судов (1878 г.) в губерниях Европейской части России, выявила массу недостатков в их работе. Материалы комиссии полны примеров «питейного правосудия»[1001]. Низким оставался и образовательный уровень судей. В 78 волостях Тамбовской губернии, по данным за 1878 г., из 683 судей грамотных было только 62[1002]. По данным за 1886 г., в Курской губернии из 46 волостных судей Корочанского уезда только 8 были грамотными[1003]. Лучше в этом вопросе обстояло дело в нечерноземных губерниях. «Санкт-Петербургские ведомости» за 1872 г. сообщали, что «при некотором развитии грамотности заметно и более сознательное отношение к суду: в судьи выбирают людей большей частью грамотных»[1004].

Сами крестьяне характеризовали волостные суды как «темные», «неумелые», которые «законов не знают». При формировании состава волостного суда грамотные и образованные крестьяне стремились избежать членства в нем. Исследование выявило зависимость судей от волостных старшин и писарей. «Да иначе и трудно, — заявляли сами судьи, — т.к. судьи неграмотные, а старшина — первый голова»[1005]. Несмотря на недостатки, крестьянский суд пользовался доверием сельского населения. В трудах той же комиссии приводятся данные опроса об отношении крестьян к волостному суду. В 67 ответах (81,7 % всего

999 *Зарудный М.И.* Указ. соч. С. 106.

1000 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 4.

1001 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 285, 451, 579, 812.

1002 *Березанский П.* Указ. соч. С. 52.

1003 *Щедрина Ю.В.* Суды российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Курской губернии). Курск, 2007. С. 46.

1004 Там же.

1005 Крестьянский строй: сб. ст. СПб., 1904. Т. 1. С. 405.

числа) опрошенных отмечалось, что они довольны своим судом, в 4-х это сделано с оговорками, резко отрицательные отзывы дали в 2-х случаях[1006]. В частности, согласно итоговому обсчету своим волостным судом были довольны и не изъявляли желания судиться у мирового судьи 160 обследованных волостей. Были довольны своим судом и не упоминали о мировом 63 волости. Выражали одобрение волостному суду, но одновременно требовали права судиться и у мирового 134 волости. Считали, что мировой суд лучше, но видели необходимость сохранить волостной суд 32 волости. И только крестьяне 15 волостей однозначно выражали недовольство волостными судами.

Доступность сельского судопроизводства являлась одним из факторов, определявшим крестьянские предпочтения в пользу волостных судов. На вопрос: довольны ли они своим судом и не лучше было судиться у мирового судьи, крестьяне заявляли, что свой суд для них лучше, как ближайший и не требующий никаких расходов, и в подтверждение этого указывали, что иной раз истцы по спорам и на сумму свыше 100 руб. нарочно уменьшали цену иска, для того чтобы разбираться в волостном суде, а не у мирового[1007].

В деятельности волостных судов прослеживалось явное несовершенство их правового обеспечения: «Вообще обычаи так шатки и неуловимы, что трудно заранее определить, чего в данном случае придержется суд: обычая ли, или внушения свыше, или совета старшины или писаря. Словом, совершенный простор в решениях не гарантирует ни обычного, ни какого другого права». С другой стороны, вполне справедливо указывалось на то, что волостные суды постоянно вторгались в компетенцию мировых и окружных судов: «Сплошь и рядом волостной суд или

1006 *Земцов Л.И.* Волостные суды Центрального Черноземья в начале 70-х гг. XIX в. // Исторические записки. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 81.

1007 *Зарудный М.* Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1874. Март и апрель. Кн. 2. С. 209.

сельский староста мирят дела о кражах, грабежах, тяжких побоях и т.п. преступлениях, по общему закону не подлежащих примирению. Все это и сходит с рук, особенно если не донесет куда следует писарь или не усмотрит мировой посредник»[1008].

Современники справедливо отмечали: «При разрешении дела волостные судьи редко сознательно руководятся тем или другим обычаем. Они решают его просто по чувству справедливости... Волостные судьи не станут совещаться между собою об обычаях, которые следует иметь в виду при постановлении по спорному делу решения, подобно тому, как коронные судьи совещаются о законах. На волостном суде обыкновенно и речи не заходит собственно об обычаях»[1009].

Нарекание со стороны крестьян вызывала вольная трактовка волостными судами обычая как основы выносимых решений. Твердых и определенных обычаев практика волостных судов установила мало. «В большинстве случаев имеются не обычаи, разумея под этим термином вполне определившееся правосознание, а простое обыкновение, не обладающее свойством непреложного в народном представлении указания и ввиду этого соблюдаемое, лишь поскольку оно не нарушает чьих-либо существенных интересов. Таким образом, решить, что есть обычай, и что нет, представляется часто задачей весьма трудной», — делал вывод в своем докладе сенатор Г.А. Евреинов[1010]. С целью решения проблемы Сенат постановлениями 1891 и 1896 г. дал право волостным судам подтверждать или опровергать существование у крестьян того или иного обычая. Волостной суд фактически получил право творить правовые нормы. Местные обычаи не всегда могли служить правовым руководством постоянных и одинаковых решений. Волостной суд просто не мог знать обычного права всех селений волости[1011].

1008 *Г.Ф.* К вопросу о преобразовании волостных судов // Отечественные записки. 1873. Т. 1. Кн. 1. С. 86—87.

1009 *Иванов В.* Крестьянский суд и формальное правосудие // Русское богатство. 1880. Кн. 12. С. 47—48.

1010 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 431. Л. 9.

1011 *Риттих А.А.* Указ. соч. С. 23, 30—31, 83.

В 1889 г. было принято положение «О земских участковых начальниках», в соответствии с которым компетенция волостного суда была значительно расширена. С принятием данного положения 1889 г., как отмечает В.М. Вороновский, волостной суд утратил значение «домашнего крестьянского суда и стал полноправным звеном в системе всего местного судоустройства»[1012]. Был расширен круг лиц и дел, подведомственных волостному суду, отныне помимо крестьян он судил мещан, посадских, ремесленников и цеховых, «юрисдикция его распространяется на огромное большинство дел по имущественным спорам и проступкам 8/9 всего населения страны, близко затрагивает интересы решительно всего сельского населения»[1013]. Таким образом, властью был сделан еще один шаг в направлении сближения обычно-правовой системы русской деревни и общих судов Российской империи.

Следует отметить и негативные последствия попечительской политики правительства Александра III в отношении крестьянских судов. Так, на участкового земского начальника возлагался контроль над деятельностью волостного суда. Он был обязан не менее 2 раз в год проводить ревизию каждого волостного суда, находящегося на территории его участка. Опека судов со стороны земских начальников выразилась в том, что многие решения выносились под их диктовку. Сами же земские начальники сетовали на то, что, несмотря на их старания, суд в своем составе редко имел «грамотного» председателя, умеющего с грехом пополам написать свою фамилию.

С целью улучшения деятельности волостных судов в июне 1889 г. были приняты «Временные правила о волостных судах». Кандидаты в волостные судьи определялись на сельском сходе. В каждой волости таких кандидатов должно было быть не менее 8. Из их числа земский начальник утверждал 4 волостных судей сроком на 3 года, причем один из судей

1012 *Вороновский В.М.* Волостной суд и новый проект его устройств. СПб., 1904. С. 10.

1013 Там же.

назначался председателем. По гражданским делам суд вел все иски о надельном имуществе без ограничения суммы, прочие споры и тяжбы до 300 рублей, по наследственным делам до 50 рублей. Суд имел право приговаривать к аресту до 30 дней и денежному штрафу до 30 рублей[1014].

Самым существенным отличием нового волостного суда являлось то, что его решения могли быть обжалованы в 30-дневный срок через земского начальника в уездный суд в качестве апелляционной инстанции и в губернское присутствие в качестве кассационной инстанции[1015].

Изменение структуры волостного суда еще более обострило его недостатки. Возникло противоречие между обычным правом, по которому волостной суд выносил решения, и правом позитивным, которым руководствовались уездные суды, игнорируя местные обычаи и принимая в расчет лишь формальные доказательства. Учитывая это обстоятельство, волостные суды стали отходить от норм обычного права и пытались решать дела по общим законам, что по причине их малограмотности приносило больше вреда, чем пользы.

По закону волостной старшина не имел права вмешиваться в деятельность волостного суда, но в практике сельского судопроизводства этот запрет соблюдался не всегда. Степень влияния волостных старшин на деятельность волостного суда в местностях сельской России была различна. То, что волостные старшины, вопреки требованиям закона, вмешивались в решения волостных судов — очевидно. П. Скоробогатый, специально изучавший эту проблему, отмечал, что в некоторых волостях Московской и Владимирской губерний старшина хотя и не принимает участие в разбирательстве, но дает советы, как решить дело[1016]; в Аткарском уезде Саратовской губер-

1014 *Риттих А.А.* Указ. соч. С. 83.

1015 *Тарновский Е.* Порядок производства дел в волостных судах (по закону 12 июля 1889 г.) // Юридический вестник. 1892. Кн. 1. С. 98.

1016 *Скоробогатый П.* Влияние старшин и писарей на отправление волостной юстиции // Юридический вестник. 1881. Т. VIII. С. 608.

нии старшина присутствовал на волостном суде и объяснял судьям содержание жалоб; в Балашовском уезде той же губернии при разборе дел судил вместе с судьями[1017]; в некоторых волостях старшины позволяют себе изменять приговоры судей во время приведения их в исполнение[1018]. В этом влиянии старшин на волостную юстицию, явно выходящем за рамки закона, исследователь усмотрел и позитивный момент, который, по его мнению, заключался в следующем: «Будучи знакомы с хозяйственной обстановкой и другими условиями крестьянского быта, старшины по большей части не мешают решению дел в духе, согласном с общим складом юридического мышления крестьян, а лишь облегчают это решение[1019]».

Другой фигурой, оказывающей самое непосредственное влияние на деятельность волостного суда, был волостной писарь. Их, производивших записи в книге решений волостного суда, современник назвал «двигателями судопроизводства». Об их роли в 1881 г. писал член Государственного Совета, сенатор М.Е. Ковалевский: они «иногда распоряжаются в волостном суде вполне самовольно, так что судьи являются покорным орудием в их руках и прикладывают печати к решениям, составленным писарем или по приказанию старшины»[1020]. В условиях малограмотности корпуса крестьянских судей писарь в волостном суде подчас был единственным человеком, владеющим грамотой и более-менее знакомым с правом. Земские собрания Курской губернии, давая характеристику производства дел в волостном суде, в качестве его основного недостатка выделяли то, что оно «...всецело находится в руках волостных писарей, которые фактически становятся вершителями дел волостного суда»[1021].

1017 Скоробогатый П. Влияние старшин и писарей на отправление волостной юстиции // Юридический вестник. 1881. Т. VIII. С. 608.

1018 Там же. С. 613.

1019 Там же. С. 613—614.

1020 *Ковалевский М.Е.* Из отчета члена Государственного Совета, сенатора Ковалевского по ревизии Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний. СПб., 1880. С. 101.

1021 Цит. по: *Щедрина Ю.В.* Указ. соч. С. 47.

Вмешательство писарей в производство дел на волостном суде было общим явлением и отмечено во всех губерниях, посещенных комиссией по преобразованиям волостных судов. Это влияние на местах имело самые разные формы. В одной волости судьи прямо заявили, что они люди неграмотные, законов не знают, поэтому как писарь укажет, так и решают[1022]. В другой волости писарь не только руководил заседанием суда, но и подавал свой голос при постановке решения[1023]. А в иных волостях судьи сами принимали решения, а писарь выполнял лишь техническую работу, хотя последнее имело порой решающее значение. Речь идет о составлении решения волостного суда, которое готовилось именно писарем. Правовед К.Ф. Чепурный замечал, что «все решения склеиваются писарями, судьи же, как люди, не умеющие обобщать своих мыслей, решительно к этому неспособны»[1024]. Недобросовестное исполнение писарем свои обязанностей приводило к тому, что в книгу приговоров волостного суда вносились не все решения. Так, в Московской и Владимирской губерниях в книгу записывались только решения по более важным делам, а по маловажным — не фиксировались[1025]. Только по просьбе тяжущихся запись о приговоре вносилась в книгу решений суда в Екатеринославской губернии[1026]. В Костромской губернии не считали нужным вносить в книгу решений волостного суда записи о мировых сделках, а также решения суда по жалобам на обиду словами[1027].

К концу XIX в. положение волостных судов в деревне укрепилось. По мере развития крестьянского правосознания совершенствовалась система сельского правосудия. С ростом авторитета волостного суда возросла и привлекательность судебных должностей, а равно требова-

1022 *Скоробогатый П.* Указ. соч. С. 616.

1023 Там же. С. 617.

1024 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 16.

1025 *Скоробогатый П.* Указ. соч. С. 619.

1026 Там же.

1027 Там же. С. 620.

тельность односельчан к кандидатам в волостные судьи. Заседания суда проводились в воскресные дни, поэтому исполнение судебных обязанностей не мешало хозяйственной деятельности. Судьи получили знаки отличия, а вместе с ними уважение со стороны односельчан, которые говорили, что «никто не знает, может и нам придется судиться у него, не грех и уважить»[1028]. Не последнюю роль играло и повышение денежного довольствия членам волостного суда. Из Орловской губернии в информационной записке в МВД сообщали: «В судьи предпочитают избирать грамотных, развитых, притом более или менее состоятельных. Судьям назначают жалованье 60 рублей в год, председателю — 100 руб. Судья освобождается от натуральных повинностей»[1029]. Информатор А. Петров из Шехманской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии в письме от 8 февраля 1899 г. писал в Этнографическое бюро: «В волостные суды избираются преимущественно люди грамотные, из отставных нижних чинов, которых народ привык считать наиболее развитыми и добросовестными. Председатель волостного суда получает из волостных сумм 100 рублей жалования, а остальные 3 судьи по 60 рублей»[1030]. Аналогичным было мнение и стороннего наблюдателя. Так, И. Анненков, назначенный в 1890 г. земским начальником в Обоянский уезд Курской губернии, отмечал, что «благодаря Богу, состав судей во многих волостях оказался вполне удачный; все грамотные и трезвые, а председатели — люди самостоятельные и со средствами»[1031].

При всех имеющихся недостатках волостной суд был близок и дорог крестьянам. Причина заключалась в однородности взглядов и понятий судей и сторон в тяжебных делах[1032]. Вся критика волостного суда, зву-

1028 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 124. Л. 3; Там же. Д. 150. Л. 3; Там же. Д. 154. Л. 31.

1029 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 45.

1030 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

1031 Курские губернские ведомости. 1890. 16 ноября.

1032 *Качалов Н.В.* Указ. соч. С. 146.

чащая со стороны представителей образованного общества в начале XX в., основывалась на результатах комиссии Любощинского тридцатилетней давности. Ратуя за ликвидацию волостных судов, авторы статей приводили все тот же набор аргументов о «царстве обычая», «пьяном правосудии», «недоверии волостным судам» и т.п.

В связи с этим интересным представляется свидетельство А.В. Кривошеина в бытность его делопроизводителем Земского отдела МВД. В своем рапорте Министру внутренних дел в 1895 г. по результатам своей поездки по губерниям Центральной России он докладывал: «Охотное обращение крестьян в волостной суд, несомненно, указывает на настоятельную потребность сельских местностей в суде близком, скором и простом, не стесненном громоздкими процессуальными формальностями»[1033].

Необходимость сохранения волостных судов исходила прежде всего из объективной реальности. Критики сельского правосудия, верно подмечая его слабые стороны, однако не отвечали на главный вопрос: а чем могут быть заменены волостные суды? Давая отповедь таким прожектерам, сенатор Н.А. Хвостов замечал: «Волостные суды неизбежно должны быть сохранены, так как ничем другим их заменить невозможно. Мы не можем в каждую волость дать мирового судью, уже я не говорю юриста, но хотя бы человека со средним образованием, как это и требовалось по закону о мировых судьях»[1034].

Волостные суды рассматривали дела только по письменной или устной жалобе истца, потерпевшего или его родственников. При этом делалась краткая запись содержания и решения дела в журнале заседаний. Судебные заседания проводились открыто, в словесной форме. Они устраивались в выходной день в помещении волостного правления. Присутствие обеих сторон (истца и ответчи-

1033 РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.

1034 ОР РГБ. Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 2 об.

ка) было обязательным, иначе дело откладывалось до следующего раза. В суд допускались и посторонние лица, не имевшие права вмешиваться в порядок суда[1035].

Законодатель наделил волостной суд правом проведения дознания в случаях недостаточности доказательств, осмотр местности и проверка доказательств судом проводились только по просьбе тяжущихся. Перед тем как решить дело, волостной суд был обязан принять все зависящие от него меры к примирению тяжущихся сторон и по возможности завершить дело мировым соглашением. Если мировое соглашение по каким-либо причинам не могло состояться, тогда суд производил дознание в присутствии двух свидетелей, а также с учетом всех обстоятельств дела и представленных доказательств разрешал дело окончательно.

Если суд не выходил за пределы своей компетенции, то обжалованию его решение не подлежало, в противном случае решения волостного суда могли быть отменены местным уездным съездом мировых посредников по инициативе лиц, которых решение или приговор касается.

Нельзя было обвинить волостные суды в формальном подходе в оценке преступления. Они тщательно подходили к выяснению мотивов и обстоятельств совершенного преступления. Так, если дети по приказу родителей шли на преступление, то они не привлекались к ответственности. Отвечали за них родители. А если преступление совершала жена по наущению мужа, то они отвечали оба, но первой делалось снисхождение. По сообщению В. Перькова (1898 г.), в одном из сел Болховского уезда Орловской губернии крестьянин послал жену воровать пеньку в снопах, ее поймали, она призналась, что ее послал муж. Суд приговорил мужа к аресту на пятнадцать суток, а жену — на пять[1036].

Вынося приговор, волостной суд учитывал все обстоятельства дела, обращая внимание на факторы, смягчающие или, напротив, усиливающие вину обвиняемого. К причи-

1035 Архив ИЭА РАН. Коллекция ОЛЕАЭ. Д. 150. Л. 1.

1036 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1034. Л. 5.

нам, которые усиливали наказание при вынесении приговора, следует отнести: повторность совершенного преступления, кража днем, дурное поведение, запирательство на суде. Напротив, болезненное состояние, физические недостатки, наличие грудного ребенка, беременность, чистосердечное признание, несовершеннолетие, отсутствие умысла, заслуги виновного — все это на суде выступало факторами, смягчающими наказание[1037]. В записке С.С. Кондрашова о положении крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда от 13 марта 1889 г. на имя министра внутренних дел говорилось, что «увеличивающим вину обстоятельством считается совершение похищения днем. Народ называет это „денный грабеж“. Взлом замка считается особенно преступным, как и кража из построек»[1038]. В Грязовецком уезде Ярославской губернии, напротив, кража днем уменьшала важность и строгость наказания, а ночью — увеличивала[1039].

Субъективизм играл большую роль в принимаемых волостным судом решениях[1040]. Для судей была важна не только суть дела, но и репутация, поведение участвующих в деле. Если судьи не были знакомы с истцом и ответчиком, то необходимую информацию о них они получали от старосты. Дурная слава о человеке ужесточала выносимый приговор, и, напротив, отзывы об участнике процесса как о трудолюбивом и рачительном хозяине учитывались как смягчающие вину обстоятельства. В представлении крестьян только такое судебное решение могло быть признано справедливым, которое в полной мере учитывало мнение односельчан об истце и ответчике[1041]. По утверждению Н.Н. Покровского, таким образом давался «пример действенного функционирования обще-

1037 *Березанский П.* Указ. соч. С. 189—195.

1038 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 7.

1039 Русские крестьяне... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 176.

1040 *Ефименко А.Я.* Субъективизм в русском обычном праве // Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1.

1041 *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века. С. 22.

ственного мнения, основанного в первую очередь на трудовой репутации человека...»[1042]. «Прозрачность» сельских отношений позволяла не только выяснить мотивы совершенного преступления и определить степень его социальной опасности, но и вынести справедливый приговор с учетом всех смягчающих вину обстоятельств.

Главным в решении по обычаю было воззрение на личность подсудимых и их положение в семье. Члены волостного суда говорили, что «решаем глядя по человеку и по хозяйству»[1043]. Да и сами крестьяне утверждали, что судьи руководствуются не столько обычаями, сколько справедливостью и обстоятельствами дела, соображаясь с человеком[1044]. Вот, например, как ответили крестьяне одной из волостей Новгородской губернии на вопрос, довольны ли они своим волостным судом и не предпочитают ли судиться у мирового судьи: «Волостной суд не хуже мирового, так как это суд свой, и судьи, зная хорошо каждого крестьянина, знают поэтому, кого иногда надо постращать, а кого помиловать»[1045].

Разным отношением к оценке проступков и, как следствие, к строгости вынесенного наказания переполнены решения волостной юстиции. На суровость вынесенного наказания влияли в первую очередь личные качества. Телесное наказание применено, поскольку ответчик «вздорного и упрямого характера»; принято решение уменьшить наказание, так как «учинил проступок без намерения и в первый раз как человек хорошего поведения»; «так как крестьянин Тарасов поведения хорошего, худого дела и слуху за ним никогда не было, да и означенная веревка у него была в употреблении не с намерением, а в забытьи», то и отказали управляющему имением в наказании Тарасова за кражу. А так как истец «Герасим замечен был и прежде вздорного поведения, то наказать его розгами

1042 *Покровский Н.Н.* Труд и обычай // Новый мир. 1987. № 12. С. 248.

1043 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 147.

1044 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 326, 364.

1045 *Духовской М.В.* Указ. соч. С. 70.

20 ударов»; отказать в наказании за кражу, так как определенных свидетельств нет, а ответчик «человек добронравственный»[1046]. Казачинский волостной суд Шацкого уезда Тамбовской губернии, рассмотрев дело по обвинению крестьянина Киселева в краже снопов, определил: «Хотя виновного Киселева и следовало бы наказать розгами, но, как известно, что Киселев впредь ни в чем замечен не был, то снопы возвратить...»[1047].

Основываясь на народных традициях, юридических обычаях русской деревни, волостные суды видели свою главную задачу отнюдь не в том, чтобы покарать виновного, а в том, чтобы примирить стороны, сохранить внутреннюю солидарность сельского мира. Мировая сделка, по народным понятиям, являлась единственно справедливым исходом всякого дела. По наблюдениям писателя-демократа Н.А. Астырева, служившего волостным писарем в Воронежской губернии, до суда доходило не более 2/3 заявленных в волостное правление жалоб, 1/3 заканчивалась миром без помощи правосудия[1048]. Учет интересов другого, даже в случае его неправоты — лучший исход для того, чтобы продолжилось нормальное существование в том тесном коллективе, с которым крестьянин был связан всю жизнь. Интересно отметить, что примирение сторон или прощение со стороны истца аннулировали вынесенный приговор. Так, один крестьянин был приговорен к 10 ударам розог «за оскорбление беззащитной вдовы» словами «колдунья» и пр., но за примирение сторон и по просьбе вдовы ответчик был освобожден от наказания[1049].

Желание решить дело так, «чтобы никому не было обидно», лежало в основе деятельности народных судей. В народе о таких решениях говорили «грех пополам».

1046 *Земцов Л.И.* Обычно-правовые основы деятельности волостных судов в России (60—70-е гг. XIX в.) // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2005. № 2. С. 240.

1047 Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 158.

1048 *Астырев Н.М.* Указ. соч. С. 244.

1049 *Статистик.* О наказаниях, налагаемых волостными судами в Архангельской губернии. Архангельск: Губ. тип., 1913. С. 7.

Сущность обычая заключалась в разделе суммы исков за убытки (грех) между истцом и ответчиком так, что потерпевшая сторона удовлетворялась лишь частью потерь. Этот вид решения часто встречался в практике волостных судов. Чаще всего к нему прибегали из-за недостатка улик или в случаях причинения ущерба без умысла[1050]. Из судебных решений видно, что иногда сам истец, сознавая неумышленность вреда, причиненного ему ответчиком, ищет с него на суде только половину своих убытков. Так, в одном из решений истица просила суд взыскать половину цены телки, потерянной ответчиком; в другом истец предлагал суду истребовать с пастуха, потерявшего его лошадь, половину ее стоимости[1051].

Большинство дел, рассмотренных волостным судом, исчезало бесследно, т.к. дела заканчивались примирением сторон и поэтому в книгу решений не заносились[1052]. В материалах волостных судов Тамбовской губернии часто встречается запись о том, что дело прекращено за неявкой сторон[1053]. Логично предположить, что неявка истца и ответчика на суд была чаще всего следствием их примирения. Во всех волостях миром в судах кончалось более половины всех дел. Показательны в этом отношении данные Ильинского волостного суда Болховского уезда Орловской губернии за 1896 г. За год судом рассмотрено 411 дел, из них гражданских — 214. Примирением сторон закончено 139 гражданских дел[1054]. В волостных судах Моршанского уезда Смирновском (1913—1914 гг.), Рыбинском (1913—1917 гг.), Пичаевском (1912—1916 гг.) из сохранившихся дел нами установлено, что миром закончилось 40 %, 26 % и 51 % соответственно[1055].

1050 *Березанский П.* Указ. соч. С. 109; ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 47; Там же. Д. 120а. Л. 14.

1051 *Птицын В.* Указ. соч. С. 129.

1052 Там же. С. 152.

1053 ГАТО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 7, 45, 102, 134, 201.

1054 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1074. Л. 2.

1055 Подсчитано по: ГАТО. Ф. 232, 233, 788.

В ходе разбирательства волостной суд с целью выяснения истины и осуществления правосудия прибегал к различным действиям: дознанию, осмотру, показаниям и т.п. Для выяснения обстоятельств дела суд вызывал свидетелей, как правило, не менее двух. В случае необходимости суд поручал сельскому старосте осуществить все необходимые действия, связанные с дознанием, опросом или осмотром. Такие действия использовались в делах о потравах[1056]. В делах о кражах волостной суд прибегал к повальному обыску, т.е. допросу соседей и односельчан. Если волостному суду требовались сведения о поведении тяжущихся, их образе жизни, семейных отношениях, то он прибегал к показаниям соседей и односельчан, которые собирал тот же староста или волостной старшина. Такого же рода информация была получаема судом посредством вызова на заседание старосты. В одном из решений суд осудил ответчика по одному лишь дурному отзыву о его поведении и жизни сельского старосты, других свидетелей суд не вызывал[1057].

Обычаем правового быта русской деревни являлась божба. Истинным правосудием русский народ считал суд Божий («Бог — судья», «Виноватого Бог сыщет», «Бог видит, кто кого обидит» и т.п.). Крестьяне прибегали к божбе, когда отсутствовали доказательства по делу, и невозможно было узнать истину. По мнению исследователя обычного права саратовских крестьян, В. Птицына, в большинстве волостей губернии божба, или «отдача на душу», как иногда называли ее крестьяне в заявлениях, допускалась как доказательство[1058].

В подтверждение своих слов на суде крестьянин творил крестное знамение и говорил: «ей богу», «лопни глаза», «чтобы не видеть детей своих», «сквозь землю провалиться», «лопни утроба», «отсохни руки, ноги», «не дай бог до вечера дожить», «вот те крест» или «вот те образ». Считалось, что лжесвидетельство ложилось грехом на

1056 *Чепурный К.Ф.* Указ. соч. С. 10.

1057 *Птицын В.* Указ. соч. С. 116—120.

1058 Там же. С. 121.

душу человека, и за это он будет держать ответ перед Богом[1059]. В ряде русских сел существовал обычай приносить присягу. У одних это было заклятие, у других — клятва через своих детей, третьи одевали саван на провинившихся и водили их по деревне со свечой в руках и т.д.[1060]. В Орловской губернии присяга выглядела примерно так: «При целовании креста на икону говорилось: „не дойди я до двора“; „не взвидь я своих детей“; „покарай меня Бог на этом месте“; „умри я без покаяния“; „не доживи я до завтрашнего дня“»[1061]. Иногда присягой крестьяне кончали дело, не доводя его до суда. Так, в с. Поляновский Майдан Елатомского уезда Тамбовской губернии у одной крестьянки была совершена кража. Потерпевшая «грешила» на сноху. Свекровь привела сноху в церковь и заставила ее при священнике принять присягу. Присяга была принята, и сноха стала свободна от подозрения[1062]. К договорной божбе, как называли присягу, прибегали и в ходе судебного разбирательства. «Когда кто побожится на суде, то другая сторона обыкновенно говорит: “Уже если побожился — прощаю, Бог с тобой”»[1063].

В ст. 25 Временного правила о волостных судах (1889 г.) говорилось, что волостной суд решает дело по совести и на основании имеющихся в деле доказательств[1064]. Волостной суд имел право применять четыре вида наказаний: розги, арест, денежный штраф и общественные работы. Из устава о наказаниях ведению волостного суда подлежали проступки, предусмотренные 86 статьями. Почти половина статей (42) предусматривали денежные штрафы, 13 — аресты, 31 — аресты и штрафы.

1059 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 8.

1060 *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 70.

1061 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 45.

1062 *Астров П.И.* Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения. М., 1889. Вып. 1. С. 137.

1063 *Птицын В.* Указ. соч. С. 123.

1064 *Петражицкий Л.М.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1. С. 638.

Самым традиционным видом наказания были розги. Крестьяне относились к телесному наказанию как к самой радикальной мере воздействия на провинившегося. Приведем лишь некоторые крестьянские высказывания на сей счет: «Розог опасаются все», «Кого слова не берут, с того шкуру дерут», «Без розог обойтись нельзя»[1065]. Они применялись за побои, пьянство, нерадение к хозяйству, недоимки, неповиновение властям, оскорбление начальства, не почитание родителей. В качестве примера можно привести решение волостного суда Больше-Грибановской волости Тамбовской губернии, который приговорил крестьянина С. за постоянное пьянство и нерадение к хозяйству к наказанию в виде 15 ударов розгами[1066]. Нередко розги назначались в качестве дополнительного наказания. Так, в 1891 г. Рождественский волостной суд той же губернии за учиненную драку взыскал с Петра Васильева в пользу потерпевшего 3 рубля штрафа и еще назначил ему 19 ударов розгами[1067]. К наказанию розгами волостные суды прибегали в случаях нанесения оскорблений как словами, так особенно соединенных с побоями и буйством. Из 40 случаев телесного наказания, зафиксированных в книге приговоров Кушевского волостного суда Холмогорского уезда Архангельской губернии с 1867 г., 18 относились к нанесению оскорблений и побоев частным лицам, 9 — должностным лицам или «в присутственном месте» и только 5 за кражу и 5 за остальные проступки[1068].

Отношение местного населения к лицам, подвергнутым телесным наказаниям, было преимущественно негативным. По словам одного из волостных писарей Архангельской губернии, отношение к наказанному поркой «делается немного презрительное, и при ссорах его называют “стеганцем”, а также корят понесенным наказанием»[1069].

1065 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 262. Л. 174; Там же. Д. 515. Л. 10.

1066 *Березанский П.* Указ. соч. С. 165.

1067 Там же. С. 178, 231.

1068 *Статистик.* Указ. соч. С. 12.

1069 *Статистик.* Указ. соч. С. 11.

К концу XIX в. число приговоров волостных судов к наказанию розгами значительно сокращается. По подсчетам Т.А. Тарабановой, волостные суды в 1871 г. наказали 80 % крестьян, из них розгами — 72 %, 11,4 % посажены под арест, 14,2 % оштрафованы, 1,5 % приговорены к общественным работам, а 0,9 % составили другие виды наказания (выговор, внушение и т.п.)[1070]. К концу века картина меняется. Так, в Елецком уезде в 1893 г. было отмечено 119 случаев наказания розгами, что составляло 11,2 % к общему числу осужденных. В 1901 г. таких приговоров было лишь 27, или 1,4 %[1071]. В Нижегородской губернии число приговоренных к розгам в 1868 г. составляло 57 % всех осужденных, а в 1898 г. — 1,3 %[1072]. Если в 1891 г. волостными судами Тульской губернии было приговорено к телесным наказаниям 1 156 чел., или 9,6 % от общего числа осужденных, то в 1899 г. лишь 222 чел., или 3,5 %[1073]. По данным И.Н. Скуратовой, изучившей материалы 10 волостных судов Казанской губернии за 1892—1915 гг., виды наказания, налагаемые по приговорам волостных судов, распределялись следующим образом: штраф — 50,2 %, простой арест — 40,3 %, строгий арест — 2,7 %, телесные наказания — 4,5 %, телесные наказания и арест — 1,4 %, выговор в присутствии суда — 0,9 %[1074].

Таким образом, телесные наказания волостными судами в конце 1860-х — 1870-е гг. применялись чаще, чем в 1890-е — начале 1900-х гг. Эта тенденция свидетельствовала об усилении в среде сельских жителей чувства

1070 *Тарабанова Т.Н.* Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2. С. 50.

1071 *Риттих А.А.* Указ. соч. С. 78.

1072 *Жбанков Д.Н.* Телесные наказания в России в XX веке. СПб., 1901. С. 8.

1073 Там же. С. 7.

1074 *Скуратова И.Н.* Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 15.

собственного достоинства, а следовательно, восприятии телесных наказаний как унижения человека.

Однако сохранение телесных наказаний в русской деревне, несмотря на негативное отношение к этому варварскому обычаю со стороны просвещенной общественности, объяснялось особенностью крестьянского быта. Крестьяне часто сами предпочитали быть выпоротыми, нежели платить штраф, который затрагивал экономические интересы семьи в целом. Крестьяне говорили, что «от розог нет убытку ни мужику, ни обществу». Боязнь денежного штрафа, которым волостной суд мог заменить розги, выразилась в народной пословице: «Не казни мужика дубьем, а казни мужика рублем»[1075].

Штраф, налагаемый волостным судом, выражался во взыскании в пользу пострадавшего «мирских» сумм и пени. Размер штрафа колебался от 25 коп. до 10 руб., в исключительных случаях доходил до 25 руб. При несостоятельности осужденного штраф могли заменить арестом (1 день ареста равнялся 1—2 руб.)[1076]. Крестьяне сетовали, что в отличие от общинных судов волостные ничем не руководствовались при назначении суммы взыскания.

В первые два десятилетия функционирования волостных судов (60—70-е гг. XX в.) арест как мера наказания применялся волостными судами редко. Для заключенных под арест требовалось отдельное помещение, сторож к нему и харчи, особенно если отбывал наказание крестьянин из другого селения. И еще один немаловажный момент. Судьи учитывали тот факт, что даже краткосрочная изоляция виновного неизбежно ведет к его отрыву от сельских работ. В литературе приведен случай, когда жена крестьянина, приговоренного к аресту, просила судью дать ей возможность отсидеть в «холодной» вместо мужа.

Ареста крестьяне старались избежать потому, что даже кратковременный арест считался в народе позором,

1075 *Оршанский И.Г.* Указ. соч. С. 141.

1076 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1021. Л. 5.

ложился темным пятном на репутацию такого человека, которого теперь каждый мог назвать обидным словом «арестант». Так, орловские крестьяне «из-за боязни позора от соседей аресту предпочитали телесное наказание»[1077].

Волостные суды могли приговорить к аресту сроком от 1 до 7 суток, чаще всего суды приговаривали к трехсуточному аресту. Таким наказанием каралось оскорбление сквернословными словами старосты или волостных судей, грубость по отношению к старосте, ругательства, соединенные с дебошем и побоями, оскорбление женщины непотребными словами и пр. Максимальный срок ареста волостные суды назначали за оскорбление словами «колдун», «вор» или «б...ь», нанесение побоев женщине, взаимные оскорбления в ходе домашней ссоры, нарушение тишины и спокойствия по протоколу урядника, самоуправство и пр. Арест на сутки или двое судьи давали за ругательства в пьяном виде, нанесение оскорбления отцу, за побои жене, за ложное показание на суде или неявку на суд ответчика[1078].

К наказанию общественными работами волостные суды прибегали в случае, если обвиняемый был уличен в краже или распутном поведении. Инжавинский волостной суд за воровство приговорил крестьянку к штрафу в 7 руб. и обязал ее в течение 6 дней мести улицы[1079]. В конце XIX — начале XX в. наказание в виде лишения свободы стало применяться чаще. В ряде мест Тамбовской губернии волостные суды практиковали арест как меру наказания весьма широко. В период 1895—1897 гг. волостными судами Тамбовской губернии приговорено: Больше-Избердеевским: к выговору — 7, к денежному взысканию — 22, к аресту — 165, к телесному наказанию — 3; Шехманским: к выговору — 4, к денежному взысканию — 57, к аресту — 143, к телесному наказанию — 5[1080].

1077 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 8.

1078 *Статистик*. Указ. соч. С. 12.

1079 *Березанский П.* Указ. соч. С. 165

1080 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 3.

К другим видам наказаний, используемым судами, следует отнести оставление на замечании волостного суда и общества. Оно применялось при недостатке улик, в случае обоюдной драки, если виновный не мог быть подвергнут телесному наказанию по старости, т.к. ему было более 60 лет. Суд также мог сделать замечание, выговор. Выговоры, замечания и внушения применялись волостным судом, если виновный оступился впервые, чистосердечно раскаялся и получил прощение от потерпевшего. Также они использовались в качестве дополнения к более строгим наказаниям. По решению суда выговор мог быть внесен в штрафную книгу. Так, решением Вишневского волостного суда крестьянин Б. за побои без всякой причины был подвергнут 20 ударам розгами с записью в штрафную книгу и штрафу в сумме 3 рублей за бесчестье[1081].

К «внушению» или предупреждению волостной суд также прибегал в случаях жалоб жен на расточительную жизнь или развратное поведение муже а также в качестве дополнительного наказания в делах о побоях мужьями своих жен.

Обычаем суд руководствовался и в процессе судопроизводства. Крестьяне, как правило, подавали иски и жалобы не непосредственно в суд, а волостному старшине. Большинство исков заявлялось ему устно, при встрече с ним на сходе, в правлении или в ином месте. Жалобы крестьяне подавали лично, но за малолетних и больных могли заявлять иск их родственники. Дело рассматривалось в присутствии сторон. За неявку на заседание без уважительной причины суд мог приговорить к штрафу[1082].

В гражданских делах муж мог участвовать за жену, отец за сына. Большак (глава семьи) заменял в суде любого члена семьи, вызванного как ответчика. Обычай вообще устранял от дачи показаний на суде лиц, стяжавших дурную репутацию. Общины являлись ответчиками только в трех случаях: по лесным порубкам, потравам полей

1081 *Березанский П.* Указ. соч. С. 177.

1082 *Тарабанова Т.Н.* Указ. соч. С. 41, 42, 45.

и растратам со стороны должностных лиц сельского управления[1083]. Сельскую общину на суде представлял староста или специально выбранный на сходе уполномоченный.

Обычно-правовое регулирование в крестьянской среде предусматривало решение всех спорных вопросов «на миру», при участии и опросе всех сведущих о существе дела. Традиционная гласность крестьянского суда была проявлением взаимного нормативного контроля, гарантом соответствия принимаемого решения неписаным нормам обычного права, одновременно такая гласность выступала залогом исполнения принятого решения. Большое значение придавали свидетельским показаниям, что было обусловлено не только низким уровнем грамотности, но и религиозно-нравственными нормами, особенностями юридических взглядов крестьян. Свидетели призывались на волостной суд для того, чтобы выяснить все обстоятельства дела, а следовательно, принять верное решение. Следует отметить, что крестьяне неохотно выступали свидетелями на суде, объясняя это нежеланием нажить себе врагов[1084].

Признание ответчиком своей вины играло важную роль в крестьянском судопроизводстве. Волостные суды принимали массу решений, основанных только на одном добровольном сознании ответчика, на его «чистосердечном раскаянии», при полном отсутствии каких-либо доказательств со стороны истца[1085]. Это еще одно подтверждение приоритета нравственного императива в правовых воззрениях русских крестьян. Православное сознание судей, памятуя о греховной природе человека, принимало признание своей вины подсудимым как осознание им гнусности содеянного и желание впредь беречься от преступных деяний. Поэтому приговор суда диктовался не суровой буквой закона, а христианским милосердием.

1083 ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 10.

1084 *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века. С. 176.

1085 *Панне А.* О доказательствах на волостном суде // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения. М., 1889. Вып. 1. С. 50.

Таким образом, волостные суды придерживались традиционного крестьянского взгляда на преступление как личную обиду, а наказание выносили в зависимости от степени причиненного ущерба, обстоятельств, при которых оно было совершено, и личных качеств тяжущихся. Волостные суды занимали некое промежуточное положение между общинными и официальными судами. Их основное отличие от сельских судов заключалось в разбирательстве дел на основании не только обычая, но и закона.

Деятельность волостного суда представляла собой исторически оправданный компромисс между обычным правом русской деревни и официальным законодательством. Волостные суды следует рассматривать как форму перехода от традиционного народного правосудия к государственному законодательству. Переходный характер волостного суда соответствовал задаче подготовки крестьянского населения к восприятию новой общеимперской организации правосудия, что позволило бы впоследствии унифицировать органы местного суда и утвердить в качестве единой его формы мировой суд[1086]. Формирование юридической культуры происходило на основе обычно-правовой системы. При всех недостатках сельского судопроизводства волостной суд являлся той силой, которая закрепляла и сохраняла нормы поведения в обыденных жизненных ситуациях. На рубеже XIX—XX вв. отчетливо проявилась тенденция, свидетельствующая о том, что крестьяне начали осознавать свои гражданские права и стремились оградить их законом.

1086 *Степанова С.О.* Создание и развитие волостного суда во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (31). Ч. I. С. 185.

Заключение

Проведенное исследование, выполненное в русле правовой этнологии, является попыткой перейти от теоретических размышлений о степени тождественности/различия права и закона к анализу обычного права как явления национальной культуры. Этим и обусловлен характер подачи материала, прежде всего конкретно-исторического характера, основанного на фундаментальной источниковой базе.

Обычное право не является чисто юридическим понятием. Оно тесно переплетено с религией и моралью, отражает обыденное сознание, определяет основы общественного самоуправления. Правовой обычай и правосудие как предметы изучения выступают не только проявлением правовой жизни русской деревни, но и выражением правосознания сельского социума, глубинных черт крестьянской ментальности.

Обычное право русских крестьян второй половины XIX — начала XX в. является историческим феноменом, вобравшим в себя многовековой правовой опыт русского народа. Закономерно, что именно «соль земли» — крестьянство — выступало хранителем и носителем обычно-правовых традиций.

«Эпоха Великих реформ» легализовала сферу крестьянских правоотношений, вернув обычному праву статус официально действующих юридических норм. Ряд правовых обычаев жителей русской деревни в сфере имущественных отношений получили легитимную осно-

ву. Официальный закон признал институт крестьянского правосудия — волостной суд, дозволив ему руководствоваться обычаем в принятии решений, а община как традиционная форма сельского самоуправления стала субъектом права.

Легализация крестьянских правовых обычаев являлась для власти мерой вынужденной, но объективно необходимой. Изучаемый период в жизни русского села стал временем активного правотворчества, которое шло в направлении сближения обычая и закона, втягивало крестьян в сферу действия официального законодательства и способствовало росту правовой культуры сельских жителей.

Изучение соотношения закона и обычая в правовой жизни русского села приводит к выводу о том, что правовые обычаи выступали основой для решения гражданско-правовых споров, закон — уголовных преступлений.

В крестьянском правосознании не было четкой грани между действиями, караемыми официальным законодательством, и деяниями греховными, осуждаемыми церковью. В оценке преступления жители русского села руководствовались нравственным началом, а не формальными положениями законодательства, которые им в большинстве своем и не были известны.

Правовой быт русских крестьян не был свободен от архаики деревенских суеверий. Они продолжали играть существенную роль в розыске преступника, способах доказательства, поведении крестьян на суде, а порой выступали и причиной противоправных действий сельских жителей.

Преступление рассматривалось как нанесение личной обиды, а его значимость определялась степенью нанесенного ущерба. Традиционно преступления оценивались на основе принципов: «глядя по человеку и хозяйству», «судя по обстоятельствам». «Прозрачность» сельских отношений позволяла установить объективную картину произошедшего, определить степень вины, избрать наказание, адекватное содеянному преступлению. Любое преступное деяние в селе имело общественный резонанс, поэтому и реакция «мира» носила публичный характер.

В области имущественных отношений правовые обычаи русских крестьян отличались завидным единообразием. Правовая специфика имущества сельской семьи была обусловлена особенностью земледельческого быта и фискальными обязанностями крестьянского двора. Общинный принцип уравнительности обеспечивал равные возможности дворам как основным производственным единицам «мира» и субъектам обычного права. Право на семейную собственность в русской деревне определялось трудовым вкладом в ее формирование.

В вопросах наследования, опеки бытовавшие нормы обычного права были более гуманны и гарантировали большую социальную защищенность, чем положения действующего законодательства. Сельская община силой своего авторитета обеспечивала контроль за соблюдением интересов «сирых и убогих» деревни.

Крестьянское правосудие было представлено общинными судами, отличавшимися многообразием форм и существованием полулегальных судебных расправ. Эти неформальные судебные разбирательства осуществлялись в рамках общинного самоуправления, основывались на нормах обычного права, поддерживались силой общественного мнения и карательными возможностями «мира».

Волостные суды были местом отправления правосудия в русском селе, а также и школой правовой грамотности для русских крестьян. Созданные государством, но представленные своим братом мужиком, они разрешали самые сложные правовые коллизии сельской жизни, основывая свои решения на принципе справедливости, так плохо понимаемом законниками, заседавшими в мировых и коронных судах. Волостная юстиция выступала своеобразной формой юридического просвещения деревни, способствовала развитию правовой культуры жителей русского села.

Современная правовая система, основанная на верховенстве закона, должна быть направлена на достижение в обществе справедливости, социального мира и общественного равновесия, тех принципов, которые и выступали традиционной основой правовых обычаев и правосудия русских крестьян.

Библиографический список

Источники

Архив Института этнологии и антропологии АН РФ. К. 14. Коллекция ОЛЕАЭ. Д. 45, 108, 150.

Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева. Оп. 2. Д. 87, 428, 450, 653, 654, 794, 831, 998, 1007, 1011, 1021, 1026, 1034, 1048, 1054, 1074, 1087, 1092, 1103, 1104, 1114, 1161, 1215, 1245, 1316, 1320, 1461, 1708, 2013, 2024, 2033, 2036, 2037,

Архив русского географического общества (АРГО). Разряд 19. Оп. 1. Ед. хр. 40.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Канцелярии Воронежского губернатора. Оп. 1. Д. 11.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 102. Департамент полиции. Оп. 2 д-во (1889). Д. 158. Ч. 15.; Оп. Д-4. 1911. Д. 449.

Ф. 586. Плеве В.К. Оп. 1. Д. 114, 120а, 431.

Ф. 730. Игнатьев Н.П. Оп. 1. Д. 115.

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО).

Ф. 4. Канцелярии Тамбовского губернатора. Оп. 1. Д. 6676.

Ф. 26. Тамбовское губернское по крестьянским делам присутствие. Оп. 1. Д. 647, 704, 715.

Ф. 66. Тамбовский губернский прокурор. Оп. 2. Д. 3999, Д. 3233, Д. 3658, Д. 3660, Д. 5054.

Ф. 143. Тамбовская губернская земская управа. Оп. 1. Д. 1; Оп. 4. Д. 8.

Ф. 181. Тамбовская духовная консистория. Оп. 1. Д. 1835, 2076

Ф. 231, 232, 327, 330, 331, 334, 788. Волостные суды.

Ф. 215—219, 262—269, 706, 707. Участковые земские начальники.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Ф. 58/II. Воронцовы-Дащковы. Карт. 12. Ед. хр. 5.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 395. Отдел сельской экономики и статистики Министерства земледелия и государственных имуществ. Оп. 1. Д. 325.

Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2095.

Ф. 950. Калачев Н.В. Оп. 1. Д. 272, 273.

Ф. 1291. Земский отдел МВД. Оп. 39. Д. 55; Оп. 42. Д. 33; Оп. 50. Д. 32; Оп. 53. Д. 102; Оп. 54. Д. 71.

Ф. 1344. Сенат. Оп. 10. Д. 311, 339. 734.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Губкомы РКП(б). Оп. 5. Д. 254.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 393. Редакция «Крестьянской газеты». Оп. 11. Д. 86.

Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет Т.А. Листовой.

Опубликованные источники

Астырев, Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления / Н.М. Астырев. — М., 1898. — 324 с.

Бунаков, Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя / Н. Бунаков — СПб.: Общественная польза, 1906. — 248 с.

Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. На примере Владимирской губернии. — СПб. : Изд-во Европейского дома, 1993. — 472 с.

Зеленин, Д.К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества / Д.К. Зеленин. Пг. : Имп. РГО, 1914. — Вып. I. — 483 с.; Вып. II. — 987 с.

Новиков, А. Записки земского начальника / А. Новиков. — СПб., 1899. — 240 с.

Обзор Воронежской губернии за 1895...1906 гг. — Воронеж : Губ. тип., 1896—1906.

Обзор Курской губернии за 1887...1901 гг. — Курск : Губ. тип., 1888—1902.

Обзоры Тамбовской губернии за 1881...1906 г. — Тамбов : Губ. тип., 1881—1907.

Обычаи в приговорах сельских сходов Тамбовской губер-

нии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. — Тамбов, 1903. — 376 с.

Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 г. — Тамбов : Губ. тип., 1868. — 33 с.

Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. — М. : Современник, 1987. — 510 с.

Программа для собирания сведений об юридических обычаях / под ред. М.Н. Харузина. — М. : тип. Е.Г. Потапова, 1887. — 365 с.

Программа для собирания народных юридических обычаев. — СПб. : тип. С. Бадашева, 1889. — 88 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». — СПб. : Навигатор, 2005—2011. — Т. 1—7.

Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / под ред. Ф.Л. Барыкова. — Спб, 1880. — Т. 1. — 463 с.

Сборник народных юридических обычаев. — СПб. : тип. А.С. Суворина, 1900. — Т. 2. — 429 с.

Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по делам присутствий). — СПб., 1873—1874. — Т. 1—9.

Энгельгардт, А.Н. Из деревни. Письмо седьмое / А.Н. Энгельгардт // Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. — М. : Современник, 1987. С. 146—235.

Законодательные акты

Крестьянская реформа в России в 1861 г. : сб. законодат. актов. — М.: Гос. изд. юрид. лит., 1954. — 498 с.

Общее положение о крестьянах (изд. 1902 года и по Прод. 1912 и 1913 гг.). С разъяснениями Правительствующего Сената по 20 Ноября 1914 года / сост. : И.М. Тютрюмов — 3-е изд., испр. и доп. — Петроград : Законоведение, 1915. — 1248 с.

Российское законодательство в X—XX вв. В 9-ти т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1986. — 512 с.

Свод законов Российской империи. — СПб. : тип. Е. И. В. канц., 1900. — Т. X, Ч. I.

Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. — М. : Изд-во А.Ф. Скорова, 1903 — 230 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. — СПб. : Изд-во Н.С. Таганцева, 1898. — 775 с.

Периодика

Козловская газета. — 1902. — 3 октября.
Курские губернские ведомости. — 1890. — 16 ноября.
Московские ведомости. — 1879. — № 57.
Московские ведомости. — 1881. — № 71.
Неделя. — 1878. — № 26.
Новости. — 1883. — № 45.
Русские ведомости. — 1884. — № 136, 153.
Русские ведомости. — 1885. — № 14.
Русский курьер. — 1879. — № 101.
Русский курьер. — 1880. — № 203.
Санкт-Петербургские ведомости. — 1873. — № 134.
Тамбовские губернские ведомости. — 1884. — № 27.
Тамбовские епархиальные ведомости. — 1898. — № 50.
Тамбовский край. — 1914. — 17 июня.
Тамбовский край. — 1914. — 26 июня.

Литература

Аборты в 1925 году. — М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1927. — 82 с.

Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. / В.А. Александров — М. : Наука, 1984. — 254 с.

Александров, В.А. Отечественная наука XIX — начала XX века об обычном праве в России / В.А. Александров // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в пореформенной России: Сб. ст. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1983.

Александров, В.А. Сельская община в России. XVII — начало XIX века / В.А. Александров. — М. : Наука, 1976. — 319 с.

Алборова, А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. / А.Г. Алборова — Нижний Новгород, 2007. — 30 с.

Ананских, И.А. Заключение брака по русским и абхазским обычаям (сравнительно-правовое исследование) / И.А. Ананских, А.Г. Алборова, Л.Л. Кавшбая и др. // Правовое поле современной экономики. — 2015. — № 9. — С. 81—95.

Андрощук, В.В. Преступление против религии по законодательству Росси конца XIX — начала XX вв.. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Андрощук. — М., 2015. — 268 с.

Анфимов, А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1880—1904. / А.М. Анфимов. — М. : Наука, 1980. — 238 с.

Астров, П.И. Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии / П.И. Астров // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). — М., 1889. — Вып. I. — С. 131—149.

Аухаген, Г. Критика русской поземельной общины / Г. Аухаген. — СПб. : Канц. ком. по землеустр. делам., 1914. — 32 с.

Баринов, В.В. Деятельность правительственных комиссий по реформированию волостного судопроизводства в начале XX века / В.В. Баринов // Вестник Евразийской академии административных наук. — 2014. — № 4 (29). — С. 50—55.

Баринов, В.В. Система органов волостной юстиции на территории республика Мордовия в конце XIX — начале XX (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) / В.В. Баринов // Российский научный мир. —2013. — № 1. — С. 24—36

Барсенев, В.В., Марков А.Р. Полиция и геи: эпизод из эпохи Александра III [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://anti-gey-kompromat.blogspot.com/2008/02/blog-post_6649.html (дата обращения: 10.08.2009).

Барыков, С. Крестьянская семья и «семейная собственность» в Архангельской губернии / С. Барыков. — Архангельск : Губернская тип., 1912. — 83 с.

Барыков, Ф.Л. Обычаи наследования у государственных крестьян / Ф.Л. Барыков. — СПб. : тип. Стелловского, 1862. — 100 с.

Башкирева, Н.В. Институт земских участковых начальников и волостной суд: к вопросу взаимодействия / Н.В. Башкирева // Известия. ВГПУ. — Т. 260. — 2013. — № 1. — С. 164—168.

Башмаков, А.А. Общие начала крестьянского права наследования / А.А. Башмаков // Журнал министерства юстиции. — СПб., 1906. — № 1. — С. 91—114.

Безгин, В.Б. Земельные иски в материалах волостных судов тамбовской губернии / В.Б. Безгин // Земледелие и землепользование в России (социально-правовые аспекты): XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщ. — М. : ИРИ РАН, 2002. — С. 116 —118.

Безгин, В.Б. Волостные суды России: компетенция, состав, практика / В.Б. Безгин // Российский судья. — 2009. — № 9. — С. 40—43.

Безгин, В.Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне (1880 — 1920-е гг.) / В.Б. Безгин // Право и политика. — 2010. — № 5. — С. 972—977.

Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX — начала XX века) / В.Б. Безгин. — М. ; Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2004. — 304 с.

Безгин, В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа / В.Б. Безгин // Вопросы истории. — 2005. — № 3. — С. 152—157.

Безгин, В.Б. Нормы обычного права в крестьянском землепользовании / В.Б. Безгин // Современное право. — 2009. — № 12. — С. 152—156.

Безгин, В.Б. Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) / В.Б. Безгин // Юридический мир.— 2009. — № 2. — С. 76—79.

Безгин, В.Б. Решения волостных судов по делам об оскорблении чести и достоинства (конец XIX в.) / В.Б. Безгин // Мировой судья. — 2010. — № 8. — С. 2—5.

Безгин, В.Б. Сделки, обязательства и ответственность сторон по обычному праву русских крестьян / В.Б. Безгин // Вопросы российского и международного права. — 2012. — № 3—4. — С. 8—24.

Безгин, В.Б. Суеверия в правовых обычаях русского села (вторая половина XIX века) / В.Б. Безгин // Исторические, философские, политические и юридические наук, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2009. — № 2(3). — С. 15—17.

Безобразов, П.В. О правах женщин / П.В. Безобразов. — М. : тип. Рассвет, 1895. — 162 с.

Безродный, М. Частная земельная собственность / М. Безродный. — М. : Сокол, 1906. — 107 с.

Белогриц-Котляревский, Л.С. Роль обычая в уголовном законодательстве / Л.С. Белогриц-Котляревский. — Ярославль : тип. Г.В. Фалька, 1888. — 16 с.

Беляев, Е.В. О некоторых изменениях правового сознания пореформенного крестьянства (1861—1889 гг.) [Электронный ресурс] / Е.В. Беляев // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74—1 // Режим доступа : http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-izmeneniyah-pravovogo-soznaniya-poreformennogo-krestyanstva-1861-1889-gg (дата обращения: 03.11.2012).

Бентович, Б. Торгующие телом: очерки современной проституции / Б. Бентович. — СПб., 1909. — 234 с.

Березанский, П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии / П. Березанский. — Киев : Унив. тип., 1880. — 224 с.

Бербанк, Д. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века / Д. Бербанк // Американская русистика. Вехи историографии последних лет : антология. — Самара : Изд-во Самар. гос. ун-та, 2000. — С. 243—265.

Бернштам, Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Половозрастной аспект традиционной культуры / Т.А. Бернштам. — Л. : Наука 1988. — 276 с.

Бреус, И.С. Прошлое и настоящее обычного права: к вопросу о содержании термина / И.С. Бреус // Олень всегда прав: исследования по юридической антропологии : сб. ст. / отв. ред. : Н.И. Новикова. — М. : Стратегия, 2003.

Бондаренко, В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии / В. Бондаренко // Этнографическое обозрение. — 1890. — № 4. — С. 1—17.

Бондаренко, В. Поверья крестьян Тамбовской губернии / В. Бондаренко // Живая старина. — 1890. — Вып. 2. — С. 115—121.

Бородаевский, С.В. Незаконнорожденные в крестьянской среде / С.В. Бородаевский // Русское богатство. — 1898. — № 10. — С. 238—241.

Бржеский, Н. Очерки юридического быта крестьян / Н. Бржеский. — СПб. : тип. В. Киршбаума, 1902. — 187 с.

Буланова, Л.В. Право общинной собственности на землю в России во второй половине XIX века / Л.В. Буланова // История государства и права. — 2005. — № 1. — С. 41—45.

Бусыгин, Е.П. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья (середина XIX — начало XX в.) / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Е.В. Михайличенко. — Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1973. — 165 с.

Васев, И.Н. Самосуд в крестьянском правовом быту / Н.И. Васев // Известия Алтайского государственного университета. — 2016. — № 3 (91). — С. 28—32.

В.В. (Воронцов, В.П.) Крестьянская община / В. П. Воронцов. — М. : тип. А.И. Мамонтова и К, 1892, — 656 с.

Вениаминов, П. Крестьянская община (что она такое, к чему идет, и что может дать России) / П. Вениаминов. — СПб. : Трудовой союз, 1908. — 223 с.

Верховцева, И.Г. Реформирование волостного суда в Российской империи в 1912—1914 гг. / И.Г. Верховцева // Интеллигенция и власть. — 2015. — Вып. 32. — С. 48—59.

Весин, Л. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни / Л. Весин // Русская мысль. — 1891. — Кн. X. — С. 37—65.

Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. — Ростов н/Д : Феникс, 1995. — 640 с.

Виригин, И. Начала народного права и судопроизводства / И. Виригин // Русская речь. — 1879. — № 3. — С. 137—150.

Вормс, А.Э. Закон и обычай в наследовании у крестьян / А.Э. Вормс. — М., 1913. — 30 с.

Воробьева, Л.В. Пореформенная русская крестьянская община как юридический феномен (1861—1905 гг.): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.В. Воробьева. — М., 2002. — 24 с.

Вороновский, В.М. Волостной суд и новый проект его устройств / В.М. Вороновский. — СПб., 1904. — 38 с.

Вронский, О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917) / О.Г. Вронский. — М. : МПГУ, 2000. — 418 с.

Вронский, О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX—XX вв.: структура, управление, поземельные отношения / О.Г. Вронский. — М. : МПГУ, 1999. — 153 с.

Всеволожский, Е. Очерки крестьянского быта / Е. Всеволожский // Этнографическое обозрение. — 1895. — № 1. — С. 1—34.

Галкин, А.Г. Правосудие для крестьян: волостные и мировые суды в оценке крестьян и образованного общества (1870—1880-е гг.) / А.Г. Галкин // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2011. — № 4 (9). — С. 29—34.

Гернет, М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование / М.Н. Гернет. — М. : тип. Моск. ун-та, 1911. — 318 с.

Гернет, М.Н. Общественные причины преступности. Избранные произведения / М.Н. Гернет. — М. : Юридическая литература, 1974. — 639 с.

Гильдебрант, П.А. Труды этнографическо-статистической экспедиции / П.А. Гильдебрант. — СПб., 1872. — С. 3—14.

Головин, К.Ф. Община в литературе и действительности / К.Ф. Головин. — СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1887. — 269 с.

Голосенко, И. Русская дореволюционная социология о феномене проституции [Электронный ресурс] / И. Голосенко // Режим доступа : http://socnet.narod.ru/Rubez/10-11/golosenko.htm (дата обращения: 24.08.2009).

Гольмстен, А.Х. Юридические исследования и статьи / А.Х. Гольмстен. — СПб., 1894. — 533 с.

Грегори, А.В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодо-

изгнании (по данным Варшавского окружного суда за 20 лет, 1885—1904) / А.В. Грегори. — Варшава : тип. К. Ковалевского, 1908. — 391 с.

Громыко, М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиции / М.М. Громыко // Советская этнография. — 1984. — № 5. — С. 70—80.

Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. — М. : Молодая гвардия, 1991. — 446 с.

Громыко, М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громыко.— М. : Наука, 1986. — 278 с.

Громыко, М.М. О воззрениях русского народа / М.М. Громыко, А.В. Буданов. — М. : Паломник, 2000. — 540 с.

Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. Право и обычай [Электронный ресурс] / А.Я. Гуревич // Режим доступа : http://justlife.narod.ru/gurevich/gurevich08.htm (дата обращения: 26.12.2009).

Г.Ф. К вопросу о преобразовании волостных судов // Отечественные записки. — 1873. — Т. 1, Кн. 1. — С. 86—87.

Дерюжинский, В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. [Электронный ресурс] / В.Ф. Дерюжинский. СПб., 1903. // Режим доступа : http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3908.html (дата обращения: 24.08.2009).

Добротворский, Н. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии / Н. Добротворский // Юридический вестник. — 1889. — № 6—7. — Кн. 2. — С. 261—293.

Добротворский, Н. Крестьянские юридические обычаи / Н. Добротворский // Юридический вестник. — 1891. — № 11. — С. 331—332.

Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество / С.Д. Домников. — М. : Алетейя, 2002. — 672 с.

Дружинин, Н.П. Очерки крестьянской общественной жизни / Н.П. Дружинин. — СПб. : Право, 1905. — 252 с.

Духовский, М.В. Имущественные преступления по решениям волостных судов / М.В. Духовский. — М. : тип. М.П. Щепкина, 1891. — 387 с.

Дынин, В.И. Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX—XX веков / В.И. Дынин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. — 210 с.

Евреинов, Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке / Г.А. Евреинов. — СПб., 1903. — 246 с.

Егоров, Д.В. Исторический портрет волостного судьи / Д.В. Егоров // Вестник Пермского университета. — 2015. — Вып. 4 (31). — С. 120—128.

Егоров, Е.В. Наказание по обычному и государственному праву в чувашской дореволюционной деревне [Электронный ресурс] / Е.В. Егоров // Режим доступа : http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/Egorov_D.pdf (дата обращения: 23.09.2010).

Егорова, О.В. Дети-сироты и их устройство в чувашской общине [Электронный ресурс] /О.В. Егорова // Режим доступа : http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-180.pdf (дата обращения: 03.06.2012).

Есиков, С.А. Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861—1905 гг.): историко-правовое исследование / С.А. Есиков. — СПб. : Нестор, 2007. — 190 с.

Есиков, С.А. Правовой статус подворного землевладения и землепользования в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861—1905) / С.А. Есиков, М.М. Есикова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. — 2012. — Специальный выпуск (38). — С. 39—40.

Есиков, С.А. Динамика частного крестьянского землевладения в Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX веков / С.А. Есиков, В.Н. Шмарин. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2005. — 20 с.

Ефименко, А.Я. Исследования народной жизни. Обычное право / А.Я. Ефименко. — М. : «Русская» типолитография, 1884. — Вып. 1. — 382 с.

Ефименко, П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / П.С. Ефименко. — Архангельск : Губ. тип., 1869. — Кн. 1. — 336 с.

Ефремов, А.В. Эволюция обычно-правовых норм института брака и семьи у этноса мари в XVIII — XIX вв. / А.В. Ефремов // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 6 (49). — С. 300—302.

Жбанков, Д.Н. Хроника телесных наказаний в России в XX веке / Д.Н. Жбанков. — СПб. : тип. Я. Трей, 1901. — 55 с.

Железнов, Ф. Воронежская деревня. Больше-Верейская волость / Ф. Железнов. — Воронеж, 1926. — Вып. II. — 48 с.

Загоскин, Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. / Н.П. Загоскин — Казань, 1899. — Т. 1. — 512 с.

Загребин, А.Е. Правовой обычай в практике социального ре-

гулирования удмуртской общины-буксель / А.Е. Загребин, И.Л. Поздеев // Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26, Вып. 6. — С. 153—161.

Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. — М. : Изд-во МГУ, 1960. — 368 с.

Зарудный, М.И. Законы и жизнь. Исследования крестьянских судов / М.И. Зарудный. — СПб. : тип. Втор. отд. соб. Е. И. В. канц., 1874. — 224 с.

Звонков, А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда / А.П. Звонков // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). — М., 1889. — Вып. I. — С. 113—121.

Земцов, Л.И. Борьба за крестьянское правосудие в России в начале XX века / Л.И. Земцов // Вестник восстановительной юстиции. — 2016. — Вып. 13. — С. 52—59.

Земцов, Л.И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья) / Л.И. Земцов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — 448 с.

Земцов, Л.И. Волостные суды Центрального Черноземья в начале 70-х гг. XIX в. / Л.И. Земцов // Исторические записки. — Воронеж, 2000. — Вып. 5. — С. 65—72.

Земцов, Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60—80-е гг. XX в.) / Л.И. Земцов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. — 264 с.

Земцов, Л.И. Обычно-правовые основы деятельности волостных судов в России (60—70-е гг. XIX в.) / Л.И. Земцов // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». — 2005. — № 2. — С. 234—244.

Земцов, Л.И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е — 80-е гг. XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.02 / Л.И. Земцов. — Липецк, 2004. — 46 с.

Златовратский, Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) / Н.Н. Златовратский // Письма из деревни: очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. — М., 1987. — С. 236—380.

Зырянов, П.Н. Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907—1914 гг. / П.Н. Зырянов // Исторические записки. — М., 1988. — Т. 116. — С. 103—160.

Зырянов, П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной

общине / П.Н. Зырянов // Ежегодник по аграрной истории. — Вологда, 1976. — Вып. 6. — С. 91—101.

Ибрагимов, К.Х. Особенности общинной поземельной собственности в России / К.Х. Ибрагимов // Вопросы истории. — 2007. — № 12. — С. 117—124.

Иванов, В. Крестьянский суд и формальное правосудие / В. Иванов // Русское богатство. — 1880. — Кн. 12. — С. 47—48.

Изгоев, А.С. Общинное право (опыт социально-юридического анализа землевладения, как института гражданского права) / А.С. Изгоев. — СПб., 1906. — 160 с.

Илларионов, Н.С. Значение обычного права в народном суде Н.С. Илларионов. — Харьков : тип. Южный край, 1893. — 14 с.

Иллюстров, И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа / И.И. Иллюстров. — М. : типография В.В. Чичерина, 1885. — 72 с.

Ильюхов, А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года / А.А. Ильюхов. — М. : Новый хронограф, 2008. — 560 с.

Исаев, А. Значение семейных разделов. По личным наблюдениям / А. Исаев // Вестник Европы. — 1883. — Т. IV. — С. 333—349.

Кавелин, К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. / К. Д. Кавелин. — СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1900. — Т. 4: Исследования, очерки и заметки. Этнография и правоведение. — 680 с.

Калачов, Н.В. О волостном и сельском суде в древней и новой России / Н.В. Калачов. — СПб. : тип. В. Безобразова и К, 1880. — 22 с.

Канторович, Я. Женщина в праве / Я. Канторович. — СПб. : изд. Я. Канторовича, 1895. — 312 с.

Качоровский, К.Р. Народное право / К.Р. Качоровский. — М. : Новые силы, 1906. — 251 с.

Качоровский, К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? / К.Р. Качоровский. — СПб. : Народная польза, 1900. — 431 с.

Кашкаров, М. Статистический очерк хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губернии / М. Кашкаров. — СПб. : тип. В. Киршбаума, 1902. — 84 с.

Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М.М. Ковалевский. — М. : ОГИЗ, 1939. — 187 с.

Козлова, Н.И. Социально-историческая антропология / Н.И. Козлова. — М. : Ключ С, 1999. — 188 с.

Коновалова, А.С. Обычное право в российской правовой жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.С. Коновалова. — М., 2005. — 23 с.

Корелин, А.К. Общинное земледелие в России / А.К. Корелин — СПб., 1896. — 288 с.

Косарецкая, Е.Н. Мотивационный комплекс женских преступлений во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам Орловской губернии) / Е.Н. Косарецкая // Управление общественными и экономическими системами. — 2007. — № 1 (9). — С. 1—13.

Костров, Н.А. Юридические обычаи крестьян старожил Томской губернии / Н.А. Костров. — Томск : б.и., 1876. — 117 с.

Кочетыгова, Н.И. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.И. Кочетыгова. — М., 2005. — 25 с.

Краснов, С.Ю. Наказание виновных по обычному праву донских казаков во второй половине XIX века [Электронный ресурс] / С.Ю. Краснов // Режим доступа : http://fstanitsa.ru/traditions (дата обращения: 19.11.2010).

Красноперов, И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом / И.М. Красноперов // Сборник правоведения и общественных знаний. — СПб., 1893. — Т. 1. — С. 268—292.

Крестьянский строй : сб. ст. — СПб. : Беседа, 1904. — Т. 1. — 455 с.

Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке — начале XX века. — М. : Современные тетради, 2003. — 402 с.

Крестьянское хозяйство, его быт и правовое положение. — М., 1916. — 96с.

Крюкова, С.С. Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. / С.С. Крюкова // Этнографическое обозрение. — 1992. — № 4. — С. 41—49.

Кирилин, А.В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Кирилин. — М., 2005. — 23 с.

Кузнецов, С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры. Общественно-культурная среда / С.В. Кузнецов. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — Т. 1. — С. 212 — 261.

Кузнецов, С.В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX — начало XX в.) / С.В. Кузнецов. — М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2008. — 362 с.

Кузнецов, Я.О. Положение членов крестьянской семьи по пословицам и поговоркам / Я.О. Кузнецов. — СПб, 1904. — 27 с.

Куликова, С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX — начало XX веков) : монография / С.Г. Куликова. — Гагарин : Полимир, 2011. — 174 с.

Курашов, А.В. Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX — начала XX века: по материалам центральных губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Курашов. — М., 2003 — 16 с.

Куркова, Ю.В. Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины на рубеже XIX — XX веков (на материалах Богородского уезда Московской губ.) / Ю.В. Куркова // Отечественная история. — 2003. — № 1. — С. 154—161.

Кучумова, Л.И. Сельская поземельная община Европейской России / Л.И. Кучумова // Исторические записки. — М., 1981. — Т. 106. — С. 108—139.

Лаптева, Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. / Л.Е. Лаптева // Государство и право. — 1997. — № 8. — С. 101—109.

Лаухина, Г.В. Поземельная община и женщина-крестьянка в 60—90-е гг. XIX века (по материалам Центрального Черноземья) / Г.В. Лаухина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 115.

Лебина, Н.Б. Гетеры, авлетриды и тайные проститутки. Милость к падшим [Электронный ресурс] / Н.Б. Лебина, М.В. Шкаровский // Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994. Режим доступа : http://www.a-z.ru/women/texts/lebir-1.htm (дата обращения: 14.07.2009).

Левенстим, А.А. Конокрадство с юридической и бытовой стороны / А.А. Левенстим // Вестник права. — 1899. — № 2. — С. 28—82.

Левенстим, А.А. Суеверие в его отношении к уголовному праву / А.А. Левенстим // Журнал Министерства Юстиции. — 1897. — № 1. — С. 157—219.

Левенстим, А.А. Суеверие и уголовное право / А.А. Левенстим. — СПб. : тип. Я. Канторовича, 1897. — 187 с.

Левин, М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи / М. Левин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ежегодник. — М., 1997. — Вып. 2. — С. 84—127.

Леонтьев, А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян / А.А. Леонтьев. — СПб. : Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1895. — 125 с.

Леонтьев, А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах / А.А. Леонтьев. — СПб. : Законоведение, 1909. — 401 с.

Линденберг, В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании в Витебской губернии / В. Линденберг. — Юрьев : тип. К. Матиссена, 1910. — 86 с.

Литвин, Ю.В. Имущественные права карельской крестьянки во второй половине XIX — начале XX века: традиция, закон и правоприменительная практика (на материалах Олонецкой губернии) / Ю.В. Литвин // Труды Карельского научного центра РАН. — 2011. — № 6. — С. 133—138.

Лозовский, Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву / Н. Лозовский // Юридический вестник. — 1883. — № 6—7. — С. 358—414.

Ломакина, И.Б. Обычное право: историко-теоретический аспект : монография / И.Б. Ломакина. — СПб. : Изд-во НПК РОСТ, 2005. — 76 с.

Лонская, С.В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству / С.В. Лонская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Вып. 9. — С. 7—14.

Лосицкий, А.Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины / А.Е. Лосицкий. — М. : тов-во Печатня С.П. Яковлева, 1916. — 57 с.

Любавский, А. О детоубийстве / А. Любавский // Юридический вестник. — СПб. : Изд. Николаем Качаловым, 1863.— Вып. 37. — № 7. — С. 1—29.

Малышева, О.Л. Православная традиция внутрисемейного быта русского крестьянства Казанского края во второй половине XIX — начале XX вв. / О.Л. Малышев // Вестник ТГГПУ. — 2017. — № 4 (11).

Марксистко-ленинская общая теория государства и права: исторические типы государства и права. — М. : Изд-во Юрид. лит-ры, 1971. — 640 с.

Мартышкин, В.М. Деятельность института волостного судопроизводства в пореформенной России: к 150-летию судебных уставов 1864 г. / В.М. Мартышкин // Евразийская адвокатура. — 2014. — № 3 (10). — С. 33—37.

Маслов, Е. Несколько слов о волостных судах [Электронный ресурс]. / Е. Маслов // Режим доступа : http://bogorodsknoginsk.ru/vlasty/18_sud.html (дата обращения: 23.05.2009).

Матвеев, П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии / П.А. Матвеев // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. — СПб. : тип. В. Киршбаума, 1878. — С. 11—47.

Матвеев, С. Из жизни современного крестьянского мира (в волостных старшинах) / С. Матвеев // Русское богатство. — 1913. — № 9. — С. 108—142.

Машкин, А.С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда / А.С. Машкин // Этнографический сборник. — СПб., 1862. — Вып. V. — С. 1—119.

Мейендорф, А.Б. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права и затруднительность его применения / А.Б. Мейендорф. — СПб : Н.К. Мартынов, 1909.

Мейер, Д.И. Русское гражданское право : в 2-х т. / Д. И. Мейер. — СПб. : тип. Н. Тиблена и К., 1862. — Т. 1. — 532 с.; Т. 2. — 651 с.

Мельников, П.Ю. Особенности обычного права Российской империи XIX века: «трудовая теория крестьянской семьи (основные положения и контраргументы) / П.Ю. Мельников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 2 (103). — С. 59—64.

Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): Мат-лы международ. науч. конф. Москва. 14—15 июня 1994 г. — М. : РОССПЭН, 1996. — 439 с.

Мержеевский, В.О. Судебная гинекология. Руководство для врачей и юристов / В.О. Мержеевский. — СПб. : Изд-во Б.Г. Янпольского, 1878. — 550 с.

Менщиков, И.С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне / С.Г. Менщиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 6 (68). — Ч. I. — С. 119—124

Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса / Л.В. Милов. — М. : РОССПЭН, 2001. — 576 с.

Милоголова, И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне / И.Н. Милоголова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. — 1998. — № 2. — С. 18—30.

Милоголова, И.Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861—1900 гг. / И.Н. Милоголова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. — 1995. — № 1. — С. 22—31.

Милоголова, И.Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье / И.Н. Милоголова // Советская этнография. — 1991. — № 2. — С. 93—102.

Миненко, Н.А. «С общего согласия приговорили...»: судопроизводство в крестьянской общине / Н.А. Миненко // Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII—XIX вв. — Новосибирск, 1989. — С. 38—65.

Минх, А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861—1888 гг. / А.Н. Минх. — СПб. : тип. В. Безобразова и Ко., 1890. — 152 с.

Миридонова, В.С. Нормативное регулирование завещатель-

ных распоряжений в крестьянской среде в России второй половины XIX — начала XX века [Электронный ресурс] / В.С. Миридонова, Т.В. Титова // Режим доступа : http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001 (дата обращения: 12.02.2012).

Миронов, Б.Н. Благосостояние населения и революция в имперской России: XVIII — начало XX века / Б.Н. Миронов. — М. : Новый хронограф, 2010. — 911 с.

Миронов, Б.Н. Преступность в России в XIX — начале XX века / Б.Н. Миронов // Отечественная история. — 1998. — № 1. — С. 36—42.

Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) в 2-х т. / Б.Н. Миронов. — СПб. : Дмитрий Булавин, 2000. — Т. 1. — 548 с.; Т. 2. — 568 с.

Михель, Д.В. Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика / Д.В. Михель // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. — № 4. — С. 439—456.

Михневич, В. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования / В. Михневич. — СПб. : Лимбус Пресс, 2003. — 784 с.

Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи / В.А. Мурин. — М. : Новая деревня, 1926. — 158 с.

Мухин, В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему Гражданскому уложению) / В.Ф. Мухин. — М. : Изд. Редакц. комис. по сост. Гражданского Уложения, 1888. — 333 с.

Невская, Т.А. Обычно-правовое регулирование повседневной жизни крестьянства Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. / Т.А. Невская // Вестник СевКавГТУ. Серия «Право». — 2004. — № 1 (6).

Неклюдов, Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права: в 3 т. / Н.А. Неклюдов. — СПб. : тип. П.П. Меркульева., 1876. — Т. 1. Преступления и проступки против личности. — 555 с.

Никонов. С.П. Крестьянский правопорядок и его желательное будущее / С.П. Никонов. — Харьков : печатня С.П. Яковлева, 1906. — 330 с.

Обнинский, П.Н. Закон и быт: очерки и исследования нашего реформируемого права / П.Н. Обнинский. — М., 1891. — Вып. 1. — 138 с.

Обнинский, П.Н. Из области суеверий и предрассудков / П.Н. Обнинский // Юридический вестник. — 1890. — № 11. — С. 359—381.

Общая теория государства и права. Общая теория права. Т. 2. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 416 с.

Обычное право и правовой плюрализм: мат-лы XI междунар. конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997, Москва. — М., 1999. — 251 с.

Обычное право народов России: библиографический указатель (1890—1998 гг.) / составитель и автор вступительной статьи А.А. Никишенков; под ред. Ю.И. Семенова. — М. : Старый сад, 1998. — 252 с.

Оршанский, И.Г. Исследования по русскому праву. Обычному и брачному / И.Г. Оршанский. — СПб. : типо-лит. А.Е. Ландау, 1879. — 453 с.

Осипова, М.П. Материальное положение опекаемых малолетних в крестьянской среде Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX века / М.П. Осипова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 3 (9). — Ч. II. — С. 152—157.

Осипова, М.П. Юридические обычаи крестьянства по опеке малолетних (вторая половина XIX — начало XX в.) / М.П. Осипова // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. — 2010. — Вып. 8 (88) — С. 180—185.

Панферов, А. Обычное право в укладе крестьянского двора / А. Панферов // Революция права. — 1927. — № 2. — С. 110—116.

Паппе, А. О доказательствах на волостном суде / А. Паппе // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения. — М., 1889. — Вып. 1. — С. 50—62.

Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки: в 2-х т. / С.В. Пахман. — СПб. : Литография Куприна, 1877—1879. — Т. 1 . — 447 с.; Т. 2. — 400 с.

Пахман, С.В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии / С.В. Пахман // Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. — СПб. : тип. А.С. Суворина, 1900. — С. 12—20.

Петражицкий, Л.М. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. / Л.М. Петражицкий. — СПб. : тип. С.-Пб. АО Слово, 1907. — 656 с.

Петров, Н.А. Община и обычное право чувашских крестьян во второй половине XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.А. Петров. — Уфа, 2000. — 24 с.

Платонов, О.А. Экономика русской цивилизации / О.А. Платонов. — М. : Родник, 1995. — 384 с.

Плеханов, А.А. Обычное право как социокультурный фактор

общественного развития : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А.А. Плеханов. — Саранск, 2006. — 24 с.

Поликарпов, Ф. Нижнедевицкий уезд: этнографические характеристики / Ф. Поликарпов. — СПб., 1912. — 17 с.

Полищук, В.А. Уголовные преступления уральских крестьян (по материалам Уральского окружного суда) [Электронный ресурс] / В.А. Полищук // Режим доступа : http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/.../016_Polishchuk.pdf (дата обращения: 07.06.2012).

Попов, В.А. Правовой статус крестьянского землевладения в России в начале XX в. / В.А. Попов // Власть и общество в России. XX век: сб. науч. труд. — М.; Тамбов, 1999. — С. 221—227.

Попов, Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева / Г. Попов. — СПб. : тип. А.С. Суворина, 1907. — 401 с.

Попп, И.А. Крестьянский местный суд: к проблеме «лихоимства» и «мздоимства» волостных судей / И.А. Попп // Вопросы всеобщей истории. — 2013. — Т. 15. — С. 84—89.

Преображенский, Ф.А. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица / Ф.А. Преображенский. — М. : Унив. тип., 1893. — 87 с.

Птицын, В.В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии / В.В. Птицын. — СПб. : типо-лит Месника и Римана, 1886. — 181 с.

Пясецкий, Г. Забытая история Орла / Г. Пясецкий. — Орел : ОГРТК, 1999. — 251 с.

Пятницкий, Б.И. Половые извращения и уголовное право / Б.И. Пятницкий. — Могилев : тип. И.Б. Клаза , 1910. — 84 с.

Риттих, А.А. Зависимость крестьян от общины и мира / А.А. Риттих. — СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. — 217 с.

Риттих, А.А. Крестьянский правопорядок. Свод труд. местн. комит. по 49 губерн. Европ. России / А.А. Риттих. — СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. — 448 с.

Романов, Н. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда / Н. Романов. — Тамбов, 1886. — 166 с.

Савенко, Г.В. Изучение проблем обычного права в новейших публикациях отечественных юристов / Г.В. Савенко // Правоведение. —2004. — № 3. — С. 259—269.

Самоквасов, Д.Я. История русского права. / Д.Я. Самоквасов. — Варшава : тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1878. — Вып. 1. — 346 с.

Самоуправление крестьянского сельского и волостного общества. — М. : И.Д. Сытина, 1905. — 143 с.

Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юрид. общ-ва. Москов. ун-та. — СПб., 1894. — Т. 3. — 392 с.

Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования). — М., 1889. — Вып. 1. — 406 с.

Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. — М., 1891. — Т. 2. — 348 с.

Село Вирятино в прошлом и настоящем. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 278 с.

Семенов, С.П. Из истории одной деревни (записки волоколамского крестьянина) / С.П. Семенов // Русская мысль. — 1902. —Кн. 7. — С. 20—37.

Семенов, С.Т. Нужды и недостатки крестьянского общества / С.Т. Семенов. — М. : Посредник, 1906. — 29 с.

Семенов, Ю.И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие / Ю.И. Семенов // Юридическая антропология. Закон и жизнь. —М. : Стратегия, 2000. — С. 15—31.

Семенов, Ю.И. Пережитки первобытных форм отношения полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. / Ю.И. Семенов // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 1. — С. 32—48.

Семенова-Тян-Шанская, О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний / О.П. Семенова-Тян-Шанская. — Рязань : Изд-во РГПУ, 1995. — 144 с.

Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. — СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1910. — 667 с

Силин, А.В. Крестьянская община Воронежской губернии в 1861—1900 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Силин. — Воронеж, 1998. — 186 с.

Скоробогатый, П. Влияние старшин и писарей на отправление волостной юстиции / П. Скоробогатый // Юридический вестник. — 1881. — № 12. — С. 607—623.

Скоробогатый, П. Очерки крестьянского суда / П. Скоробогатый. — М. : Ред. Юридич. вестника, 1882. — 208 с.

Скоробогатый, П. Устройство крестьянских судов / П. Скоробогатый // Юридический вестник — 1880. — № 6. — С. 309—346; № 7. — С. 486—516.

Скотт, Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян / Дж. Скотт // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. — 1996. — М., 1996. — С. 25—58.

Скуратова, И.Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861—1917 гг.) : авто-

реф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.Н. Скуратова. — Владимир, 2007. — 21 с.

Смирнов, А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа / А.Г. Смирнов // «А се грехи злые, смертные...»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. В 3-х кн. Кн. 1. — М. : Ладомир, 2004. — С. 356—557.

Смирнов, А.М. Самосуд в России / А.М. Смирнов. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 384 с.

Смирнов, А.М. Самосуд как социально-культурный феномен крестьянской общины в эпоху Российской империи / А.М. Смирнов // История государства и права — 2013. — № 10. — С. 10—13.

Смирнов, А.М. Самосуд над ведьмами и колдунами в России / А.М. Смирнов // История государства и права. — 2015. — № 7. — С. 6—9.

Соловьев, В.Ю. Российская власть и крестьянские надельные земли в конце XIX — начале XX века / В.Ю. Соловьев, А.Н. Соляниченко // Власть. — 2008. — № 3. — С. 60—63.

Соловьев, Е.Т. Гражданское право: очерки народного юридического быта / Е.Т. Соловьев. — Казань : тип. губернского правления, 1888. — 166 с.

Соловьев, Е.Т. Преступление и наказание по понятиям крестьян Поволжья / Е.Т. Соловьев // Сборник народных юридических обычаев. — СПб. : тип. А.С. Суворина, 1900. — Т. 2. — С. 275—300.

Соловьев, Е.Т. Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии / Е.Т. Соловьев // Сборник народных юридических обычаев. — СПб. : тип. В. Киршбаума, 1878. — Т. 1. — С. 15—17.

Соловьева, И. Крестьянские сироты XIX века [Электронный ресурс] / И. Соловьева // Режим доступа : http://vstrecha.glasnet.ru (дата обращения: 11.03.2008).

Соловьева, И.С. Традиция опеки у русских крестьян в конце XIX века / И.С. Соловьева // Вестник ПСТГУ. — 2011. — Вып. 4 (41). — С. 53—59.

Сорокин, А.А. Волостной суд в системе судопроизводства Российской империи в конце XIX — начале XX вв. / А.А. Сорокин // Социогуманитарный вестник. — 2011. — № 2. — С. 121—125.

Сорокин, А.А. Реформа волостного суда в 1890-е годы (по материалам комиссии Н.В. Муравьева) / А.А. Сорокин // Вест-

ник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки — 2016. — № 6. — С. 68—74.

Соснина, М.А. Система волостных судов в пореформенной России (на примере Архангельской губернии) / М.А. Соснина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2014. — № 9.

Спасский, И. Обычаи, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Свале Тамбовского уезда / И. Спасский // Тамбовские епархиальные ведомости. — 1880. — № 17. — С. 449—461.

Статистика о наказаниях, налагаемых волостными судами в Архангельской губернии. — Архангельск : Губ. тип., 1913.

Степанова, С.О. Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период / С.О. Степанова // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2013. — № 2. — С. 58—70.

Степанова, С.О. Создание и развитие волостного суда во второй половине XIX — начале XX в. / С.О. Степанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2012. — № 7 (31). I. — С. 183—185.

Таганцев, Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. В 2-х т. / Н.С. Таганцев. — СПб. : тип. А.М. Котомина, 1870. — Т. 2. — 422 с.

Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. / Н.С. Таганцев. — М. : Наука, 1994. — Т. 1. — 380 с.

Таганцев, Н.С. Сокрытие матерью трупа ее младенца, рожденного живым / Н.С. Таганцев // Журнал гражданского и уголовного права: Май. — СПб. : тип. А.М. Котомина, 1873. — Кн. 3. — С. 198—204.

Тарабанова, Т.Н. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) / Т.Н. Тарабанова // Россия и реформы : Сб. ст. — М., 1993. — Вып. 2. — С. 224—231.

Тарновская, П.Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование с 163 рис. и 8 антропометрическими таблицами / П.Н. Тарновская. — СПб. : «Т-во Художественной печати», 1902. — 512 с.

Тарновский, Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874—1894 гг.) / Е. Н. Тарновский. — СПб. : тип. Прав. сената, 1899. — 407 с

Тарновский, И. Извращение полового чувства у женщин / И. Тарновский. — СПб. : тип. С.Н. Худекова, 1895. — 167 с.

Тенишев, В.В. Административное право русского крестьянства / В.В. Тенишев. — СПб. : тип. А.С. Суворина, 1908. — 164 с.

Тенишев, В.В. Правосудие в русском крестьянском быту/ В.В. Тенишев. — Брянск : тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. — 192 с.

Титов, А.А. О мировых судьях и земских начальниках / А.А. Титов. — СПб. : тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1906. — 32с.

Титов, А.А. Юридические обычаи села Никола-Перевоз, Сулостской волости, Ростовского уезда / А.А. Титов.— Ярославль : тип. Губ. зем. управы, 1888. — 144 с.

Толмачев, М.С. Крестьянский вопрос по взглядам земства и местных людей / М.С. Толмачев. — М. : типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и К, 1903. — 172 с.

Трапезникова, М.М. Особенности брачного договора по русскому обычному праву и обычно-правовым нормам народов Северного Кавказа XIX века / М.М. Трапезникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2012. — № 1 (14). — С. 37—40.

Трошина, Т.И. Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыты (на материалах северных губерний Европейской России) / Т.И. Трошина // Российская история. — 2012. — № 2. — С. 193—201.

Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. — М. : Тов-во скоропеч. А.А. Ливенсона, 1908. — 225 с.

Тютрюмов, И. Крестьянская семья (очерк обычного права) / И. Тютрюмов // Русская речь. — 1879. — Кн. 4. — С. 270—294; Кн. 7. — С. 123—156; Кн. 10. — С. 283—318.

Ушаков, Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов / Д.Н. Ушаков // Этнографическое обозрение. — 1898. № 2—3. — С. 146—204.

Федоров, С.Г. Конокрадство и самосуд в системе обычного права провинциальной России второй половины XIX века / С.Г. Федоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение Вопросы теория и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 3 (41). Ч. II. — С. 197—199.

Федоров, С.Г. Снохачество и самосуд в обычном праве российской и сибирской деревень во второй половине XIX — начале XX в. / С.Г. Федоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение Вопросы теория и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 11 (61). Ч. I. — С. 185—188.

Филиппов, А. Женщина в крестьянской семье / А. Филиппов // Русское богатство. — 1880. — № 3—4. — С. 84—120.

Фрэнк, С. Народная юстиция и культура русского крестьянства. 1870-1900 / С. Фрэнк // История ментальностей и историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. — М., 1996. — С. 233—238.

Харламов, И. Женщина в русской семье / И. Харламов // Русское богатство. — № 3. — С. 53—107; № 4. — С. 59—112.

Хауке, О.А. Крестьянское земельное право: подробное систематическое пособие к изучению действующего законодательства и практики по вопросам крестьянского землевладения / О.А. Хауке. — М. : типо-лит. В. Рихтер, 1914. — 384 с.

Хвостов, В.М. Женщина и человеческое достоинство / В.М. Хвостов. — М. : Изд-во Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. — 510 с.

Хвостов, В.М. Общая теория права: элементарный курс [Электронный ресурс] / В.М. Хвостов // Режим доступа : http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum958/item1428.html (дата обращения: 26.12.2009).

Хироси, Е. Модернизация российской империи и обычное семейное право. Споры современников / Е. Хироси // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. — М. : АИРО-XX, 2001. — С. 15—29

Царегородская, Е.В. Научные интерпретации правового обычая и его роль в истории права / Е.В. Царегородская. — СПб. : Астерион, 2006. — 88 с.

Чалидзе, В. Уголовная Россия / В. Чалидзе. — М. : Терра, 1990. — 395 с.

Чарушин, А.А. Крестьянские сходы в бытовом их освещении / Чарушин А.А. — Архангельск : Губ. тип., 1911. — 16 с.

Чепурный, К.Ф. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии / К.Ф. Чапурный. — Киев : Универ. тип, 1874. — 37 с.

Чернявский, С.П. Народный суд / С.П. Чернявский. — Каменец-Подольск, 1901.

Чичерин, Б.Н. Опыты по истории русского права / Б.Н. Чичерин. — М. : Госиздат, 1858. — 389 с.

Шанин, Т. Обычное право в крестьянском сообществе / Т. Шанин // Общественные науки и современность. — 2003. — № 1. С. 116—122.

Шанин, Т. Русское крестьянское право и наследование имущества / Т. Шанин // Отечественные записки. — 2003. — № 2. — С. 337—347.

Шатковская, Т.В. Договорные отношения по обычному праву российских крестьян второй половины XIX — начала XX в. (на примере договора купли-продажи земли) / Т.В. Шатковская // Юристъ-правоведъ. —2008. — № 4. — С. 89—94.

Шатковская, Т.В. Обычно-правовые основы земельно-распорядительной деятельности российских крестьян второй половины XIX — начала XX в. / Т.В. Шатковская // Философия права. — 2008. — № 4. — С. 18—22.

Шатковская, Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века / Т.В. Шатковская. — Ростов н/Д : АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. — 576 с.

Шатковская, Т.В. Понимание и значение наследования в обычно-правовой системе российских крестьян второй половины XIX — начала XX в. / Т.В. Шатковская // Юристъ-Правоведъ. — 2010. — № 4. — 69—72.

Шатковская, Т.В. Понятие «субъект» в обычном праве российских крестьян второй половины XIX — начала XX века / Т.В. Шатковская // Юристъ-Правоведъ. — 2009. — № 4. — С. 88—93.

Шатковская, Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии / Т.В. Шатковская. — Ростов н/Д : РГЭУ, 2000. — 224 с.

Шатковская, Т.В. Самосуд как проявление российского правового менталитета / Т.В. Шатковская // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 6. — С. 35—39.

Шатковская, Т.В. Социальные функции института наказания в обычно-правовой системе российских крестьян периода империи / Т.В. Шатковская // История государства и права. — 2014. — № 21. — С. 42—48.

Шатковская, Т.В. Специфика института завещания как основания наследственных прав российских крестьян второй половины XIX — начала XX века / Т.В. Шатковская // Юристъ-правоведъ. — 2010. — № 3. — С. 81—84.

Шатковская, Т.В. Феномен традиционного правосудия в России: опыт эмпирического исследования / Т.В. Шатковская // Северо-Кавказкий юридический сборник. — 2012 — № 3. — С. 13—19.

Шахназаров, И.Д. «Крестьянская реформа» 1861 года и крестьянство после «освобождения» / И.Д. Шахназаров. — Л. : Изд-во АН СССР, 1935. — 214 с.

Шашков, С.С. Очерк русской женщины / С.С. Шашков. — СПб. : Изд-во Н.А. Шигина, 1871. — 275 с.

Шепелева, М.П. Характеристика уголовных преступников Курской губернии в конце XIX — начале XX в.: гендерные

различия и сословная специфика / М.П. Шепелева // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2011. — Т. 2. — № 3 (18). — С. 170—175.

Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2-х т. / Г.Ф. Шершневич. — М. : Бр. Башмаковы, 1914—1915. — Т. 1. — 499 с; Т. 2. —550 с.

Щедрина, Ю.В. Дискуссия о судьбе волостного суда в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности / Ю.В. Щедрина // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. — 2014. — № 4 (32).

Щедрина, Ю.В. Правовое регулирование статуса волостных судей в проектах редакционных комиссии (1902—1904 гг.) / Ю.В. Щедрина // Электронный журнал «Вестник МГОУ». — 2014. — № 1.

Щедрина, Ю.В. Суды российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Курской губернии) / Ю.В. Щедрина. — Курск : РОСИ, 2007. — 160 с.

Щербинин, П.П. Незаконнорожденные дети в семьях солдаток в XVIII—XIX вв. / П.П. Щербинин // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XIX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). — Тамбов, 2002. — С. 142—147.

Энгельштейн, Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков / Л. Энгельштейн. — М. : Терра, 1996. — 572 с.

Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. — Л. : Изд-во Ленинград. ун-та , 1976. — 286 с.

Якубович, А. Крестьянское самоуправление / А. Якубович. — СПб. : тип. Вощинского, 1883. — 37 с.

Якушкин, Е. Волостные суды в Ярославской губернии / Е. Якушкин // Юридический вестник. — 1872. — № 3. — С. 1—12.

Якушкин, Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия / Е.И. Якушкин // Этнографическое обозрение. — 1891. — Кн. IX. — № 2. — С. 1—19.

Якушкин, Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1 / Е.И. Якушкин. — М. : тип. А.И. Мамонтова, 1910. — 191 с.

Якушкин, Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия / Е.И. Якушкин // Этнографическое обозрение. — 1891. — Кн. IX. — № 2. — С. 1—19.

Яшин, А.Н. Роль обычного права в утверждении идеи справедливости русского правосудия второй половины XIX века / А.Н. Яшин // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № (93). — С. 381—383.

Engel, B.A. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861—1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Frank, St. P. Popular Justice, Community, and Culture among Russian Peasantry: 1870—1900 // Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 3.

Frierson, C. Crime and Punishment in the Russian Village // Slavic Review. 1987. Vol. 46. No 1.

Popkins, G. Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889—1917 // The Russian Review. No. 59. July 2000.

Worobec, Ch. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

common place

издательская инициатива /
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Бакен», «Факел», «Пиотровский», «Подписные издания»
а также заказать с доставкой на сайтах **izd-siyanie.ru**
vse-svobodny.com

Больше информации о проекте на сайте **common.place**

Владимир Безгин

Мужицкая правда

Обычное право и суд русских крестьян

Выпускающий редактор — Мария Глушкова

Корректор — Дарья Козлукова

Оформление серии — Евгения Ставицкая

Подписано в печать 06.09.2017
Формат 84x108/32
Тираж 500 экз.
Заказ № 161

Издательская инициатива «common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80